

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

5
2018
СЕНТЯБРЬ •
ОКТАБРЬ •

Содержание

СТАТЬИ

- Сироткина Е.В.* (Тамбов). Дьюла Андраши, Восточный вопрос и развитие австрийско-российских отношений в 70-е годы XIX века..... 3
- Константину Ф.* (Бухарест). Х.Г. Раковский и бессарабский вопрос в советско-румынских отношениях (1917–1918)..... 17
- Гай-Ныжньк П.П.* (Киев). Становление украинско-грузинских дипломатических отношений в УНР и Украинской державе (1917–1918 годы)..... 32
- Короткова Д.А.* (Москва). «Укрупнение БССР» в 1923–1924 годы: фактор советского влияния в Польше..... 48
- Гладышева А.С.* (Москва). Позиция Румынии по вопросу нераспространения ядерного оружия (1955–1968)..... 60
- Александрова А.К.* (Москва). Политический кризис 2010 года в Греции в современной историографии..... 74
- Якушклина Е.И.* (Москва). Черногорские говоры в «Общеславянском лингвистическом атласе» (лексический аспект)..... 86

СООБЩЕНИЯ

- Марына В.В.* (Москва). Книга чешского историка М. Махачека о последнем президенте социалистической Чехословакии Густаве Гусаке..... 95

IN MEMORIAM

- Силкин А.А.* (Москва). Человек на Балканах: творческий путь А.Л. Шемякина..... 109

РЕЦЕНЗИИ

- Чернявский Г.И.* Д. Миколенко. Страсти за Стамболовим: Болгарские державотворения у 1895–1920 pp..... 118
- Борисенок Ю.А.* Э. Дурачинский. Сталин: создатель и диктатор сверхдержавы..... 120
- Парсаданова В.С.* Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 – декабрь 1945. Т. 2. Ч. 1. Варшавское восстание. Июль–ноябрь 1944 г. Документы..... 124

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Гач А.* Международная научная конференция «Древлеправославие: история и современность»..... 129
- Коза И.* Отчет о Международной научной конференции «Адам Мицкевич. Польша – Россия – Восток»..... 132

ЮБИЛЕИ

- Короткова Д.А.* К юбилею Геннадия Филипповича Матвеева 132

НЕКРОЛОГИ

- Памяти Ивана Ивановича Костюшко (1919–2018)..... 134
- Памяти Ольги Николаевны Майоровой (1952–2018)..... 140

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИПШИУС,
В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА,

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках.

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; адрес электронной почты и контактный телефон. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ДЬЮЛА АНДРАШИ, ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС И РАЗВИТИЕ АВСТРИЙСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 70-е ГОДЫ XIX ВЕКА

© 2018 г. Е.В. Сироткина

Канд. ист. наук, доцент Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

E-mail: evgsirotkina@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности эволюции австрийско-российских отношений при министре иностранных дел Австро-Венгрии графе Дьюле Андраши в 1870-е годы. Автор обращает внимание на то, что цели Андраши отнюдь не всегда были враждебны по отношению к Российской империи и ошибки, которые вели к недопониманию и столкновениям двух государств, допускались с обеих сторон.

The article considers the peculiarities of the evolution of Austrian-Russian relations under the Minister of foreign Affairs of the Austria-Hungary Count Julius (Gyula) Andrassy, in the 1870s. The author draws attention to the fact that the goals of Andrassy not always were hostile to the Russian Empire, and errors that led to misunderstandings and clashes between the two states were committed by both sides.

Ключевые слова: Андраши, Австро-Венгрия, Россия, Восточный вопрос, Берлинский конгресс 1878 г., австрийско-российские отношения.

Keyword: Julius (Gyula) Andrassy, Austria-Hungary, Russia, Eastern question, Berlin Congress of 1878, Austrian-Russian relations.

DOI: 10.31857/S0869544X0000805-8

В 2018 г. исполнилось 140 лет со времени открытия Берлинского конгресса (1878), который нанес ощутимый удар по австрийско-российским отношениям. Одним из активных участников конгресса был министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Дьюла Андраши (1823–1890).

Его назначение на пост 13 ноября 1871 г. стало большой сенсацией в Австро-Венгрии, как и неожиданная отставка с поста министра иностранных дел Фридриха Фердинанда фон Бойста. Венгры чрезвычайно гордились тем, что уже через четыре года после образования Дуалистической монархии Габсбургов из их среды выдвинулся руководитель внешней политики большой империи. Немецкие австрийцы, напротив, восприняли

въезд венгра (к тому же активного участника антигабсбургской революции 1848 г., в свое время даже заочно приговоренного императором Францем Иосифом к смертной казни) во дворец на Балльхаусплац почти как оскорбление, видя в этом ошутимый морально-политический ущерб для своего престижа. Они опасались, что при новом министре во внешней политике Австро-Венгрии отныне возобладает «преимущественно мадьярская точка зрения» [1]. Чехи же негодовали по поводу того, что такой непримиримый противник богемской автономии, их оппонент в условиях острого «кризиса Гогенварта», этот «монгол» и «могильщик Австрии», как они называли Андраши, возглавит общеимперское Министерство иностранных дел. Как писали чешские газеты, «эпоха политического авантюризма завершается, отныне начинается цыганская эра венгерской степи» [2. S. 1–2].

Чиновники министерства в Вене, сроднившиеся с проводимой Бойстом антипрусской политикой, неожиданно должны были резко изменить свои взгляды и повернуться лицом к германо-прусской империи Отто фон Бисмарка [2. S. 2–3]. «История Андраши как министра иностранных дел в период с 1871 по 1879 г. одновременно является историей Бисмарка», — заметил биограф Андраши Эдуард Вертхаймер [2. S. XVIII].

С назначением венгерского графа на пост министра иностранных дел Австро-Венгрии принцип дуализма стал осуществляться и в сфере внешней политики. Венгерская элита впервые начала оказывать непосредственное и прямое влияние на разработку внешнеполитической концепции империи и ее практическую реализацию, т.е. на принятие решений по конкретным международным вопросам.

Проводя параллель между своей внешнеполитической линией и линией Бойста и признавая известную преемственность между ними, Андраши подчеркивал, что Бойст видел путь к успеху в сохранении свободных рук во внешней политике, тогда как он предпочитает сложный путь достижения взаимообязывающих соглашений [3. Л. 3–4]. При этом Андраши отмежевывался от приверженности традиционности и ориентации на так называемый европейский правовой порядок, ссылаясь на которые, Бойст нередко пытался обосновывать свой внешнеполитический курс. «Никакая политика, — заявлял Андраши, — не должна определяться традициями, а должна обеспечивать шансы на успех с помощью эффективных комбинаций: правильна только такая внешняя политика, которая правильна и стратегически» [4. S. 471].

Вектор австро-венгерской внешней политики при Андраши окончательно сместился в сторону Балкан. «Австрия, выдворенная из Италии и Германии, обращается к Востоку, где ее интересы нам особенно враждебны», — констатировал в этой связи руководитель внешней политики Российской империи князь Александр Михайлович Горчаков [5. Л. 195].

Биржевой кризис 1873 г., совпав с началом общей экономической депрессии в Европе, оказывал влияние на экономическую жизнь империи вплоть до 1880-х годов. Подъем в экономике конца 1860-х годов сменился десятилетием бюджетного дефицита. Возникшие трудности проявились в усилиях правительства по развитию торговли Австро-Венгрии с балканскими государствами, усилилась заинтересованность в совершенствовании

существующих и создании новых сухопутных и морских путей в направлении к Османской империи. Во внешней политике Вены возобладала решимость любыми средствами препятствовать утверждению господства потенциально враждебной державы – России – над Боснией, Герцеговиной и санджаком Новипазар – воротами к рынкам Македонии и Салоник.

Политика Андраши на Балканах изначально существенно отличалась от политики большинства его предшественников. В то время как Бойст в сближении с Германией видел и возможность налаживания отношений с ее российской союзницей, для Андраши Россия оставалась, прежде всего, угрозой, которой нужно было противостоять, и в первую очередь, попыткам России расширить сферу влияния вопреки интересам Австро-Венгерской монархии, в том числе посредством создания к юго-востоку от нее государств-сателлитов. Исходя из этого Андраши хотел использовать недавно начавшееся сотрудничество с Берлином именно для того, чтобы направить германскую политику против России. В то время как Бойст размышлял над тем, чтобы в будущем Габсбургская монархия при благоприятной возможности смогла распространить свое влияние на часть Турции, Андраши, напротив, проводил строго консервативную политику поддержки Османской империи, не желая ее ослабления за счет усиления России. Дальнейшее расширение Австро-Венгрии он полностью отвергал, так как это могло привести к росту численности в империи славянского населения и повлекло бы за собой угрозу поглощения мадьяр славянами. В мае 1872 г. он даже назвал турок «самыми сильными и самыми надежными союзниками на Востоке» [6. S. 249] для Австро-Венгрии. В случае восстания христиан в османских владениях на Балканах задача Австро-Венгрии состояла в поддержании принципа невмешательства, дающего туркам возможность подавить беспорядки.

Россия, таким образом, оставалась основным конкурентом Австро-Венгрии на Балканах, и задача нейтрализации ее влияния занимала центральное место во всех внешнеполитических планах Габсбургской империи. Что же касается разрабатывавшихся в России панславянских политических проектов, то в них и вовсе усматривалась угроза целостности Двухединой монархии. Согласие Турции на изменения в Парижском договоре 1856 г. привело к улучшению русско-турецких отношений, благодаря чему открылись новые перспективы перед политикой России на восточном направлении. Успех России на Лондонской конференции по вопросу о черноморских проливах и усиление ее международных позиций после Франко-прусской войны 1870–1871 гг. оказали заметное влияние на настроение Андраши. С одной стороны, это означало, что с Россией надо считаться, с другой – внушало тревогу по поводу австрийских интересов в зонах их столкновений с интересами России. А поскольку амбициозные балканские планы Андраши заходили настолько далеко, что не допускали примирения с русским влиянием в этом регионе, он пришел на Балльхаусплац с уже сформировавшимися представлениями о необходимости превентивной войны против России. «Если вопрос с Россией будет решен, – говорил Андраши, – тогда вопрос с Востоком решится сам собой» [4. S. 469]. При этом он был далек от самонадеянной уверенности в способности Австро-Венгрии решить эту задачу самостоятельно – она явно не обладала

силами, достаточными для этого. Речь шла о создании с этой целью европейской коалиции: это было возможно, поскольку, как он полагал, в защите от русской экспансии была заинтересована вся Европа. Именно поэтому, утверждал Андраши, «пока Австрия является оплотом против России, ее существование будет оставаться европейской необходимостью» [7. S. 231].

Между тем, после провала ряда попыток создать антирусскую коалицию, в 1871–1872 гг. проявились и ряд признаков, свидетельствующих о стремлении Вены расчистить дорогу к некоторому улучшению отношений с Россией. Сближение России, Австрии и Германии происходило в этот период во многом на иных основаниях, чем раньше, хотя играли свою роль и прежние факторы, способствовавшие такому сближению (российско-австро-прусская солидарность в польском вопросе; общность консервативного политического строя). В 1873 г. состоялось подписание так называемого Союза трех императоров между Австро-Венгрией, Россией и Германией [8–9].

В отечественной историографии часто подчеркивалось, что Союз трех императоров являлся «детищем» германского канцлера О. фон Бисмарка и был заключен исключительно в интересах Германии [10–14]. Но вряд ли с этим можно безоговорочно согласиться. Конечно, позицию Австро-Венгрии внутри комбинации из трех империй можно считать наиболее проблематичной в силу относительной военной слабости Габсбургской монархии, а также политического наследия, питавшего недоверие к ней со стороны России (поведение во время Крымской войны и во время Лондонской конференции по Черноморскому вопросу и т.д.). Но вместе с тем, как наиболее слабая из трех держав, она была в одиночку менее опасной соперницей для каждой из двух других входивших в союз империй и в то же время могла представлять угрозу, сближаясь с одной державой против другой. Именно в этом заключалась выгода австрийского положения. В прессе отмечалось, что вопреки ожиданиям ситуация в ходе берлинских переговоров позволила австрийцам избежать отеснения на задний план [15].

Соглашением с Австро-Венгрией Россия приобщала Габсбургскую империю к балканской политике, как бы признавая ее право на причастность к балканским делам. Хотя это и не было выгодно России, но по существу отражало реальность, сложившуюся независимо от нее. Зато Петербург получил возможность (пусть минимальную) оказывать некоторое давление на Австро-Венгрию – прямое или косвенное (т.е. через Германию как партнера по Союзу трех императоров), и в определенной мере застраховался от австро-английского сближения, что имело значение для российской внешней политики.

Несмотря на то, что Берлин в октябре 1873 г. присоединился к австрийско-русской Шенбруннской конвенции и всячески поддерживал Союз трех императоров, подчеркнуто демонстрируя монархическую солидарность, язык ведущих австрийских и русских политиков красноречиво свидетельствовал о неослабевающем неприятии и теми, и другими новой Германской империи. Бисмарк, со своей стороны, всячески избегал споров как с Австро-Венгрией, так и с Россией, и вследствие этого всячески укло-

нялся от участия в обсуждении любых возможных взрывоопасных вопросов по Востоку. Это также указывает, что Союз трех императоров оставался на практике прежде всего австро-венгеро-русским инструментом.

В свете этого участие Австро-Венгрии в Союзе трех императоров выражало ее стремление поддерживать хорошие отношения с Россией, и до тех пор, пока речь не шла о возможных переворотах в Османской империи под панславянским давлением при поддержке российского правительства. Он, без сомнения, способствовал усилению австро-венгерского влияния на Востоке в экономической, культурной и политической областях. При Андраши Австро-Венгрия начала усиливать свои позиции на Балканах.

В 1874 г. Андраши начал переговоры с Сербией о строительстве железной дороги из Константинополя через Белград в Вену. И тогда же он предупредил русских, что Сербия в торговых делах становится все более и более зависимой от своих северных соседей. В Румынии, которую Андраши рассматривал как потенциальную «дамбу», способную поставить заслон на пути славянизации Балканского полуострова, достижения были еще более значительными. В 1874–1876 гг. была построена железная дорога между Будапештом и Бухарестом, а в 1875 г., несмотря на возражения Константинополя, Андраши заключил с румынами торговый договор. К подобным действиям его подталкивали не только усугубляющийся экономический кризис в империи, но и действия турок, которые все больше его разочаровывали. Так, Турция всячески препятствовала работам по урегулированию судоходства по Дунаю, который оставался для Австро-Венгрии главным каналом торговой связи с Востоком. Вместо этого она выступила за строительство железнодорожной линии в Македонию, что благоприятствовало британским и французским конкурентам Австро-Венгрии. В 1875 г. Андраши заявил, что отказывается от своей прежней политики поддержки Турции, которая способствует лишь тому, что балканские государства в конце концов объединятся в своем противостоянии как Турции, так и Австрии. Правда, он рассматривал соседей Австро-Венгрии по Балканскому полуострову все еще как «диких индейцев, с которыми нужно обходиться как с необъезженными лошадьми, одной рукой протягивая им овес, и одновременно угрожая им плетью, зажатой в другой руке» [б. S. 249]. Как бы то ни было, фактически Андраши вернулся в это время к политике Бойста на Балканах.

Причины для изменения курса Андраши были вескими, поскольку в Австро-Венгрии не были убеждены, что сохранение status quo в длительной перспективе будет в их интересах. Усиление европейского влияния на земли Османской империи (включая Египет, Сирию или Боснию) оставалось одним из факторов, ослаблявших скреплявшие ее традиционные структуры, подвергавшиеся все более сильному давлению со стороны христиан и с момента заключения Парижского мира искавшие способы сохранения в условиях западной экспансии. Если любое иностранное влияние было фактором, приближающим взрыв и угрожающим стабильности Османской империи, то любая попытка Австро-Венгрии усилить влияние на балканских христиан, как утверждал Андраши, была способна подорвать ее позиции в Константинополе. Было очевидно, что турки с недоверием относятся к Австро-Венгрии прежде всего из-за ее интереса к Бос-

нии. В первую очередь, это было связано с развернувшимся строительством в этом крае католических церквей и школ, а также с во многом провокативной сенсационной поездкой Франца Иосифа весной 1875 г. через Далмацию. Когда у Двуетидной монархии возникли внутренние и внешние трудности, связанные с вспыхнувшим в Боснии в июне 1875 г. восстанием, а турки оказались предоставлены сами себе, не получив поддержки в деле усмирения бошняков вплоть до вспыхнувших беспорядков в Болгарии в 1876 г., Андраши отчасти был сам виноват в этом.

Восстание в Боснии и перспектива краха османского господства в этой провинции лили воду на мельницу тех кругов при дворе, которые советовали оккупировать ее. Еще в 1856 г. генерал Радецкий выступил с такой инициативой, аргументируя это тем, что присоединение боснийского хинтерланда стратегически необходимо для защиты от внешней угрозы контролируемого Австрией Далматинского побережья. Это позволило бы организовать подходящий сухопутный проход для переброски войск, гарантировало бы безопасность далматинской приморской полосы, которая к этому моменту всецело зависела от присутствия небольшого австрийского флота на Адриатике; с утратой Венеции в 1866 г. эта проблема стала только актуальнее, Далмация, теперь остававшаяся единственной базой для военных судов Австрии, оказывалась защищена только ими. Одновременно указывалось на роль Боснии в экономическом развитии Далматинского побережья, которое могло существенно ухудшиться в силу односторонности торговой связи Австрии с Адриатикой и продолжавшегося ухудшения в 1870-е годы общего экономического положения в империи. Для Франца Иосифа перспектива приобретения дополнительной провинции выглядела, безусловно, привлекательной, а идея окончательного освобождения христиан западных Балкан встречала в обществе повсеместное сочувствие.

Впрочем, ни один из этих аргументов не произвел должного впечатления на Андраши. Он по-прежнему считал Турцию самой удобной из возможных соседок Австро-Венгрии и испытывал страх перед увеличением численности славян в стране. В то же время Андраши был вынужден признать трудности борьбы за сохранение Турции, в результате которой весь славянский мир мог превратиться во врага Австрии. Кроме того, необходимо было не допустить перехода Боснии и Герцеговины под влияние Сербии и Черногории. Ведь эти земли могли объединиться в крупное славянское государство, которое не только имело бы возможность воспрепятствовать торговле и влиянию Австро-Венгрии на юге, но было даже способно предъявить ирредентистские притязания к самой монархии. Исходя из такого рода угроз, политика Андраши заключалась в том, чтобы «не дать вытеснить турок из этих двух провинций; надо было поддерживать их столь долго, сколько это было возможно, консультациями и рекомендациями реформ, а в случае необходимости и отсутствия у них необходимых сил даже защищать их позиции» [2. S. 266; 6. S. 250].

Андраши опасался, что балканские славяне, воспользовавшись обстоятельствами, могли начать революционную борьбу. При этом он был убежден, что боснийским восстанием руководил международный революционный комитет, имевший целью организовать мощное революционное ирредентистское государство на границах Австро-Венгрии. Другая опасность

исходила от России, которая могла вмешаться в ситуацию в качестве защитницы балканских христиан и создать государство-сателлит, которое превратилось бы в значительную угрозу монархии на юге, как это было в случае с русскими позициями в Польше, угрожавшими с севера. В этой ситуации Андраши категорически отверг предложение России о решительном вмешательстве «европейского концерта» и об основании автономного государства на Балканском полуострове, хотя сам не мог предложить иные, более мягкие меры по урегулированию конфликта. Прежде всего он и слышать не хотел о планах автономии для Боснии, края, в котором католическое, православное и мусульманское население при слабом автономном режиме в условиях постоянного притеснения со стороны турок оказалось бы неуправляемым, превратившись в источник непрерывного беспокойства на границах Австро-Венгерской монархии и дальнейшего разрушения Османской империи. Когда Андраши в мае 1876 г. встретился с А.М. Горчаковым и О. фон Бисмарком, он даже угрожал отказаться от Союза трех императоров в случае, если Россия и дальше будет выступать со столь радикальными автономистскими предложениями в отношении Боснии [б. S. 250–251]. Альтернативу такой политике Андраши видел в отказе от решительных действий, в надежде на то, что боснийский кризис как-нибудь разрешится сам собой с наименьшими потерями для status quo. Едва ли это можно назвать конструктивным вкладом в разрешение конфликта. Предложения о реформах для Боснии, выдвинутые в декабре 1875 г. в австро-венгеро-российской ноте, были настолько умеренными, что турки смогли их принять, однако не удивительно, что сами восставшие их отвергли. Андраши смягчил все формулировки Горчакова в Берлинском меморандуме 1876 г., предпочитая использовать намеки для давления на Константинополь. Нерешительность Андраши при решении проблем вполне понятна. Как бы то ни было, она никак не вела к разрешению углублявшегося кризиса на Востоке.

В июне 1876 г., когда государственный переворот в Константинополе привел к хаосу и Сербия с Черногорией объявили войну Османской империи, положение стало опасным. Очевидно, что австрийцы не могли игнорировать это нежелательное для них развитие, но возможности, которыми Андраши обладал для разрешения кризиса, были сильно ограничены. Как обычно, Австро-Венгрия нуждалась в поддержке одной из великих держав. Когда распространилась весть о болгарской резне, оказалось, что Великобритания не собирается предпринимать какие-либо меры для защиты Османского региона, а Бисмарк прямо заявил, что Австро-Венгрия может рассчитывать на германскую поддержку лишь в случае совместной работы с Россией в рамках Союза трех императоров.

К счастью для Андраши, правительство в Санкт-Петербурге все еще избегало панславистского давления, которое могло бы привести к его конфликту с центральноевропейскими державами. Так что Андраши решился подписать Рейхштадскую конвенцию от 8 июля 1876 г. в интересах Австро-Венгрии: в случае если Османская империя будет разрушена в ходе войны, Босния и, по возможности, Герцеговина должны были достаться не Сербии и Черногории, а Габсбургской монархии; Россия получила бы обратно лишь южную Бессарабию, утраченную в 1856 г., а при распределении между собой областей Балканского полуострова державы должны были

исходить из принципа равновесия. В этом отношении Рейхштадтская конвенция препятствовала тому, чтобы война между Турцией и балканскими государствами оказалась поводом для конфликта между Россией и Австро-Венгрией, тем самым она стала достойным внимания успехом Союза трех императоров.

Но вскоре оказалось, что Турция не была уничтожена, а оба славянских государства, напротив, были побеждены. Этот успех придал туркам решимость отвергать даже самые минимальные проекты реформ, предложенные великими державами. Кроме того, теперь возникла еще более серьезная проблема: давление общественного мнения на русское правительство с требованием использовать военную силу против Турции.

Союз трех императоров даже обострил эту проблему. Россия, получившая горький урок в годы Крымской войны, явно остерегалась двигаться с Веней в одном направлении. Австрийцы, со своей стороны, не могли выступить на защиту турок, опасаясь реакции славянского мира. Военные советники Франца Иосифа эрцгерцог Альбрехт и граф Фридрих фон Бек, выражали недоверие по отношению к Берлину и предостерегали императора от войны с Россией, так как армия была к ней не готова, а Россию — как в этом мог убедиться еще Наполеон I — невозможно быстро победить [б. S. 251]. Даже Андраши был вынужден признать, что невозможно подготовиться к войне с Россией: для этого потребовалась бы жизнь целого поколения и закончилась бы она гибелью одной или же обеих империй.

Еще менее вероятной была перспектива того, что Австро-Венгрия сможет найти действенную поддержку извне. Британцы, возможно, хотели бы держать Россию на отдалении от Константинополя, но едва ли они поддерживали сохранение османского господства на Балканах. А австрийцы еще меньше, чем в 1850-х годах, были склонны служить континентальным тараном для западных морских держав. «Поэтому, — провозгласил Бек, — [Россия] — ближайшая из полуокруживших Австро-Венгрию соседей, которую нельзя втягивать в войну по усмотрению западных держав, так как в случае войны именно Австрия вынуждена будет оказаться первой на поле битвы» [б. S. 252–253; 16. P. 85–93]. Одновременно Берлин советовал объединиться с Россией за любую награду и защищать австро-венгерские интересы дипломатическими средствами в рамках Союза трех императоров.

В 1876 г., в самый разгар Восточного кризиса, Андраши издал политическую брошюру «Пять лет государственного искусства Андраши и Восточной политики Австро-Венгрии» [17]. Обеспокоенность кризисом он выразил на первых же страницах: «Железные ворота¹, Золотой Рог² окрашены потоками крови — бесценной кровью разных народов и племен, так что Черное море за долгие годы должно было изменить свое название и свой цвет, и теперь его нужно переименовать в Кровавое море» [17. S. 4].

В связи с разразившимися событиями перед Австрией, по мнению Андраши, встал главный вопрос: может ли она допустить, «чтобы Россия в одностороннем порядке закрыла глаза умирающей Турции?» К несомненным

¹Железные Ворота — сужение в долине Дуная в месте сближения Карпат и Стара-Планины (речные ворота) на границы Сербии и Румынии.

²Золотой Рог — узкий, изогнутый залив, впадающий в пролив Босфор в месте его соединения с Мраморным морем.

успехам он относил восстановление отношений с Россией и заключение Союза трех императоров: «Андраши показал твердую уверенную руку и лишенный предубеждений образ мыслей. Телом и душой мадьяр, никогда не отрицавший своих принципов 1848 г., на этот раз он полностью отказался от национальной точки зрения и дал венграм пример самоотрицания, когда принял протянутую ему русскую руку и честно, дружески ее пожал. Князь Горчаков ответил доверием, проявив со своей стороны искренность и прямоту и, таким образом, одновременное сближение привело две северные державы к Союзу трех императоров, который в разных условиях и перед лицом труднейших вопросов оправдал себя и, надо надеяться, и в более трудные времена еще сумеет показать себя» [17. S. 21].

Известная напряженность в отношениях с Россией, подчеркивал он, была вызвана страхом перед панславизмом, однако во время встречи в Берлине Горчаков сумел его успокоить и убедить, что панславянские идеи не встречают поддержки у руководства Российской империи, вследствие чего можно было говорить о достигнутом с Россией «взаимопонимании, вызывающем доверие» [17. S. 24].

Сложившаяся международная обстановка требовала оформления новых принципов внешней политики Австро-Венгрии. «Мы хотели бы определить, — писал Андраши, — 8 фундаментальных статей, которые *должны составить основу австро-венгерской политики* (здесь и далее курсив мой. — Е.С.), так как если при предстоящем решении Восточного вопроса для Австро-Венгерской империи дело закончится ничем, ограничившись лишь бесполезными жертвами деньгами и кровью, или же ей в конце придется одной оплатить весь счет, это обернется для нее утратой позиций великой державы и условий своего существования» [17. S. 41].

Восемь фундаментальных статей Андраши, включали в себя следующие положения:

Ст. 1. Основным условием политики, исходящей из рациональных интересов Австрии, является *сохранение Союза трех императоров*, дальнейшее его совершенствование и укрепление в целях собственной защиты и отпора врагам альянса трех императорских держав. За Берлинской конференцией и достигнутым на ней соглашением должно последовать как можно скорее второе свидание трех императоров, на котором должны быть окончательно конкретизированы каждый из пунктов и положений договора, оставленных в Берлине открытыми. По ним должны быть вынесены окончательные определения, иначе будет обесценен весь союз, тогда как дополнения «от случая к случаю» способны лишь ослабить его.

Ст. 2 констатировала, что политика графа Андраши в обеих делегациях сохраняет вотум неограниченного доверия, значение которого нельзя недооценивать, но при этом он не является достаточной гарантией для обеспечения успеха всей его политики в будущем.

Согласно ст. 3, граф Андраши должен был придерживаться двух «фактических истин» как фундаментальных принципов своей политики:

Во-первых, Турцию нельзя сохранить и ее распад — вопрос менее, чем одного года (!?), если даже не одного месяца. Этот процесс происходит независимо от желания России, так как османская экономика очень быстро достигнет дна.

Во-вторых, как было подчеркнуто, «Пруссия-Германия и Россия во всех случаях и в любых европейских конфликтах крепко и нерасторжимо связаны между собой, это произошло в результате заключения церемониальных союзов, достигнутых еще до 1865 г., которые были окончательно утверждены в 1866 г., расширены в 1870–1871 гг. и трансформировались в соответствии с меняющимися политическими формами». Вследствие этого Германская империя до некоторых пределов, которые должны быть твердо определены, должна оставлять свободными руки России на Востоке. Как отмечалось дальше, «прусская политика не является абсолютно свободной по отношению к российской, а потому нельзя думать о серьезной борьбе с Российской империей из-за ее союзнических связей с Германской империей».

Согласно ст. 4, из всего вышеизложенного для любого думающего политика проистекало следующее:

«а) Для уже гарантированно гибнущей Турции австрийская политика интересов неприемлема, это была бы работа Дон Кихота или даже какая-то безумная гусарская пьеска.

б) Удушение Абдул Азиза и государственный переворот Мурада II ни в малейшей степени не изменили внутреннюю и внешнюю политику Турции, а процесс распада не просто не приостановился, а достиг наивысшего темпа.

в) Австрии не стоит пытаться противостоять участию одной из двух имперских держав в военной интервенции или оккупации одной или нескольких частей Турции, а необходимо использовать сложившиеся условия, чтобы утвердить свое положение великой державы перед Европой и удовлетворить собственную военную честь.

г) Роковым заблуждением, которое было бы поставлено в вину любому государственному деятелю Австрии, стала бы оккупация какого-либо небольшого государства. Талант графа Андраши и его многолетняя политика являются речательством того, что он никогда не согласится на комбинацию, вследствие которой был бы нанесен урон военной чести Австрии, а Австрийская империя утратила бы положение великой державы, которое во многом ей еще только предстоит возродить, обосновавшись на Востоке и выдвинув притязания на компенсацию (Трентино, Каподистрию, одной из частей Далмации и т.д.).

д) Помощь туркам и преждевременное лишение поддержки бегущих в австрийские земли в поисках защиты инсургентов, могут быть восприняты как такой же акт жестокости и оказались бы *значительной политической ошибкой политики* Андраши, которой необходимо тщательно избегать. *Австрия не может позволить себе в Восточной политике больше ни единого промаха!*».

В ст. 5 со ссылкой на вышеизложенное говорилось, что

«а) *Германская империя*, столь долго шедшая к своему теперешнему виду при прусском преобладании и руководстве, *никогда не будет вести войну против России*. До тех пор пока современные правители и наследники престолов обеих империй будут жить и править, принципы двусторонней политики никогда существенно не изменятся. Пруссия нуждается в одобрении России, а Россия нуждается в согласии с Пруссией. Без Пруссии-Германии Россия, конечно, не смогла бы достигнуть на Востоке значительных успехов, но и Пруссии-Германии так же необходима косвенная помощь России в реваншистской войне против «усилившейся» Франции.

Пруссия без пассивной помощи России не сможет завершить преобразования в Германской империи, которые нынешние руководители имперской политики считают необходимыми, дабы почти свободный союз германских государств превратить в крепкий и нерасторжимый.

б) Большой политической *глупостью со стороны Австрии* было бы надеяться когда-либо на поддержку Пруссии-Германии в войне против России. Австро-Венгерская монархия, вследствие подобной безрассудной политики, оказалась бы в роли сидящего «между двумя стульями» или стала бы естественным объектом соглашения между спорящими частями и их союзниками».

В ст. 6 был сформулирован вывод о том, что граф Андраши должен решительно и непоколебимо держаться за союз с двумя «северными империями» вопреки любым провокационным голосам с английской стороны; при этом следует «не будить опасных заблуждений и не вызывать необоснованных подозрений».

В ст. 7 говорилось о необходимости для Австрии навсегда порвать с гибельной традиционной Восточной политикой: «Отныне австрийская политика должна лишь делать вид, будто она вновь склоняется к западным державам, и не повторять гибельных ошибок 1854, 1859, 1866 и 1870 г., которые, подобно говорящим табличкам, предупреждают об опасных ложных путях, самыми опасными из которых были бы сотрудничество с Францией и солидарность с англо-турецким союзом».

Согласно ст. 8, осознавая все это, Андраши, «подобно опытному капитану, который уже спас австрийское государственное судно от ряда опасных штормов», должен был, «если он хочет и в дальнейшем вести верным путем свой корабль», принять к сердцу слова Писания (Genesis I, 17): «Спасай Себя и Свое имущество, не оглядывайся и не останавливайся ни на миг, торопись скорее вперед, чтобы ты не погиб!» Как отмечалось далее, «ни промедление, ни торопливость, ни бесконечные оглядывания по сторонам не помогут Австрии в ее восточной политике. Ни венгерские страхи, ни немецко-австрийские необоснованные тревоги не могут смущать или препятствовать руководителю австрийской политики мужественно приближаться к намеченной цели» [17. S. 41–45].

Будапештская конвенция (январь–март 1877 г.) на случай русско-турецкой войны должна была защитить интересы Австро-Венгрии. Она не только подтвердила положения Рейхштадтской конвенции, но и гарантировала Австрии изменение торговых путей через Новопазарский санджак. Так Андраши надеялся обеспечить торговлю и влияние Австро-Венгрии в западной части Балканского полуострова, не нагружая при этом страну приобретением дополнительных областей. Россия обещала не допустить, чтобы начавшаяся русско-турецкая война превратилась в панславянский крестовый поход и ограничиться восточными Балканами, обещала, что ни в какой из частей Балканского полуострова не будет образовано крупное славянское государство. Австро-Венгрия со своей стороны должна была пресекать любые попытки Великобритании возобновить тройственный договор, подобный заключенному в 1856 г., превратив войну в европейскую.

Когда Россия в апреле 1877 г. фактически объявила Турции войну, Андраши сдержал слово. Он оставался нечувствительным к дипломатическим «шупальцам» из Лондона и, как он это называл, к «глупой суете» туркофильских кругов в Венгрии [17. S. 17; 18]. Будапештская конвенция

парализовала воздействие концерта держав на войну, а достигнутые соглашения локализовали Восточный кризис, так что совместная работа Австро-Венгрии и России в рамках Союза трех императоров оказалась эффективной, более того, предлагала единственно возможную защиту австро-венгерских интересов [6. S. 253].

Это была защита, от которой Андраши неохотно отказался, даже когда он был вынужден признать, что русская политика резко изменилась. Русско-турецкий Сан-Стефанский договор (март 1878 г.) предусматривал автономию Боснии и создание крупного Болгарского государства, в котором в течение двух лет должны были находиться российские войска – и это все при полном игнорировании протестов из Вены.

Участие графа Андраши в Берлинском конгрессе (1/13 июня – 1/13 июля 1878 г.) для пересмотра Сан-Стефанского договора доказывало его желание избежать войны с Россией и сохранить лицо под прикрытием концерта европейских держав. В последующих переговорах с Россией Андраши настойчиво добивался признания своего плана сохранения Союза трех императоров и отказывался от соглашения с Великобританией, надеясь, что Россия будет уважать дух договоров в Рейхштадте и Будапеште. Однако попытки русских дипломатов расколоть ряды, делая уступки Лондону и оставляя при этом Вену ни с чем, привели к краху Союз трех императоров [6. S. 253–254].

Уже 6 июня англичане объявили, что готовы передать международный мандат на оккупацию Боснии и Герцеговины Австро-Венгрии. Одновременно Андраши получил право на оккупацию Новопазарского санджака. Как и оккупация Боснии, это была скорее контрмера, которая должна была воспрепятствовать установлению между Сербией и Черногорией чересполосицы, способной препятствовать дальнейшему проникновению Австро-Венгрии на Балканы. Андраши достиг успеха благодаря совместной англо-австрийской работе в «болгарском комитете», ограничив размеры нового государства на треть и сократив время русской оккупации княжества с двух лет до девяти месяцев. Месяц совместной работы с англичанами дал австрийцам ту уверенность в своей безопасности, которой они не смогли получить за все три года работы в рамках Союза трех императоров.

Андраши сумел извлечь выгоду и из изменения позиций самих балканских государств. Болгария была разочарована сокращением границ, которые были определены Сан-Стефанским договором, другие балканские государства, за исключением Черногории, были недовольны предложениями России в Сан-Стефано, Греция ожидала поддержки от Великобритании и Франции, Сербия и Румыния связывали свои надежды исключительно с Австро-Венгрией. Андраши одобрил сохранение формальной независимости Сербии, Румынии и Черногории, выступил за расширение Сербии в южном направлении, склонил Турцию, Сербию и Болгарию к завершению строительства сети железных дорог в направлении к австро-венгерской границе и обеспечил Австро-Венгрии сильные позиции в Дунайской комиссии. Благодаря всем этим мерам были заложены условия для усиления экономического и политического влияния Дуалистической монархии на Балканском полуострове в 1890-е годы. В области высокой политики Андраши надеялся, что новый англо-австрийский союз – даже

несмотря на то, что Бисмарк все еще упорно держался за союз с Санкт-Петербургом — с турецкой помощью будет достаточно сильным, чтобы вынудить Россию к твердому соблюдению актов Берлинского конгресса, и усилит ту относительно благоприятную позицию, которую сумела занять Австро-Венгрия по итогам разрешения Восточного кризиса [6. S. 255].

Впрочем, этим надеждам не суждено было осуществиться. Акты Берлинского конгресса, правда, несколько улучшили положение Турции, но основную проблему ее слабости не решили. Великобритания и Австро-Венгрия продолжили сотрудничество, чтобы уменьшить русское влияние в Болгарии, но уже скоро оказалось, что их интересы на Балканах не совпадают. Отчуждение между Австро-Венгрией и Турцией после Берлинского конгресса еще более усилилось, когда султан при фактической передаче власти в Боснии начал отказывать Андраши в любом содействии. Андраши оказался в затруднении, и когда был поставлен перед фактом необходимости втягивания кайзеровско-королевской армии в кровавую борьбу против местного восставшего населения, и когда вынужден был вести бесконечные дебаты внутри страны: славяне выступали за расширение границ империи на Балканском полуострове, сторонники аннексионистской политики при дворе требовали ограничиться присоединением Боснии. При этом либералы в обоих парламентах подсчитывали расходы военной авантюры, указывали на конституционные проблемы, которые возникнут в результате аннексии и даже угрожали отклонить договор с Берлином [6. S. 255–256].

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Берлинский конгресс 1878 г. вновь обострили австрийско-российские отношения и фактически разрушили Союз 1873 г. Отношения между Веней и Петербургом были явно испорчены. Ситуация в чем-то напоминала ту, что сложилась после Крымской войны, с одной, но существенной разницей: на этот раз Австро-Венгрии удалось избежать изоляции, поскольку бисмарковская Германия была по-прежнему заинтересована в сближении с ней. Союзу трех императоров был нанесен сокрушительный удар, зато коалиция Вены и Берлина становилась все более прочной. 7 октября 1879 г. этот факт получил документальное подтверждение: в тот день в Вене было подписано тайное австро-германское соглашение, положившее начало Тройственному союзу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Neue Freie Presse. 1871. 13 November.
2. *Wertheimer E.* Graf Julius Andrassy. Sein Leben und seine Zeit. Nach ungedruckten Quellen. Stuttgart, 1913. Bd. 2. Bis zur geheimen Konvention vom 15 Januar 1877.
3. АВПРИ. Ф. Канц. 1872 г. Д. 107.
4. *Lutz H.* Österreich-Ungarn und die Gründung des Deutschen Reiches. Europäische Entscheidung 1867–1871. Frankfurt am-Maine; Wien, 1979.
5. АВПРИ. Отчеты. 1872 г.
6. Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. Im Auftrag der Kommission für die Geschichte der österreichische-ungarische Monarchie (1848–1918). Wien, 1989. Bd. VI. Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen.
7. *Diysegi J.* Einige Bemerkungen zum Frage der österreichisch-ungarische Ostpolitik // Österreich-Ungarn in der Weltpolitik. 1900–1918. Berlin, 1965.
8. *Сироткина Е.В.* Дьюла Андраши // Вопросы истории. 2017. № 7.

9. *Сироткина Е.В.* Австрийско-российские отношения в начале 1870-гг.: возрождение союза «Восточных монархий» // Российско-Австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Ставрополь, 2018. Вып. VI. К 150-летию образования Австро-Венгерской империи.
10. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978.
11. *Шнейерсон Л.М.* На перепутье европейской политики: австро-русско-германские отношения, 1871–1875 гг. Минск, 1984.
12. История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М., 1999.
13. История дипломатии. М., 2009.
14. *Kölnische Zeitung*. 1872. 15 September.
15. *Diószegi I.* L'Autriche-Hongrie et les perspectives d'une guerre russo-turque à l'automne 1876 // *Revue d'histoire moderne et contemporaine* 27 (1980).
16. *Andrássy G.* Fünf Jahre Andrassy'scher Staatskunst und die Orient-politik Oesterreich-Ungarns. München, 1876.
17. *Wertheimer E.* Graf Julius Andrássy. Sein Leben und seine Zeit. Nach ungedruckten Quellen. Stuttgart, 1913. Bd. 3. Letzte Lebensjahre. – Charakteristik Andrassys.
18. *Diószegi I.* Andrássy und Disraeli in Sommer der Jahres 1877 // *Études historiques hongroises* 1980.

Х.Г. РАКОВСКИЙ И БЕССАРАБСКИЙ ВОПРОС В СОВЕТСКО-РУМЫНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1917–1918)

© 2018 г. Ф. Константинову

Академик Румынской академии наук

Предлагаемая вниманию читателя статья из наследия одного из крупнейших современных румынских историков касается дискуссионной проблемы о судьбе золотых запасов Румынии, находившихся с конца 1916 г. на хранении в Москве и изъятых советским правительством в начале 1918 г. после ввода в Бессарабию румынских войск. На основе анализа источников автор пришел к выводу о том, что глава румынского правительства генерал А. Авереску подписал в Одессе соглашение с эмиссаром большевистского правительства Х. Раковским ради спасения заложников и в ожидании включения Бессарабии в состав Румынии по условиям заключения мира по окончании Первой мировой войны.

The article belongs to the legacy of the prominent Romanian historian and deals with the destiny of the golden reserve of Romania, which since the late 1916 had been preserved in Moscow and was expropriated by the Soviet government in the early 1918, after Romania occupied Bessarabia. On the basis of analysis of related sources, the author came to the conclusion that the head of the Romanian government General Alexandru Averescu signed an agreement with the emissary of the Bolshevik government Christian Rakovsky in Odesa for the sake of rescue of the hostages and in expectation of the annexation of Bessarabia to Romania in accordance with the provisions of the peace-treaty signed after World War One.

Ключевые слова: Первая мировая война, Румыния, 1918 г., большевистское правительство, золотые запасы, Бессарабия, А. Авереску, Х. Раковский.

Keywords: World War One, Romania, 1918, Bolshevik government, golden reserve, Bessarabia, Alexandru Averescu, Christian Rakovsky.

DOI: 10.31857/S0869544X0000848-5

Предлагаемая вниманию читателя статья посвящена двум проблемам, не раз становившимся предметом исследования специалистов и по сей день вызывающим дискуссии не только научные, но и политические в контексте непростых советско-румынских отношений: судьба депонированного в Москве румынского золота после его изъятия советским правительством в начале 1918 г. и соглашение Авереску–Раковского от 20–24 февраля (5–9 марта) 1918 г. с обещанием вывести румынские войска из занятой ими Бессарабии.

Очередное обращение к этим двум проблемам стало возможным благодаря документальным источникам, опубликованным в России. Речь идет о протоколах заседаний Совета народных комиссаров (СНК) (ноябрь 1917 г. – март 1918 г.) и переписке Христиана Раковского с заместителем наркома по иностранным делам СССР М.М. Литвиновым в декабре 1923 г. – феврале 1924 г.

И в определении судьбы румынского золота, и, разумеется, в процессе подготовки и подписания советско-румынского соглашения 1918 г. Раковский был одним из главных действующих лиц, а его переписка с Литвиновым содержит сведения, представляющие значительный интерес для изучения советско-румынских отношений, в том числе и бессарабского вопроса.

Приводя биографические сведения о Раковском, авторы неизменно подчеркивают космополитический характер его личности и деятельности: болгарин по национальности (настоящее его имя – Крыстю Георгиев Станчев), гражданин Румынии, получил образование во Франции, впоследствии переехал в Россию. Успешная карьера, казалось, являла собой маленькую Вавилонскую башню: выпускник медицинского факультета университета в Монпелье, один из руководителей социал-демократической партии Румынии, председатель СНК и нарком иностранных дел Советской Украины, полпред СССР в Лондоне, затем – в Париже, видный деятель «левой оппозиции» (троцкистской) в СССР, сосланный в Саратов, Астрахань и Барнаул, крупный работник Наркомата здравоохранения СССР и, наконец, узник сталинских лагерей, расстрелянный в начале Великой Отечественной войны (см. [1. Р. 421–428]). Таким был жизненный путь рядового врача, покоренного коммунистической утопией и мечтавшего изменить весь мир. И в личной жизни Раковский вышел за привычные рамки: женившись третьим браком на румынке Александре Кодряну (в девичестве Александреску), стал приемным отцом для ее дочери Елены от первого брака с доктором Филиппом Кодряну (подробнее см. [2])¹.

В первой четверти XX в. расхождения между прогерманской ориентацией румынской монархии и профранцузскими настроениями большинства населения в условиях, когда последнее выступало за национальное объединение Румынии путем присоединения Трансильвании, Буковины и Баната, выкристаллизовали позицию Раковского – он поддержал официальную политику нейтралитета. Раковский не без основания полагал, что малые страны являются инструментом в руках противоборствовавших великих держав. В условиях начавшейся Первой мировой войны он резко осудил призывы лидеров социалистических и социал-демократических партий как Германии, так и Франции поддержать свои правительства. По его мнению, «интересы рабочего класса воюющих стран не означают даже временного отказа от классовой борьбы» [4. Р. 449].

¹ В годы советской перестройки стало известно о существовании у Раковского сына Аскольда. Его мать, стенографистка Юлия Шеглова, познакомилась с Раковским в астраханской ссылке. Аскольд Юльевич Шеглов окончил медицинский институт в Астрахани, аспирантуру в Ленинграде, работал в Калининском (Тверском) мединституте. Свое родство с Раковским никогда не афишировал. В 1990 г. впервые побывал на родине отца – в Болгарии [3. С. 116] (*прим. переводчика*).

Летом 1916 г. в войну на стороне Антанты вступила и Румыния. Правительство Иона И.К. Брэтиану посчитало Раковского опасным элементом, особенно в условиях массированного наступления Центральных держав по территории Румынии и войны с Болгарией. Он был арестован и содержался в Яссах под присмотром солдат из гарнизона союзнических российских войск. Февральская революция 1917 г. в России привела не только к падению самодержавия, но и к распространению «революционной заразы» среди российских войск на Румынском фронте, вызвала смуту и беспорядки в самой румынской Молдове. Во время первомайской демонстрации солдаты яесского гарнизона освободили Раковского². После выступления на многотысячном митинге [6]³ перед своими освободителями он сразу же выехал вместе с М. Г. Бужором в Одессу. Там ими был создан Румынский социал-демократический комитет действия с целью подготовки революции в Румынии [7]⁴.

Из Одессы Раковский перебрался в Петроград, где, как он сообщил позднее в письме Литвинову от 11 февраля 1924 г., встретился с Лениным и обсудил с ним бессарабский вопрос. Поскольку, по словам Раковского, встреча состоялась накануне открытия Учредительного собрания, можно достаточно точно определить ее дату — до 5 (18) января 1918 г.: «Мы говорили, — писал Раковский, — что Бессарабия, если, конечно, выскажет пожелание, может быть присоединена к будущей Румынской Советской Социалистической Республике, и, если бы в Румынии уже была советская власть, конечно, решение этого вопроса никаких затруднений сейчас бы не вызывало» [9. С. 58]. Ситуация на Румынском фронте, где шло разоружение большевизированных российских воинских частей, и, возможно, указанная выше беседа с Лениным привели к обсуждению румынских дел на заседании СНК 11 (24) января 1918 г.

Как следует из протокола заседания, СНК заслушал «доклад Троцкого о положении в Румынии, в связи с неслыханными насилиями со стороны Румынского правительства по отношению к нашим войскам». Вывод делался на основании итогов совещания с участием Раковского и доклада специально созданной комиссии по проблемам Румынии. Решение было принято следующее: «Предложить партиям большевиков и левых социалистов-революционеров по ознакомлению их с личным составом комиссии пополнить ее своими членами» [10. С. 203].

Как известно, в тот момент российско-румынские отношения были очень напряженными. Советское правительство, протестуя против разоружения румынскими войсками большевизированных российских воинских частей на Румынском фронте, распорядилось арестовать румынского посланника в Петрограде Константина Диаманди, а также членов дипломатической миссии и ру-

² Хр. Раковский лично описал и прокомментировал свое освобождение в одной из одесских газет [5. Р. 231–234].

³ Утверждение, что на митинге собралось до 20 тыс. чел., не кажется преувеличенным (см. [5. Р. 221–223; 7]).

⁴ См. также подробный отчет о деятельности румынских коммунистов в Советской России, составленный А. Николау и адресованный Секретариату Коминтерна [8. Р. 134 și urm].

мынского военного представительства (1 января 1918 г.). Это привело к вмешательству аккредитованного в Петрограде дипломатического корпуса, дуайену которого – послу США Д.Р. Френсису удалось добиться освобождения арестованных. За этим последовали жесткие действия советской стороны – разрыв дипломатических отношений с Румынией и изъятие (после ввода румынских частей в Бессарабию для пресечения хаоса вблизи линии фронта) золотого запаса Румынии, привезенного в условиях германского наступления на хранение в Москву (13 января 1918 г. по ст. ст.). Советское правительство объявило, что вернет его румынскому народу в подходящий момент (о ходе этих событий см. записки и сводки румынского и советского правительств [11. Р. 9 și urm]).

В протоколе заседания СНК от 15 (28) января 1918 г. фигурирует и приложение – адресованный СНК доклад так называемой комиссии по ликвидации румынской контрреволюции. Вот его текст: «Обсудив имеющиеся сведения о положении дел в Молдавии и Бессарабии, комиссия (по ликвидации румынской контрреволюции. – Ф.К.) пришла к заключению о необходимости принять немедленно самые решительные меры к подавлению румынской контрреволюции. Для общего руководства в Молдавии и Бессарабии этим делом, по мнению комиссии, необходимо следующее:

1) В Кишиневе создать автономную Верховную русско-румынскую коллегию по румынским и бессарабским делам из председателей местных революционных организаций, стоящих на точке зрения Советской власти, как-то: “Румчерода” (Центральный исполнительный комитет Советов солдатских, матросских, рабочих и крестьянских депутатов Комитета Румынского фронта, Черноморского флота и Одессы. – Ф.К.), советов рабочих и крестьянских депутатов всей Бессарабии и г. Кишинева, Румынской социал-демократической рабочей партии, Молдавской социал-демократической рабочей партии и других организаций;

2) Для скорейшего проведения в жизнь вышеизложенного комиссия считает необходимым немедленно делегировать из ее состава нижепоименованных товарищей: Христиана Георгиевича Раковского, Михаила Георгиевича Бужора, Михаила Мануиловича Брашевана, Вильяма Бернардовича Спири, Александра Константиновича Воронского, Федора Ивановича Куля (Полярного), а также Анатолия Григорьевича Железнякова, с полномочиями следующего содержания: “Предъявитель сего тов... назначается Советом Народных Комиссаров в качестве комиссара-организатора по русско-румынским делам на юге России”⁵;

3) Ассигновать в распоряжение Верховной коллегии на вышеуказанные потребности из средств Совета Народных Комиссаров пять млн руб.;

4) Для проведения в жизнь решения комиссаров одновременно отправлять с ними отряд революционных матросов и солдат под командой комиссара т. Железнякова, каковому отряду будет поручена доставка в один из надежных на юге пунктов фонда Полевого казначейства армий Румынского фронта ас-

⁵ М.Г. Бужор в воспоминаниях указал, что «названный мандат этого важного органа» за подписью Ленина он получил во время встречи с советским руководителем [12. Р. 322–323].

сигновок для Чернофлота и вышеуказанных ассигнований на нужды Верховной коллегии». Комиссия просила СНК принять экстренное решение по вышеуказанным вопросам. На документе стояли подписи председателя комиссии Г. Чичерина, ее членов и секретаря [10. С. 218–219].

На этом же документе от 15 (28) января 1918 г. имеются следующие пометы: «Взять эти пять миллионов из арестованных в Москве румынских денег. Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин), Управляющий делами Совета Народных Комиссаров Влад. Бонч-Бруевич || Взятые пять миллионов рублей покрываются из арестованного румынского фонда || протокол № 47, п. 11» [10. С. 219].

В приложении к той же группе документов имеется также записка следующего содержания:

«В Департамент Государственного казначейства
Дмитрию Петровичу Боголепову

Уважаемый товарищ, Совет Народных Комиссаров в заседании своем от 15 января постановил ассигновать из средств Государственного казначейства Верховной румынской коллегии по румынским и бессарабским делам пять млн руб. с покрытием этой суммы из арестованного в Москве румынского фонда. Сообщая об этом постановлении Совета, просим Вас принять экстренные меры к скорейшему проведению этой ассигновки, причем один миллион желательно выдать румынскими [ден]знаками» [10. С. 219].

Приведенные выше документы показывают, что советское руководство продолжало «стимулировать» революцию в Бессарабии и румынской Молдове, создав с этой целью подлинно «интернациональный» руководящий орган (в его состав входили представители России, Румынии, Бессарабии и Болгарии). Его деятельность обеспечивалась значительными денежными средствами — теми самыми 5 млн руб. из румынского золотого запаса.

Уверенное в неминуемой победе революции в Румынии и, как следствие, в создании в стране коммунистического правительства, советское руководство разработало проект декрета следующего содержания (как приложение к протоколу от 18 января 1918 г.): «Рабоче-крестьянское правительство Российской Социалистической Республики Советов приветствует первое Румынско-Бессарабское социалистическое правительство советов, образовавшееся в составе тт... (фамилии не указаны. — *Ф.К.*), выражая радость по поводу усиления рядов революции новым социалистическим союзником, Российское рабоче-крестьянское правительство передает в полное его (Румыно-бессарабское социалистическое правительство Советов. — *Ф.К.*) распоряжение весь наличный золотой фонд и все имущество бывшего Румынского королевского правительства, находящиеся в пределах Российской Республики Советов» [10. С. 244]⁶.

На заседании СНК 19 января (1 февраля) 1918 г. по ходатайству Раковского и Бужора обсуждался вопрос «о финансировании революции».

⁶ На заседании СНК был заслушан доклад Г.В. Чичерина о Румынии. Учитывая напряженность в советско-румынских отношениях, Раковский предложил СНК составить приветствие будущему революционному румынскому правительству. Сталин, однако, воспрепятствовал обсуждению этого вопроса. Протокол не раскрывает причины этого [10. С. 234].

Называлась и сумма – 10 млн руб. На сей раз постановили передать ходатайство на рассмотрение в Финансовую коллегия [10. С. 247]. Последствия этого решения исследователям пока не неизвестны.

Когда речь заходит о соглашении Авереску–Раковского (март 1918 г.) о выводе из Бессарабии вошедших туда в начале 1918 г. в интересах стабилизации положения в крае румынских войск, первое, что привлекает внимание исследователя, – встречающаяся в комментариях к публикациям констатация, согласно которой «текст “переговоров” отсутствует в румынских дипломатических архивах и даже не упоминается в какой-либо форме в более поздних документах» [11. Р. 26].

В архиве МИДа Румынии хранятся документы, касающиеся этого соглашения, с одним из которых я имел возможность ознакомиться⁷.

О чем же вели «переговоры» премьер-министр и министр иностранных дел Румынии генерал (будущий маршал Румынии) Александру Авереску и руководитель автономной Верховной русско-румынской коллегии СНК Х. Раковский?⁸

Впоследствии Раковский неоднократно подчеркивал, что соглашение предусматривало вывод румынских войск из Бессарабии в течение двух месяцев после его подписания (см., например, [9. С. 53, 58]). Советская и постсоветская историография при публикации текста соглашения неизменно подтверждала эту позицию Раковского и увязывала сам документ с последующими событиями⁹.

Румынская историография не уделяла должного внимания соглашению Авереску–Раковского, всячески подчеркивая важность решения об объединении Бессарабии с Румынией, принятого на заседании Сфатул Цэрий¹⁰. В 1940–1950-е годы документ замалчивался, что было обусловлено сильной зависимостью румынского политического режима от СССР. Однако и после 1964 г., в условиях большего дистанцирования Бухареста от Москвы и утверждения там национал-коммунистических тенденций, румынские ученые по-прежнему не упоминали или полностью отрицали факт подписания соглашения Авереску–Раковского. Так, в одной из работ, характеризующей позицию румынской историографии эпохи Чаушеску, указывалось: «В некоторых зарубежных работах (имелись в виду работы советских авторов. – Ф.К.) принято говорить, что якобы было достигнуто соглашение о выводе румынской армии

⁷ Выражаю за это благодарность историкам Н. Николеску и С. Обизиуку.

⁸ С советской стороны «соглашение» также подписали представитель наркомата иностранных дел РСФСР в Одесской области М. Брашеван, глава Румчерода В.Г. Юдовский, председатель Исполкома СНК Одессы А.К. Воронский и комиссар южной группы войск Красной армии М.А. Муравьев.

⁹ См., например, статью о советско-румынском соглашении в молдавской советской энциклопедии (текст составлен в духе неприязни по отношению к Румынии: «Правительство королевской Румынии подло нарушило договор и аннексировало Бессарабию») [13. Р. 66–67]. М.И. Мельтюхов приписывает договору особое значение: «Договор имел большое значение для Советской России, так как являлся вторым после Брест-Литовского договора международным актом, в котором она была признана как суверенная держава, и первым договором со страной, входившей в Антанту» [14. С. 57].

¹⁰ Сфатул Цэрий – Совет страны или Совет края – высший орган государственной власти Бессарабии. Создан 21 ноября/ 4 декабря 1917 г. (*прим. пер.*).

из Бессарабии. На самом деле, эта интерпретация является исторической неточностью» [15. Р. 565]¹¹.

В одной из последних работ, посвященных жизни и деятельности маршала Авереску, ее автор П. Оту специально рассмотрел этот вопрос в главе «Спорное соглашение» и пришел к выводу, что «ответ румынского правительства был в некоторой степени небрежно подготовлен – факт, объясняемый путаницей, возникшей в череде быстро сменявших друг друга событий» [16. Р. 212, 217] (Серьезный анализ обстоятельств подписания соглашения Авереску–Раковского см. [17. Р. 18–23].)

Для историка было бы настоящей манной небесной получить личные записи генерала Авереску о переговорах с Румчеродом и заключении соглашения. К великому сожалению, опубликованный дневник Авереску времен Первой мировой войны заканчивается именно 5 (18) марта 1918 г. и не содержит сведений о переговорах с советскими представителями в Одессе. Сделанная позднее автором приписка к записи от 28 февраля 1918 г. повествует о беседе с Ионом Инкулецом, главой Сфатул Цэрий, о возможности объединения Бессарабии с Румынией [18. Р. 309].

Один из политических оппонентов маршала Авереску И.Г. Дука был категоричен в вопросе о существовании соглашения Авереску–Раковского и его негативных последствиях для позиции Румынии по бессарабскому вопросу. Текст из его воспоминаний – настоящая обвинительная речь, заслуживающая воспроизведения полностью:

«Известно, в какой действительно трагической ситуации находятся наши соотечественники в Одессе и на юге России в целом. Таким образом, долгом правительства Авереску было сделать все возможное для их спасения. Но после того, что мне сказали, по совету Арджетоану¹², родители которого находились в Одессе, Авереску с непозволительным легкомыслием заключил с Румчеродом (sic!), т.е., на самом деле, с Раковским, соглашение, в основе которого в обмен на репатриацию наших соотечественников он обязался в течение двух месяцев эвакуировать румынские войска из Бессарабии. Немыслимо представить себе, какой аргумент получили, таким образом, большевики против нас, т[ак] к[ак] мы в официальном документе доказываем самим себе, что оккупация Бессарабии была неправым делом, хотя наше положение и вопиющая историческая правда заключались в том, что эта румынская область вернется добровольно и навсегда к Матери-Родине, от которой она была силой несправедливо отторгнута царской Россией. Меня и сегодня спрашивают, как стало возможным, что генерал Авереску подписал этот документ. Сама идея расплаты за несколько сотен румынских жизней ценой ухода из Бессарабии чудовищна. После отстранения Авереску сам собой потерял значение и договор, но нельзя не считаться с тем, что эта жалкая ошибка является единственным аргументом, к которому Россия могла бы апеллировать против нас по вопросу о Бессарабии, и меня сильно пугает, чтобы

¹¹ Авторы ссылаются на заявление наркома иностранных дел Г.В. Чичерина от 2 марта 1920 г. о том, что «переговоры в феврале/марте 1918 г. были безрезультатными “из-за немецкого и австрийского вторжения”».

¹² К. Арджетоану – известный румынский политик, а в это время министр юстиции в правительстве А. Авереску (*прим. пер.*).

она (Россия. — *Прим. пер.*) не застала нас врасплох в минуту больших испытаний. Покамест же Авереску доказал еще раз, что не являлся фигурой, отвечавшей нуждам времени, и что его отставку нельзя было больше откладывать» [19. Р. 75].

Конец цитаты ясно указывает на силы, стоявшие за спиной И.Г. Дуки и идейно вдохновлявшие его. Либералы и, в первую очередь, Брэтиану не могли согласиться с фактом сосредоточения власти в руках человека, не поддававшегося политическому давлению. Авереску не соглашался быть инструментом в руках второго «визиря» румынской политической жизни (первым был отец Брэтиану — И.К. Брэтиану старший!). Естественно, что Дука негативно относился к соглашению Авереску—Раковского и склонен был объяснять вмешательство Арджетоюна исключительно личными мотивами.

Неверным является и утверждение Дуки, что «после отстранения Авереску сам собой потерял значение и договор». Соглашение перестало действовать *de facto* после бегства из Одессы большевистских руководителей, среди которых был и Раковский, из-за приближения к городу германо-австрийских войск.

Я думаю, что обвинения, выдвинутые Дукой в адрес Авереску, основаны на ошибочной концепции, согласно которой именно пребывание румынской армии в Бессарабии явилось решающим фактором ее объединения с Румынией. Так считали советские руководители, а вслед за ними и советская историография. В действительности, Бессарабия воссоединилась с Румынией не в результате военной операции, а по решению Сфатул Цэрий, представительного демократического органа Бессарабии¹³. Итоги голосования Сфатул Цэрий не были продиктованы военным присутствием Румынии в Бессарабии. Известно, что мнения его членов разделились вплоть до полярных, и ключевую роль сыграла пламенная речь К. Стере¹⁴ в пользу объединения.

Итак, Дука ясно подтвердил существование соглашения Авереску—Раковского, оглашая обязательство румынской стороны покинуть территорию в течение двух месяцев. Однако существует и другая версия, призванная оправдать генерала Авереску и подтвердить имидж Румынии как страны, которая решительными действиями стремилась защитить свою территорию от большевистских банд, пытавшихся установить советскую власть. Сторонники этой версии утверждают, что Авереску, желая обезопасить румын Одессы и юга России, подвергаемых арестам и угрозам большевиков во главе с Раковским (см. [20. Р. 244; 7. Р. 396—403]), установил с ними контакт. Генерал отправил Раковскому через полковника Д.У. Бойля текст соглашения с уточнением, что принимает все требования и условия, выдвинутые Румчеродом,

¹³ Дискуссии о том, насколько этот орган, избранный не на основе всеобщего волеизъявления, был в тех условиях легитимен и представлял интересы всего населения Бессарабии, не прекращаются в литературе (*прим. редк.*).

¹⁴ Стере, Константин (1865—1936) — молдавский и румынский политический и государственный деятель, писатель, публицист, депутат Сфатул Цэрий от Сорокского уезда Бессарабской губернии. 27 марта 1918 г. на заседании Сфатул Цэрий призвал депутатов голосовать за объединение Бессарабии с Румынией, заявив, что в противном случае румынское государство «будет вынуждено аннексировать Бессарабию без вашего согласия» (*прим. пер.*).

за исключением первого — об эвакуации румынских войск из Бессарабии в течение двух месяцев. По сути, это условие было самым важным в договоре (поэтому и стояло первым в перечне требований).

Фредерик Нану, румынский дипломат и знаток национальных дипломатических архивов, предложил следующее объяснение позиции Авереску: «Премьер-министр Румынии генерал Авереску написал в тексте ультиматума: “Все условия, за исключением первого, будут приняты, но еще до начала переговоров одесские румыны должны быть освобождены”. В то же время он сделал помету “нет” на полях напротив первого параграфа с требованием покинуть территорию Бессарабии и поставил “да” напротив остальных параграфов. Отрицание “нет” находилось прямо над строкой, где оговаривалась эвакуация из Бендер. Полковник Бойль, занятый сохранением жизни заложников, принес набросок положительного ответа, который хотел взять с собой на следующий день. К этому наброску добавилась просьба правительства Авереску о немедленном обмене военнопленными, а в предложение, которое санкционировало эвакуацию, были включены также слова “за исключением условий пункта 1, призывающего к немедленной эвакуации из Бендер”. Очевидно, что из-за спешки произошла ошибка, т[ак]к[ак] не имело никакого смысла оставлять гарнизон в одном-единственном городе на украинско-бессарабской границе, в то время как все остальные войска выводились и коммуникации оставались в распоряжении большевиков. Сам генерал Авереску 24 июня 1918 г. объяснял румынскому парламенту, что предполагал начинать эвакуацию именно с Бендер. Более того, в телеграмме от 11 (24) марта, направленной им румынскому командованию в Бессарабии, говорилось, что 5 марта было достигнуто соглашение с ведомствами Раковского и Юдовского (вышеупомянутой комиссией СНК и Румчеродом. — *Прим. пер.*) о признании завершённым вооруженного конфликта между румынскими и большевистскими войсками. Авереску сообщал, что “демаркационной линией по ту сторону Днестра, которую не будут пересекать даже патрули, станет правобережье реки”» [21. Р. 108–109].

Следовательно, согласно Нану, спор вокруг соглашения Авереску–Раковского возник из-за неправильной интерпретации помет к тексту Авереску (отрицание «нет» относилось к расположенным справа строкам об эвакуации из Бендер) и последующей редакторской правки окончательного варианта текста, произведенной в спешке. Схожего мнения придерживается и Оту, указавший на небрежно подготовленный ответ румынского правительства [16. Р. 217], о чем уже упоминалось выше.

По моему мнению, если объяснять случившееся как досадную техническую накладку, допущенную при редактировании текста соглашения, то генерал Авереску стал виновником дисквалифицирующего его компетенцию действия: глава правительства и министр иностранных дел не имел права отправлять подписанный им документ (независимо от того, насколько велика была угроза, нависшая над румынами Одессы и юга России) без его внимательной и даже, я бы сказал, сверхвнимательной проверки. Как человек военный и, следовательно, выдержанный и хладнокровный (это убедительно подтверждает вся его военная карьера и политическая деятельность), наделенный чувством ответственности, Авереску

не мог действовать под влиянием паники и не мог проявить небрежность в деле государственной важности.

Остановлюсь на двух важных моментах.

Во-первых, ответ румынского правительства, отправленный Румчеродом из Одессы, звучал следующим образом: «Все условия указанного предложения принимаются безоговорочно, так, как они изначально сформулированы, за исключением условия, содержащегося в пункте, требующем немедленного вывода войск из Бендер» [11. Р. 22]. Румынское правительство в варианте текста, отправленном в Одессу, следовательно, согласилось на эвакуацию воинских частей из Бессарабии в течение двух последующих месяцев, но хотело удержать за собой Бендеры.

Во-вторых, источники, имеющиеся в нашем распоряжении, начиная с ответа советских властей из Одессы и заканчивая свидетельствами румын, находившихся в городе, совпадают, показывая, что ответ, полученный от румынского правительства, большевики расценили как урегулирование конфликта с Румынией (см. [22]).

Думается, что самым значимым документом, свидетельствующим о получении ответа румынского правительства, является телеграмма, отправленная 28 февраля (13 марта) 1918 г. Раковским Ленину и Троцкому: «Мир был заключен через полковника Бойля из канадской армии. Статьи договора следующие: Румыния официально объявляет, что постепенно покидает Бессарабию и будет немедленно эвакуироваться из Жебриянской бухты, стратегического военного пункта вблизи Дунайских гирл. По мере ухода румынских войск оставленные объекты будут заниматься нашими войсками. Через два месяца в Бессарабии останется только десять тысяч румынских солдат для охраны румынских складов и железных дорог» [11. Р. 28]. После сообщения о событиях, которые несколько ослабили позицию большевиков, Раковский делает вывод: «Мы могли бы добиться лучших условий мира от Румынии, если бы мы имели чуть больше времени для переговоров» [11. Р. 29].

Оставляя в стороне обоснование Раковского, замечу: из рассказов очевидцев ясно, что ответ румынского правительства рассматривался как советско-румынское соглашение, которое положило конец жестоким действиям советских властей по отношению к румынам Одессы и юга России. Так, капитан авиации К. Андрееску 2 июля 1918 г. писал в одном из рапортов в Информационное бюро Управления Генерального штаба о прибытии 25 февраля полковника Бойля «с подтверждением мирного договора со стороны румынского правительства, в соответствии с которым нужно произвести срочный обмен военнопленными» [23. Р. 95–96]¹⁵. Имеющиеся свидетельства едины в том, что советская сторона (Румчерод) расценила ответ Авереску как одобрение условий Раковского и его окружения, за исключением вывода войск из Бендер, т.е. оговорки, полученной Советской Россией.

Политические оппоненты Авереску заняли такую же позицию. В парламентской «дуэли» генерала с вице-премьером и министром иностранных дел в правительстве германофила А. Маргиломана (март —

¹⁵ Версию Э. Николау см. [23. Р. 113].

октябрь 1918 г.) К.К. Арионом, состоявшейся на заседании Палаты депутатов 23 июня 1918 г., последний был весьма категоричен: «Вы отвергли только первое условие, т.е. начало эвакуации из Бендер и Жебриянской бухты (в тексте соглашения: Jebriani – рум. – Ф.К.). Это всё. Так расценил это и Раковский, который получил Ваше условие» [24. Р. 226]. Утверждая, что ответ Авереску содержал согласие на требование Раковского, за исключением вывода войск из Бендер, и что Раковский и его товарищи были удовлетворены полученным ответом, исследователи всегда ссылаются на Ариона.

Между тем, выступление Авереску в парламенте было противоречивым и уязвимым. В ходе «дуэли» с дипломатом генерал 23 июня 1918 г.¹⁶ в Палате депутатов сообщил об обстоятельствах подписания спорного соглашения.

Его выступление содержало несколько важных моментов:

а) текст, отправленный в Одессу, прошел правку, которая не во всем совпадала с резолюцией самого Авереску: «Отдел, когда работал [...] расширил мою резолюцию. Не изменил сути дела, но, конечно, она не совпадает с ней». «Следовательно, утверждение в неточной редакторской правке поспешно? – быстро атакует К.К. Арион. – Вот, господин генерал, как Вы стали жертвой отделов. Вас вынудили принять как раз то, чего Вы не хотели [...] Вы жертва отделов? (Взрыв смеха)» [26. Р. 222, 227];

б) даже если некий «отдел» некорректно отредактировал точку зрения Авереску (а именно, отказ от эвакуации войск из Бессарабии), тем не менее стоит отметить, что его намерение не было искажено. Формулировка, которая отражает отказ от эвакуации из Бендер, в соответствии с позицией Авереску, должна интерпретироваться следующим образом: Румчерод требовал «постепенной эвакуации из Бессарабии, начиная с Бендер», отказ же покинуть Бендеры в силу расположения этого города на восточной границе Бессарабии сделал вообще невозможной эвакуацию румынских войск из края: «Если не начнешь с Бендер, – говорил Авереску, – не сможешь продолжить постепенную эвакуацию. Именно так понял тот, кто редактировал текст» [26. Р. 223]. Довод генерала звучит вполне аргументированно.

Итак, позиция Авереску была сформулирована следующим образом: хотя правка ответа не соответствовала решению генерала, все же в варианте, отправленном советской стороне, его позиция была очевидной: постепенная эвакуация румынских войск из Бессарабии, предписанная Румчеродом, должна была начаться с Бендер (и Жебриянской бухты), но при отказе покинуть Бендеры это означало само собой отказ от эвакуации из Бессарабии. Представляя этот аргумент, Авереску риторически заключает: «Вот, господа, как я отдал Бессарабию» [26. Р. 223]¹⁷.

¹⁶ Для румынской историографии характерно, что в различных работах это выступление датируется по-разному: Ф. Нану указывает 24 июня 1918 г. [21. Р. 109]; в румынском издании документов по истории советско-румынских отношений в 1917–1934 гг. – 18 августа 1918 г. [11. Р. 22]. В документах о соглашении Авереску–Раковского, подготовленных МИДом Румынии, говорится о 29 июня 1918 г. [25]. В действительности, Авереску доказывал правомерность соглашения с Раковским, отвечая на критику Ариона, на заседании Палаты депутатов 23 июня 1918 г. (см. [26. Р. 215–230]).

¹⁷ Относительно Жебриянской бухты Авереску уточнил: «Еще есть местность, Жебриянул [...] из которой просят эвакуироваться, но эта местность по ту сторону Днестра. Было бы правильным покинуть ее, потому что мы ограничили границу Днестром» [26. Р. 223].

Генерал подчеркнул, что если бы было принято решение покинуть Бессарабию, то он остался бы с определенным количеством войск на границе области, поскольку в манифесте, опубликованном тогда начальником Генштаба Румынии, ясно указывалось, что румынские военные покинут Бессарабию только тогда, когда там будут восстановлены порядок и спокойствие.

Далее Авереску остановился на вопросе о целесообразности и возможности объединения Бессарабии с Румынией в тот момент. В общем виде этот вопрос был представлен парламентариям следующим образом:

а) до заключения мира с Центральными державами и их союзниками Германия и Австро-Венгрия побуждают Румынию оккупировать Бессарабию в качестве компенсации за потерю Добруджи¹⁸;

б) Бессарабия представляет собой территорию, зараженную большевизмом, который оказывает влияние на политику страны, что может вызвать большие трудности;

в) между Румынией и Бессарабией существовали большие различия в структуре и управлении (характер аграрных отношений, конфессиональная система и т.д.), которые осложняли включение области в состав страны;

г) временный характер ослабления России, которая сумеет восстановить свои силы и положить тем самым начало новому этапу в конфликте между двумя странами¹⁹.

В конечном итоге генерал, который, и об этом никак нельзя забывать, сам являлся уроженцем Южной Бессарабии, констатировал: «Думаю, что объединение Бессарабии и Румынии до подписания мирного договора²⁰ было преждевременным; если бы объединение случилось сегодня, оно имело бы другие последствия. Желаю вам от всей души избежать каких-либо нежелательных последствий» [11. Р. 225].

В свете заявлений Авереску попытаемся суммировать его мотивацию при заключении соглашения с Раковским.

¹⁸ Заслуживает упоминания факт, что в 1941 г. маршал Й. Антонеску, решившись аннексировать Транснистрию, т.е. Левобережное Приднестровье, не хотел никаких публичных упоминаний о добруджанском прецеденте, чтобы не давать повод немцам утверждать, что аннексия территории между Бугом и Днестром является компенсацией Румынии за Северную Трансильванию (см. [27. Р. 52–53]).

¹⁹ Авереску принадлежит следующая оценка: «Россия больна, неоспоримо, что она очень больна; но Россия не погибла и поправится. Нам, малой стране, не следует злоупотреблять этим паралитическим положением, в котором находится наш сосед. Мы окружены болгарями, венграми и русскими. У нас нет никакого интереса, напротив, было бы безрассудной политикой с нашей стороны пытаться испортить отношения со всеми. Следовательно, без исключительного повода не нужно провоцировать положение дел, которое могло бы иметь [нежелательные] последствия для наших будущих отношений с Россией» [11. Р. 224]. Арион возражал: «Такая Россия, какой она была, больше не сможет возродиться. Превенция России умерла навсегда, потому что не смогут отказаться от своего государства ни Украина, ни Финляндия и ни одна из стран, родившихся на обломках России, где слились снова в одном море деспотизм и автократия» [11. Р. 228]. Прекрасный повод поразмышлять о прагматизме, адекватности оценок и прогностических способностях румынских политиков, как в прошлом, так и в настоящем.

²⁰ Мирный договор с Германией, о котором идет речь, был подписан пока еще на ее условиях, 7 мая 1918 г. (*прим. ред.*).

Главной его целью являлось спасение румынских заложников из Одессы, ставших заложниками бесконтрольных действий Раковского²¹. Быстрое завершение переговоров с большевистскими властями Одессы было делом первостепенной важности, чтобы прийти на помощь находившимся в опасности соотечественникам.

В момент заключения договора с большевиками Авереску не считал своевременным объединение Бессарабии с Румынией. Это следует из его приведенных выше слов. Неопределенная и посему поддающаяся различной интерпретации формулировка об уходе из Бессарабии имела двойной расчет: обезопасить румын из Одессы и южной России и воспользоваться двухмесячной передышкой для урегулирования бессарабского вопроса. Иными словами, использовать сохранявшееся (в том числе благодаря оговорке о Бендерах) военное присутствие Румынии в междуречье Прута и Днестра и объединить Бессарабию с Румынией после заключения мира с Центральными державами и их союзниками.

Не нужно забывать, что в течение двух месяцев, отведенных на эвакуацию румынских войск из Бессарабии в качестве аванса Центральным державам, на Украине могло произойти (и произошло) крушение большевистской власти в Одессе, а Румыния могла получить «добро» на активные действия в Бессарабии после заключения мира с Германией, Австро-Венгрией и их союзниками.

Уверенный, что момент объединения Бессарабии с Румынией еще не наступил, Авереску на правах премьер-министра советовал главе Сфатул Цэрий Иону Инкулецу и руководителю молдавского (бессарабского) правительства Даниэлю Чугуряну огласить прокламацию об объединении, дождавшись более подходящих условий [29]. Напомню, что по соглашению с Раковским в Бессарабии на протяжении определенного времени могли находиться 10 тыс. военнослужащих для охраны складов и путей сообщения, т.е. речь шла об обеспечении, хотя и в ограниченных масштабах, румынского военного присутствия.

Думается, Авереску подписал одесское соглашение с большевиками, чтобы спасти заложников и выиграть время, исходя из перспективы заключения мира с Центральными державами и их союзниками и создания благоприятных условий для включения Бессарабии в состав Румынии.

Раковский, со своей стороны, исходил из того, что подписанное соглашение предусматривало вывод румынских войск из Бессарабии в течение двух месяцев. Это подтверждают его письма закрытого характера на имя Литвинова от 5 января и 11 февраля 1924 г., которые, будучи лишены пропагандистских клише, отразили суть позиции революционера. Однако события развернулись по-другому, и Бессарабия оказалась включена в состав Румынии. Оставаясь последовательным противником любых уступок советской стороны королевской Румынии в бессарабском вопросе и вместе с тем не отказываясь от планов

²¹ См., среди прочего, красочное повествование К. Арджетоюну, родители которого находились в Одессе. Автор приводит в приложении расписку, выданную Раковским генералу Арджетоюну после конфискации его вкладов из сейфа, находившегося в банке «Le Credit Lzonnais» [28. P. 94, 307].

революционизирования Юго-Восточной Европы, Раковский лаконично выразил свою позицию в письме к Литвинову от 29 декабря 1923 г.: «Нам нечего торопиться вынимать из румынской ноги бессарабскую занозу» [9. С. 52].

В директиве Политбюро ЦК ВКП (б), адресованной участникам советско-румынских переговоров, которые состоялись в Вене (27 марта – 2 апреля 1924 г.), четко и ясно указывалось, что «Бессарабия ни в коем случае не может быть уступлена Румынии» [9. С. 49]. Х.Г. Раковский мог быть вполне удовлетворен.

Перевод с румынского А. Гладышевой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Broue P. Rakovsky ou la Revolution dans tous les pays. Paris, 1996.*
2. De-a lungul și de-a latul secolului (1908–1999). Însemnări autobiografice și reconstituiri documentare despre Elena Codreanu-Rakovski / Culese de G. Bratescu. București, 2002.
3. *Чернявский Г.И., Станчев М.И., Тортика (Лобанова) М.В.* Жизненный путь Христиана Раковского. Европеизм и большевизм: неоконченная дуэль. М., 2014.
4. *Rakovski C. De la Zimmerwald la Berna // Gândirea marxistă în România precomunistă. O antologie. București, 2006.*
5. *Ideologie și structuri comuniste (1917–1918) / Ed. de F. Tănăsescu/ București, 1995.*
6. *Rakovsky Ch. Selected Writings on Oposition in the USSR, 1919–1930 / Ed. by G. Fagan. New York, 1980 // <https://www.marxists.org/archive/rakovsky/biog/index.htm>*
7. *Mosolov A.A. Misiunea mea în România / Ed. de Marin C. Stănescu. București, 1997.*
8. *Fereșan C. Sub steag străin. Comuniștii și Partidul Comunist din România în arhiva Kominternului (1919–1924). București, 2011.*
9. «Нам нечего торопиться вынимать из румынской ноги бессарабскую занозу». Переписка Хр. Раковского с М.М. Литвиновым // Источник. 2001. № 1.
10. Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 г. М., 2006.
11. *Relațiile româno-sovietice. Documente / Ed. D. Preda. București, 1999. V. I. 1917–1934.*
12. *Bujor M.G. Scrieri social-politice (1905–1961) / Ed. N. Copoiu. București, 1979.*
13. *Enciclopedia Sovietică Moldovenească. Chișinău, 1970. Vol. 1.*
14. *Мельтюхов М. Освободительный поход Сталина. Бессарабский вопрос в советско-румынских отношениях в 1917–1944 гг. М., 2006.*
15. *Mușat M., Ardeleanu I. De la statul geto-dac la statul român unitar. București, 1983.*
16. *Otu P. Mareșalul Alexandru Averescu. Militarul, omul politic, legenda. București, 2005.*
17. *Murad-Mironov A. Improvizație sau iresponsabilitate? Acordul Alexandru Averescu-Chiristian Rakovski, martie 1918 // Istorie și civilizație. 2009. Noiembrie. № 2.*
18. *Averescu A. Notițe zilnice din război, 1916–1918. București, 2000.*
19. *Duca I.G. Amintiri politice. München, 1982.*
20. *Țurcanu I. Unirea Basarabiei cu România. Preludii, premise, realizări (1918). Chișinău, 1998.*
21. *Nanu F.C. Politica externă a României, 1919–1933 / Trad. L. Roșu și E. Ungureanu. Iași, 1993.*
22. *Procopiu G. Parlamentul în pribegie (1916–1917). Amintiri, note, impresii. Ed. a II-a. București, 1992. P. 90–91; Stahl H. Cu Parlamentul on URSS (1916–1918). Ed. a II-a. București, 2003. P. 203–204.*
23. *Rakovski. Dosar secret / Ed. de S. Tănase. Iași, 2008.*
24. «Monitorul Oficial». Adunarea Deputaților. № 16 din 6 septembrie 1918. Ședința din 23 iunie 1918.
25. *Negocierile Averescu–Rakovski din 1918. AMAE. Fond 71/URSS. Vol. 131. F. 147.*

26. «Monitorul Oficial». Adunarea Deputaților. № 16 din 4 septembrie 1918. Ședința din 23 iunie 1918.
27. *Bossy R.* Jurnal, 2 noiembrie 1940 – 9 iulie 1969 / Ed. de I. Mamina. București, 2001.
28. *Argetoianu C.* Memorii pentru cei de mâine. Amintiri din vremea celor de ieri / Ed. S. Neagoie/. București, 1995. Vol. V.
29. *Kristescu C.* Istoria Războiului pentru întregirea României, 1916–1918. Ed. a II-a. București, 1989. V. III. P. 111; *Popovici A.* The Political Status of Bessarabia. Washington, 1931. P. 211–212.

СТАНОВЛЕНИЕ УКРАИНСКО-ГРУЗИНСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В УНР И УКРАИНСКОЙ ДЕРЖАВЕ (1917–1918 ГОДЫ)

© 2018 г. П.П. Гай-Ныжнык

*Д-р ист. наук, заведующий отделом Научно-исследовательского института
украиноведения Министерства образования и науки Украины (г. Киев).
E-mail: hai-nyzhnyk@ukr.net*

В статье исследуется становление украинско-грузинских политико-дипломатических отношений в период 1917–1918 гг. Анализируются дипломатические отношения между Грузинской Демократической Республикой и Украинской Народной Республикой (времен Центральной Рады), а позже – Украинской Державой (Гетманатом П. Скоропадского).

The article explores the establishment of the Ukrainian-Georgian diplomatic relations during 1917–1918. It analyses diplomatic relations between the Georgian Democratic Republic and Ukrainian People's Republic (during the Central Rada) and, later, the Ukrainian State (Hetmanate of Pavlo Skoropadskyi).

Ключевые слова: Грузинская Демократическая Республика, Украинская Держава, УНР, Центральная Рада, история дипломатии.

Keywords: Georgian Democratic Republic, Ukrainian State, Ukrainian People's Republic, Central Rada, history of diplomacy.

DOI: 10.31857/S0869544X0000849-6

Февральская революция 1917 г. в Петрограде привела к падению самодержавия Романовых, краху империи, усилению центробежных процессов в России и возрождению национальных автономно-федералистских движений, которые довольно быстро обрели не только культурно-просветительские признаки, но и характерные социально-политические черты с определенными центрами, стремящимися к достижению национального суверенитета и государственной независимости. Начался скоротечный процесс становления бывших российских окраин на путь создания собственных национальных государств. Не были исключением в этих динамических преобразованиях как украинский, так и грузинский народы.

Украинско-грузинское политическое сближение началось с самого начала падения царизма. Так, например, уже 19 марта 1917 г. представитель грузинских организаций в Ростове и французский консул приветствовали

десятитысячную манифестацию украинцев с требованиями автономии Украины в составе федеративной Российской республики [1]. Делегат Украинского национального конгресса от киевских грузинских организаций — Коиавя 7 апреля 1917 г. произнес речь на русском языке [2]. 8 апреля в поздравлении Национальному съезду он, в частности, отметил: «Вы, украинцы, и мы, грузины, особенно близки друг к другу. Наша прошлая судьба одинакова. Украина и Грузия присоединились к России с тем условием, что они сохранят полное право национального самоопределения, но недостойные правители России нарушили договор и стремились нас задушить. Когда говорят: “Украина воскресла”, я говорю: “Она не умирала никогда, но лишь теперь светлые дни ее жизни”. Наши сердца, исполненные радостью, вместе с вами кричат: “Да здравствует свободная Украина! Да здравствует Федеративная Республика!”» [2].

В начале августа 1917 г. комитет Грузинского военного союза обратился телеграммой к Украинской центральной раде с просьбой помочь проинформировать воинов-грузин, которые находились на территории Украины, что 22 августа в Тифлисе состоится Всероссийский съезд грузин-военнослужащих. Поэтому Малая рада Центральной рады решила принять меры, чтобы сообщение об этом съезде были напечатаны в газетах [3. 15 VIII].

Представители грузинского народа участвовали в Съезде народов, который проходил с 8 по 15 сентября 1917 г. в Киеве. На этом конгрессе представитель грузинской национал-демократической партии И. Мочавариани также напомнил, что и Грузия, и Украина в свое время согласились на союз с Россией, но Россия Романовых обратила этот союз в игло. «Теперь [...] надо думать [...] о том, чтобы эти договоры восстановить, — заявил он. — Нужна крепкая организация и объединение национальностей, чтобы добиться освобождения своих стран» [3. 10 IX].

Социалист-федералист И. Бараташвили указал, что «грузинский народ жил в братском согласии со всеми народами, а прежде всего, с мусульманскими народами Закавказья. Новое революционное правительство не сумело устранить препятствий, которые затрудняют дорогу к построению новой жизни. Правда, старый режим оставил трудные проблемы, но народы России в силе решить эти сложные вопросы, если возьмутся за них вместе. Для этого надо объединить все живые силы под лозунгом равенства, братства и взаимной любви. [...] Украинская демократия сумела сплотить всех вокруг единой основной задачи, а именно — вокруг достижения автономии, которую она уже на самом деле имеет. И именно Рада созывает Съезд народов, а не правительство, которое занято якобы более важными делами, но какими, неизвестно. Мы стоим перед большой опасностью, как извне, так и внутри, а способ спасения — это новый децентрализм государства, который не означает распада» [3. 12 IX]. Несколько позже, 7 ноября 1917 г., на заседании Малой рады он, как член Совета народов, такими словами приветствовал провозглашение Украинской народной республики III Универсалом Центральной рады: «Центральная рада разрушила этим актом гордиев узел, и украинский народ теперь свободен. Тот централизм, что был источником притеснений народов, Центральная рада раздавила и стерла. Свален тот столп, на котором стоял

империализм Российского государства. [...] Революция создает новые законы, и на основании законов революции Украина стала свободной. Народ украинский выбрал себе путь, с которого начинается новая жизнь. [...] Я хочу, чтобы Украина была той каменной скалой, на которую опирались бы все народы. Пусть живет Украинская республика!» [3. XI].

Вскоре, 11 ноября 1917 г., на чрезвычайном заседании Малой рады по поводу законопроекта о выборах в Украинское учредительное собрание с приветствием от имени грузин Киева выступил Нотадзе. Он зачитал резолюцию, в которой собрание представителей столичных грузин разной партийной принадлежности приветствовало провозглашение Украинской народной республики, и высказал уверенность, «что поднятый флаг — символ федерации — не останется одиноким и другие народы так же сознательно и гордо вознесут этот флаг» [4].

Попытки же установить дипломатические отношения Грузии с Украиной датируются еще декабрем 1917 г. Именно тогда И. Лордкипанидзе, депутат Всероссийского учредительного собрания, который находился в Одессе, был уполномочен Национальным советом Грузии исполнять обязанности военного комиссара при правительстве УНР. В январе 1918 г. он (в связи с отъездом в Петроград) передал свои полномочия Д. Вачейшвили.

9 января 1918 г. Вачейшвили обратился к главе украинского внешнеполитического ведомства А. Шульгину с просьбой разрешить гражданам Грузии сохранить личное оружие для самозащиты. При этом грузинский военный комиссар недвусмысленно заметил, что в его стране «проживает не одна тысяча граждан-украинцев, которые никаким ограничениям гражданских прав еще не подвергались и подвергаться не будут» [5. Ф. 2592. Оп. 1. Спр. 28. Л. 1—1об.]. Вскоре, 13 января 1918 г., в Киеве был создан Грузинский военный комиссариат. Правительство УНР признавало его полномочным органом Национального совета Грузии.

В тот же день был разработан и принят проект соглашения между правительством УНР и военным комиссаром Грузии по вопросам формирования на Украине грузинских военных подразделений и передислокации их на родину для борьбы с турецкими войсками и большевицкими вооруженными отрядами [6. С. 163—164]. Во время переговоров Вачейшвили предложил, чтобы грузинские отряды «сохранили вооружение, материальную часть, конный состав и другое имущество», если такое было в наличии в части, если же нет — то их должно было всем этим обеспечить собственным распоряжением украинское Военное министерство. Впрочем, А. Шульгин в резолюции поставил под сомнение удовлетворение такого прошения, как и не согласился записать в соглашении, чтобы в случае подписания Украинской народной республикой мирного договора с Центральными державами ее правительство обязалось «предоставить в двухмесячный срок подвижной состав для переправки всех грузин-воинов и призванных граждан на тех же условиях за пределы Украины» [5. Ф. 2592. Оп. 1. Спр. 28. Л. 7].

Члены же украинской части комиссии заявили о своем требовании, чтобы «все расходы, связанные с содержанием как грузин-воинов, так и только что призванных грузин, были возвращены Украине либо из общегосударственного фонда той федерации, в которую войдет Грузия, либо

Национальным советом Грузии в размере, определенном специальной комиссией из представителей обеих наций» [5. Ф. 2592. Оп. 1. Спр. 28. Л. боб.]. В соглашении, собственно, шла речь: а) о формировании частей на территории Украины из воинов-грузин, которые находились по условиям военного времени на Украине и на Украинском фронте¹; б) о перевозке этих частей по мере их формирования на территорию Грузии; в) в случае объявления мобилизации Национальным советом Грузии, о формировании из призванных грузин, которые находились на территории Украины, команд и переправки их в Грузию [5. Ф. 2592. Оп. 1. Спр. 28. Л. 6]. Тогда же в Киеве был сформирован грузинский военный отряд, а все грузины-военнослужащие переходили в подчинение Грузинскому военному комиссариату, которому разрешалось формировать из них военные части (под контролем Военного министерства УНР) для отправки на родину.

По прибытии Центральной рады и правительства УНР в марте 1918 г. в освобожденный от большевиков Киев представители армянских и грузинских отрядов вновь подняли вопрос о возвращении своих подразделений на Кавказ. Поэтому 13 марта 1918 г. Совет народных министров УНР вернулся к вопросу пребывания вооруженных формирований на территории Украины и решил, что все национальные войска со дня демобилизации должны быть расформированы, а существующие военные части — распущены приказом военного министра УНР. Этим частям гарантировался свободный выезд за пределы Украины в эшелонах без оружия. Что касается финансового обеспечения, то украинские министры постановили, что «это дело может быть устроено только в согласии с тем национальным или краевым правительством, к которому назначаются эти части» [5. Ф. 3690. Оп. 1. Спр. 17. Л. 15–15об.].

Через три дня, 16 марта, правительство УНР, рассмотрев внесенное Министерством иностранных дел предложение о возвращении грузинских и армянских отрядов на Кавказ, подтвердило предыдущее решение и постановило предложить армянским и грузинским вооруженным формированиям «выехать за пределы Украины без оружия» [7]. 19 марта эшелон грузинских военнослужащих, с согласия украинского правительства и немецкого военного командования на Украине, двинулся в путь, но доехав до станции Знаменка, остановился. В связи с этим комиссар Грузии просил украинский МИД помочь «скорейшему и беспрепятственному пропуску названного эшелона к границе Украины» вместе с военной техникой, а также выдать «удостоверение для беспрепятственного пропуска через границу Украины парламентариев от эшелона для переговоров с большевиками». Тогдашний управляющий делами МИД УНР Н. Любинский отреагировал без проволочек и распорядился принять просьбу Д. Вачейшвили «к немедленному исполнению» [5. Ф. 2592. Оп. 1. Спр. 37. Л. 12]. В апреле 1918 г. военным комиссаром Грузии на Украине был назначен Н. Брегвадзе, а Вачейшвили стал его заместителем, секретарем же — Н. Бокугава. Именно эти лица и взялись в дальнейшем непосредственно

¹ Имеется ввиду объединенная линия боевых действий против австро-германских войск в Первой мировой войне, пролегающая по территории Украины и охватывающая Румынский и Юго-Западный фронты бывшей Российской императорской армии.

решать проблемы своих земляков на Украине и вопрос их возвращения на Родину.

Между тем 16 апреля 1918 г. на заседании политической секции Министерства иностранных дел УНР был заслушан доклад члена Центральной рады Н. Свицерского, который занимался эвакуацией имущества украинизированных² частей 5-го армейского корпуса из Трапезунда. Касаясь грузинского вопроса, докладчик высказал мнение, что грузины не способны противостоять продвижению турецких войск, поскольку у них «нет настоящего войска». В то же время он аналитически обосновывал выгоду для Украины воплощения самоопределения и государственности Грузии и кавказских народов, на что, правда, не было больших надежд через практически непрерывную внутреннюю межнациональную рознь. Н. Свицерский также утвердительно ответил на вопрос председательствующего Н. Любинского относительно «разговоров о Черноморской федерации» во время своего пребывания в Закавказье, добавив, что она желательна с центром в Киеве, или в Севастополе, который может стать свободным городом [5. Ф. 2592. Оп. 1. Спр. 99. Л. 23–23об.].

Вместе с тем следует отметить и то, что дипломатические, как и хозяйственно-торговые, связи между Грузией и Украиной в первые год-полтора после Февральской революции в России и ее фактической децентрализации развивались слишком аморфно и так и не получили практического воплощения, а существовали скорее в интернационально-федералистских

² Украинизация отдельных воинских подразделений российской армии происходила исключительно по приказам и под контролем Генерального штаба и Временного правительства. Первыми для украинизации были определены 34-й армейский корпус 7-й армии Юго-Западного фронта, во главе которого стоял генерал П. Скоропадский. По приказу командующего фронтом генерала Л. Корнилова он 18 (31) июля 1917 г. начал соответствующую реорганизацию своего соединения, которое для этого было снято с фронта и переведено в район г. Меджибож на Подолье. Всех россиян надлежало отправить в соседний 41-й корпус, а на их место должны приходиться воины-украинцы, которых переводили из других частей. С началом украинизации 34-й корпус стал именоваться 1-м Украинским. На Юго-Западном фронте украинизации подлежали также 6-й армейский корпус 11-й армии и 9-я кавалерийская дивизия. В 5-м армейском корпусе появились 1-й Республиканский украинский пеший полк; в 102-й пехотной дивизии украинцы сформировали отдельный «курень смерти» («подразделение смерти»), в 129-й пехотной дивизии было украинизировано два полка и две пушечные батареи; в 7-й кавалерийской дивизии – конный полк. Кроме того, украинизации подлежали 32-й и 41-й армейские корпуса. На Северном фронте воинов-украинцев сосредоточивали в 21-м армейском корпусе. В 1-м конном корпусе для украинизации была выделена 14-я кавалерийская дивизия. На Западном фронте украинизированными стали 9-й армейский корпус и 45-я пехотная дивизия 16-го корпуса. В Гренадерском корпусе украинцы создали курень имени С. Наливайко, в 24-м армейском – полк имени Т. Шевченко, в 129-й пехотной дивизии был украинизирован один полк. Из украинцев 3-го Сибирского корпуса и 7-й Туркестанской дивизии был сформирован конный полк имени К. Гордиенко. На Румынском фронте происходила украинизация 10-го, 11-го, 26-го и 40-го армейских корпусов, 4-й стрелковой, 10-й и 12-й кавалерийских дивизий. На Кавказском фронте украинизированным должен был стать 5-й Кавказский корпус. Таким образом, «украинизация штыка», как тогда говорили, в большей или меньшей степени охватила на фронте 16 армейских корпусов, шесть пехотных и шесть кавалерийских дивизий; в тылу – 50 запасных полков, технические части и ряд военных учебных заведений, в том числе два Киевских, Виленское (в Полтаве), Чугуевское, Елизаветградское кавалерийское и Сергеевское артиллерийское (в Одессе) училища.

взглядах политических романтиков, по крайней мере в среде украинских революционных деятелей. Так, например, председатель Центральной рады М. Грушевский и думать не мог о распространении украинского политического или экономического влияния в Черноморском регионе, а тем более об «империалистических прихотях к захвату чужих рынков, к эксплуатации культурно отсталых окраин как своих колоний, вообще к политике экономической экспансии» [8]. Вместо этого он надеялся на создание мировой федерации, в которой само собой произойдет экономическое и культурное сотрудничество, добровольная кооперация народов Черного моря, а значит «тесно связавшись между собой, сии черноморские края могут создать необыкновенно богатую, большую и многостороннюю экономическую базу» [8. С. 156].

Довольно скоро внутривосточная ситуация на Украине кардинально изменилась, к власти в Киеве пришли другие люди, с другим мировоззрением и амбициями. 29 апреля 1918 г. в результате государственного переворота, при «активном нейтралитете» немецкой оккупационной администрации, власть Центральной рады, а значит и Украинская народная республика, были свергнуты. Возникла Украинская держава — либерально-буржуазная диктатура (гетманат) генерала Павла Скоропадского.

В Закавказье же 26 мая (8 июня) 1918 г. была создана Грузинская демократическая республика³. В Акте независимости Грузии, который был принят Национальным советом, провозглашалось, в частности, что «Грузинская демократическая республика желает завязать добрососедские отношения со всеми членами международного сообщества» [9]. Коалиционное правительство государства возглавил Н. Рамишвили, а Министерство иностранных дел — А. Чхенкели [5. Ф. 3766. Оп. 1. Спр. 134. Л. 13]. А через два дня Грузией был подписан с Германией военно-политический договор, по которому союзнические (*de jure*), но оккупационные (*de facto*), немецкие войска располагались на ее территории с целью обеспечения общественного порядка и государственной независимости республики.

С тех пор Грузия, как за несколько месяцев до этого и Украина, вынужденно оказалась под протекторатом Германии (фактически стала военно-политическим и финансово-экономическим сателлитом Центральных держав), так как еще 27 апреля (10 мая) 1918 г. официальные Берлин и Стамбул подписали тайный договор о разделе сфер влияния в Закавказье, по которому Грузия признавалась сферой геополитических интересов Германии [10. С. 101–102]. Этот факт, собственно, не является каким-то необычным явлением в тогдашней международной политике (достаточно вспомнить об аналогичном соглашении между Францией и Великобританией от 23 декабря 1917 г. о разделе бывшей России на «зоны влияния»,

³ После Октябрьской революции в России, 28 (15) ноября 1917 г. был создан Закавказский комиссариат — совместное правительство Азербайджана, Армении и Грузии, которое 23 (10) февраля 1918 г. созвало Закавказский сейм для правового оформления межгосударственных отношений народов Закавказья. Согласно решению Сейма от 22 (9) апреля 1918 г., Грузия совместно с Азербайджаном и Арменией вошла в состав Закавказской демократической федеративной республики (ЗДФР). 8 июня (26 мая) 1918 г. Грузинским национальным советом была провозглашена Грузинская демократическая республика (ГДР). Следует также заметить, что с мая по октябрь 1918 г. на большей части территории Грузии находились немецкие, а с июня по октябрь 1918 г. в Аджарии и на других землях Грузии — турецкие войска.

в которой французская определялась к западу от черты: Керченский пролив — устье Дона — Дон — Царицын; британская же — к востоку от нее, то есть включая Кавказ и Закавказье [11. С. 45, 58; 12. S. 30]).

Тем не менее, на тот исторический момент обоюдное пребывание и Киева, и Тифлиса (Тбилиси) в орбите силового притяжения Центральных государств с центром в Берлине объективно облегчало Украине и Грузии взаимное сближение как в международно-политической плоскости, так и в финансово-экономическом сотрудничестве, а также в проекте военно-оборонного союза, где Киеву из-за очевидных «весовых» измерений априори предполагалась ведущая роль. И дальнейшее течение событий развивалось именно по этой спирали и логике, а его коллапс был обусловлен интригой исторических обстоятельств как объективного, так и субъективного для обоих государств характера.

6 июня 1918 г. А. Чхенкели через поверенного в делах Украинской державы в Германии А. Козия обратился к официальному Киеву с дипломатической нотой. Она сообщала о прекращении существования ЗДФР и о самороспуске Закавказского сейма и правительства «учитывая события, которые возникли вместе с наступлением сил оттоманских за Кавказом» [5. Ф. 3766. Оп. 1. Спр. 134. Л. 13]. Другой нотой, от 22 июня, отмечалось, что новообразованная Грузинская демократическая республика, которая «хочет организовать свои международные отношения согласно своим жизненным интересам и обеспечения своей независимости», просит о признании ее Украинской державой. Интересно, что в ноте грузины аргументировали возникновение своей государственности тем, что «объединенная с Россией политическими договорами, заключенными с условием обеспечить Грузии определенную внутреннюю свободу и неприкосновенность ее территории, Грузия быстро увидела свои права попранными, свою свободу под угрозой и свои вольности замененными режимом полной аннексии». Поэтому, говорилось в одной из нот, после падения царизма, развала империи, учитывая статьи Брестского мирного договора между Центральными державами и РСФСР, а также факт вывода российских войск из Закавказья, «никакая связь не связывает более Грузию с Россией, она свободна отныне от всех обязательств отношении другого государства» [5. Ф. 3766. Оп. 1. Спр. 134. Л. 11–13]. Обе ноты уже 9 июня были переданы А. Козием гетманскому правительству во главе с А. Лизогубом.

Вскоре, 4 (17) июля 1918 г. новый грузинский премьер-министр Н. Жордания направил на имя украинского министра иностранных дел Д. Дорошенко письмо, в котором сообщалось, что его правительство с целью укрепления дружественных отношений между государствами «назначило своим представителем при украинском правительстве гражданина Виктора Васильевича Тевзия и заместителем его — гражданина Давида Виссарионовича Вачейшвили, которым и предоставлены особые полномочия» [5. Ф. 3766. Оп. 1. Спр. 134. Л. 18].

Что касается контактов в сфере финансов, то, например, еще 29 июня 1918 г. к военному министру Украинской державы обратился временный исполняющий обязанности комиссара Грузии на Украине Н. Брегвадзе, который просил «ходатайствовать» перед гетманским Советом министров о возможности немедленного предоставления в его распоряжение 50 тыс.

руб. в счет Грузинской республики для удовлетворения элементарных потребностей граждан Грузии, бывших воинов на Украинском фронте, огромное количество которых скопилось в Киеве, Харькове, Ростове и для переправки их на родину [5. Ф. 1064. Оп. 1. Спр. 274. Л. 3–3об.].

Уже 15 июля 1918 г. на рассмотрение правительства Украинской державы был подан соответствующий доклад украинского министра, который сообщал об обращении к нему комиссара Грузии и просил поддержать «бывших военнотружущих на Украинских фронтах, военнопленных и инвалидов, которые, благодаря анархии, царящей в Российской советской республике, не имеют возможности вернуться на свою родину и терпят многое от материального необеспечения», добавляя при этом, что они «участвовали в прошлой войне на Украинских фронтах и тем самым в свое время оказали Украинской державе немалую помощь» [5. Ф. 1064. Оп. 1. Спр. 274. Л. 2]. Украинское правительство пошло навстречу просьбе комиссара Грузии (журнал заседаний малого Совета министров от 16 и 17 июля) [5. Ф. 1064. Оп. 1. Спр. 24а. Л. 16об.], а уже 20 июля П. Скоропадский утвердил принятое Советом министров постановление «Об ассигновании в распоряжение Военного министра 50 000 рублей для выдачи их в ссуду комиссару Грузии», в которой также отмечалось, что заем этот предоставляется «за счет Грузинской республики» в помощь грузинским гражданам для возвращения их на Родину [5. Ф. 1064. Оп. 1. Спр. 274. Л. 1]. Постановление это впоследствии было обнародовано в «Государственном вестнике», в связи с чем его редактору было направлено (29 июля) соответствующее распоряжение [5. Ф. 1064. Оп. 1. Спр. 274. Л. 4]. Таким образом Украина официально предоставила денежную беспроцентную и бессрочную ссуду Грузии.

Между тем 25 июля 1918 г. посла Украинской державы в Германии барона Ф. Штейнгеля в Берлине посетили «глава особой делегации в Германии» князь Авалов и ее член Е. Гегечкори, которые подтвердили факт и силу вышеупомянутой ноты министра иностранных дел Грузии А. Чхенкели (он тогда тоже находился в столице Германии, однако не смог посетить гетманского посла из-за болезни), и обратились с просьбой о признании Украиной Грузинской демократической республики как самостоятельного государства, заявив ему от имени своего правительства, что Грузия не видит никаких помех для признания Украинской державы.

По итогам этой встречи Ф. Штейнгель подготовил для украинского правительства подробный отчет и отправил его с первым же курьером в Киев, а между тем уже 30 июля 1918 г. прислал министру иностранных дел Украинской державы личную телеграмму, в которой по этому поводу, в частности, отметил: «Учитывая то, что мне представляется важным установить теперь тесные и дружеские отношения с грузинским народом, я прошу Вас, Господин Министр, представить Светлейшему Господину Гетману вопрос о признании Грузии с Вашим способствующим заключением. Для установления дипломатических отношений Грузия немедленно может командировать своего постоянного представителя в Киев. О результатах прошу не отказать дать мне в ответе по прямому проводу» [5. Ф. 3766. Оп. 1. Спр. 134. Л. 17].

Отчет содержал соображения по украинской выгоде от развития украинско-грузинских экономических отношений, а именно: доступность транзитного пути в Закавказье, Персию, восточные провинции Османской империи, для поставок украинского зерна и сырья, возможность получать нефтепродукты из каспийской нефти, а также стать транзитным поставщиком их в черноморский регион и Европу и т.д. [5. Ф. 3766. Оп. 1. Спр. 135. Л. 39].

В августе 1918 г. из Тифлиса в Киев отправилась грузинская дипломатическая миссия во главе с членом Национального совета ГДР, юристом по образованию В.В. Тевзая. С целью установить дипломатические, торгово-экономические и культурные отношения с Украинской державой. Дипломатическая рутинная работа продолжалась до сентября 1918 г. В конце концов в начале сентября 1918 г., после основательных, однако сравнительно непродолжительных, переговоров с представителями украинского правительства, в столице Украинской державы было официально открыто и начало работу дипломатическое представительство Грузии. Возглавил грузинское посольство В.В. Тевзая, его заместителем стал Д.В. Вачейшвили, а сотрудниками для особых поручений – исполняющий обязанности комиссара Грузии на Украине Н. Брегвадзе и С. Асатилини, военным атташе – полковник Кавтарадзе, временно исполняющим обязанности советника – И. Москалевский, которого 7 октября сменил Н. Скобелев, а также другие сотрудники: А. Карпович, А. Сванидзе, Г. Мамаладзе, В. Макацария и др. [6. С. 175; 5. Ф. 3766. Оп. 1. Спр. 134. Л. 25, 27, 33, 34].

24 октября Тевзая сообщил Д. Дорошенко о назначении Г. Хундадзе полномочным представителем Грузии при Совете народных комиссаров РСФСР и заверил украинского министра в том, что Украинская держава «в лице правомочных органов облегчит работу гражданина Хундадзе при исполнении им своих дипломатических обязанностей» [5. Ф. 3766. Оп. 1. Спр. 134. Л. 35].

Структура и штаты посольства Грузии на Украине определились следующим образом: первый и второй секретари, консульский отдел, военный атташе с помощником, экономический отдел, пресс-бюро. К административно-техническому персоналу относились: комендант здания, машинистки, переводчики, водитель автомобиля, курьеры, вспомогательные рабочие (всего – 20 человек). Посольство находилось в г. Киеве на улице Караваяевской, 9 (ныне – ул. Л. Толстого).

В Киеве же еще с конца 1917 г. грузинские студенты издавали на родном языке газету «Зари» («Колокол»), им с 1918 г. активно помогало грузинское дипломатическое представительство на Украине, которое также выпускало пресс-релизы, с информацией о Грузии для киевских газет.

В сентябре 1918 г. было открыто и Генеральное консульство Грузии в Одессе и консульство в Харькове⁴ во главе с К. Цагарели. Впрочем, дипломатическое учреждение на Черноморском побережье Украины складывалось уже на подготовленной почве, а не с чистого листа. Еще 9 мая 1918 г. военный комиссар Грузии на Украине Н. Брегвадзе [5. Ф.

⁴В феврале 1919 г. в Харькове большевики расстреляли грузинского консула в Петрограде Черкезишвили, который через Украину возвращался на родину.

3766. Оп. 1. Спр. 134. Л. 1] утвердил присяжного поверенного М. Джугели комиссаром Грузии по Одесскому военному округу с правом «формировать Грузинские части и переправлять их на родину», а также «защищать интересы Грузии и граждан Грузии в пределах Одесского военного округа» [5. Ф. 2592. Оп. 1. Спр. 28. Л. 28].

Следует заметить, что первые публичные упоминания о планах создания грузинского консульства в Одессе появились в городской прессе еще в начале июля 1918 г. [13]. Официально же датой основания Генерального консульства Грузии в Одессе считается 11 сентября 1918 г., однако широкую деятельность оно развернуло только с октября 1918 г. [7; 14–15; 26]. Генеральное консульство в Одессе располагалось сначала в этапном грузинском пункте на ул. Польской, 3, а с ноября 1918 г. — на ул. Гоголя, 15, с февраля же по сентябрь 1919 (уже при УНР) — на ул. Садовой, 4⁵. Исполняющим обязанности генерального консула был временно назначен и утвержден правительством Грузинской республики присяжный поверенный Евсей Илларионович Ушверидзе (был избран председателем консульской коллегии дипломатов всех стран, аккредитованных в Одессе). Работниками Генконсульства были также В. Жоржوليани и Л. Муджири, который иногда выполнял обязанности генконсула; первым секретарем стал Г. Меферт.

По поводу открытия грузинского Генерального консульства в Южной Пальмире местная газета «Одесский листок», например, писала, что ближайшей задачей основания консульства в Одессе является оказание помощи военнопленным, подданным Грузинской республики, возвращающимся на Родину из плена. Переговоры об их возвращении велись в свое время с Центральными державами и привели к положительным результатам. Консульство предоставляло людям, которые возвращались из плена, помещения для отдыха на этапном пункте при консульстве, выдавало им одежду, еду, деньги и на льготных условиях устраивало проезд в Потю. Следует отметить, что консульство оказывало помощь военнопленным и других национальностей, вплоть до организации соответствующих консульских учреждений [9].

На практике же, собственно, в Одессе грузинское Генеральное консульство с целью защиты прав своих граждан начало, прежде всего, с их регистрации, а также способствовало самоорганизации грузинской общины Одесской губернии, в частности путем проведения, после утверждения устава, первого собрания национальной общины города в ноябре 1918 г. В сентябре 1918 г. грузинское Генконсульство даже сумело добиться от одесской таможни упрощения формальностей при перевозке грузинских товаров [17].

Летом 1918 г. активизировало работу и украинское внешнеполитическое ведомство, которое после первых месяцев со времени гетманского переворота и организации своих дипломатических представительств в Центральных государствах пыталось «ускользнуть» от немецко-австрийской геополитической опеки, которая фактически была направлена на создание международной изоляции Украинской державы.

⁵В XIX–XX вв. грузины на Украине жили преимущественно в городах, где основывали небольшие колонии. Значительный процент среди них составляли служащие, врачи, адвокаты [16].

В итоге 4 июля 1918 г. гетманом Скоропадским был утвержден принятый Советом министров закон «Об учреждении генеральных консульств⁶ и консульских агентств за границей» [18. 14 VII], а соответствующим правительственным постановлением «на содержание генеральных консулов и консульских агентов Украинской державы вне Украины на территории бывшей Российской Империи, согласно штатов, утвержденных 4 июля 1918 года» было ассигновано 321 тыс. 255 рублей [18. 15 VIII]. А уже 20 июля 1918 г. гетман утвердил консульским агентом 1-го разряда в Тифлисе Алексея Кулинского⁷ [32. Л. 114; 33. Л. 143].

15 августа приказом Министерства иностранных дел «Об учреждении новых консульских агентств» управляющий МИД Д. Дорошенко, с согласия министров торговли и промышленности и финансов, приказал основать консульские представительства Украинской державы (номинально с 4 июля) I разряда в десяти городах⁸ (в том числе в Тифлисе и Батуми) и II разряда в 20 городах⁹ бывшей Российской империи [18. 13 X]. Однако финансирование их деятельности началось лишь после утверждения Скоропадским закона «Об образовании новых консульских учреждений Украинской державы и ассигнования 832 766 руб. на их содержание» 6 ноября 1918 г. (при этом отменялся предыдущий закон от 4 июля 1918 г.). Итак, подпунктом 17 пункта 3 закона от 6 ноября предписывалось образовать 25 консульских учреждений Украинской державы, в частности, «на Кавказе — Генеральное консульство в Тифлисе и вице-консульства в Баку, Ереване и Батуме — Поты» [18. 19 XI].

Украинский же дипломатический десант прибыл на Кавказ уже под «занавес» гетманата и приостановлении «второй» УНР в составе только двух

⁶Правительственное постановление «О временных дипломатических представительствах Украинской державы и об ассигновании 1 127 072 рублей 26 коп. на их содержание» было утверждено гетманом Скоропадским 21 июня 1918 г. [18. 5 VII].

⁷ Позже в Тифлисе на ул. Судебной, 33 открылось дипломатическое представительство (Чрезвычайная дипломатическая миссия) УНР в Грузии во главе с И. Красковским. В феврале 1919 г. из Винницы в Тифлис через Одессу выехала украинская дипломатическая миссия в составе 19 человек во главе с Л. Лисняком [19]. Именно тогда начали функционировать консульства УНР в Тифлисе и Батуми, а позже — в Гаграх. Генеральное консульство Украинской державы в Тифлисе, которое занималось делами Северного Кавказа и Закавказья, возглавлял назначенный еще при гетманате А. Кулинский (М. Чеховский — военный атташе). В апреле 1919 г. А. Кулинского освободили от должности из-за «отсутствия личного авторитета и деятельности, несовместимой с консульскими обязанностями». Одна из причин такого решения заключалась в обвинении его грузинской стороной в спекуляции и взяточничестве, а также в бесосновательной выдаче украинских удостоверений [20. С.125–126]. Поэтому МИД УНР признало его поведение компрометацией консульского представительства и проявлением антиукраинской политики [21. С.150]. Должность генерального консула в Тифлисе была поручено Л. Лисняку. При этом его предшественник отказался сдать на хранение архив консульства в Украинский комиссариат на Кавказе [22. С. 77]. Е. Засядько руководил вице-консульством Украины в Батуми, а Е. Петренко стал консульским агентом 1-го класса в Сухуми [23–24].

⁸ В Минске, Вильно, Риге, Гельсингфорсе, Самаре, Новочеркасске, Тифлисе, Батуми, Омске и Ташкенте.

⁹ В Новониколаевске, Казани, Царицыне, Астрахани, Ставрополе, Нижнем Новгороде, Саратове, Екатеринбурге, Орше, Воронеже, Курске, Пензе, Баку, Семипалатинске, Бийске, Хабаровске, Владивостоке, Иркутске, Архангельске и Бухаре.

человек — главы Ивана Игнатьевича Красковского и чиновника графа Михаила Бенедиктович Тышкевича. Уже на месте в состав миссии был принят чиновник Евтухов [20. С. 125].

Однако нельзя сказать, что все это время в закавказском регионе Украинская держава и ее граждане не имели своего представителя. Украинские интересы в Тифлисе представлял закавказский украинский комиссар Григорий Хименко, а в Ереване — уполномоченный им 22 мая 1918 г. председатель Совета ереванского общества «Просвита» Владимир Гирченко [5. Ф. 3766. Оп. 1. Спр. 125. Л. 29]. Замечу также и то, что в Грузии важную роль играла Украинская рада, с помощью украинского представительства она издавала собственную газету (редактор С. Чальй), в которой широко освещались вопросы взаимоотношений двух народов, повседневной жизни украинской общины в Грузии, публиковалась информация из Украины и т.д. Вообще же, как свидетельствовал украинский посол в Турции А. Лотоцкий, тогда на Кавказе было много украинского элемента — в больших городах (Тифлис, Батум, Сухум, Баку) и целые колонии — в бывших Тифлисской губернии, в Сухумской округе и особенно в Мугани (вблизи Азербайджана), что даже называлась третьей Украиной. Здесь поселились «в основном украинские сектанты — народ достаточно культурный и трудолюбивый, что осел на плодородной земле, в условиях умеренного климата, он достиг хорошей обеспеченности, сеял в основном хлеб и хлопок» [20. С. 125].

Тем не менее закавказские украинцы нуждались в помощи и не отказались бы от торгово-экономических преференций по инициативе исторической родины. Кроме того, как сообщала украинская Краевая рада в Закавказье, только лишь от экспорта сахара и хлеба на местный региональный рынок Киев мог ежемесячно получать прибыли на сумму в 325 млн 500 тыс. рублей [5. Ф. 3766. Оп. 1. Спр. 135. Л. 39]. Еще в сентябре 1918 г. украинская Краевая рада обратилась к правительству Украинской державы с предложением «создать хотя бы временно в центре Закавказья в Тифлисе Торговое агентство украинского правительства всего Закавказья с тем, чтобы в дальнейшем, когда будет создано дипломатическое представительство, это агентство подлежало бы ему» [5. Ф. 3766. Оп. 1. Спр. 135. Л. 39об.]. 27 ноября 1918 г. с подобным предложением к министру иностранных дел Украинской державы Г. Афанасьеву обратился Комитет по товарообмену Министерства торговли и промышленности Грузии. Стремясь оживить и усилить товарообмен между странами, Комитет считал целесообразным учредить при украинском консульстве в Грузии «комиссию, которая позволяла бы ввоз на Украину товаров, разрешенных к вывозу Комитетом по товарообмену Грузинской республики, и, наоборот, позволяла бы вывоз из Украины товаров, допущенных к ввозу в пределы Грузии» [5. Ф. 3766. Оп. 1. Спр. 135. Л. 53об.].

За время непродолжительного существования Украинской державы обеими сторонами были подготовлены и в итоге заключены некоторые межгосударственные (украинско-грузинские) договоры как политического, так и финансово-экономического характера. 5 декабря 1918 г. Украинская держава (УД) установила официальные дипломатические отношения с Грузинской демократической республикой. При посольстве

был основан Экономический совет, занимавшийся вопросами упорядочения товарооборота между странами.

В тот же день, 5 декабря 1918 г., был заключен широкий двусторонний договор между УД и ГДР, состоявший из 22 статей и шести разделов.

В разделе «Об общих правах граждан» договора отмечалось, что гражданам каждой из договаривающихся сторон предоставлялась, при условии соблюдения ими законов страны, полная свобода передвижения и проживания в любой местности на территории обоих государств (при этом им гарантировалась всеобъемлющая защита законов и власти как персональная (личности), так и имущественная) (ст. 1). Граждане каждой из сторон получали право приобретения, владения, пользования и распоряжения имуществом как движимым, так и недвижимым, а также земельными наделами на таких же основаниях, как и местные граждане (ст. 2). Они могли пользоваться такими же правами, как и местные граждане (ст. 3), а также освобождались от всякой официальной службы, в том числе военной, и от всех повинностей, налагаемых за войны или чрезвычайные обстоятельства, за исключением связанных с фактом владения недвижимостью и распространению повинностей на граждан других государств (ст. 4).

Граждане каждой из договаривающихся сторон имели право на территории другой стороны закладывать акционерные и всякого рода торговые и кооперативные общества, а также участвовать в уже существующих подобного рода организациях, пользуясь такими же правами, которые предоставлены в этих случаях местным гражданам. Акционерные общества, а также торговые, промышленные и финансовые предприятия, законно действовавшие на территории одной из договаривающихся сторон, признавались после регистрации их уставов или регламентов соответствующими органами другого государства, имевшими законное право осуществлять свою деятельность в пределах страны (ст. 5). Относительно литературной и художественной собственности, а также права на патенты, фабричные и торговые рисунки и клейма, граждане каждого из договаривающихся государств могли пользоваться такими же правами и защитой, как и местные граждане (ст. 6).

Раздел «О консульских сношениях» определял, что каждая из сторон имела право назначать в другой генеральных консулов, консульских и торговых агентов во все порты и местности другого государства. Все льготы и права указанных представителей определялись по принципу взаимности (ст. 7).

В части «О торговле» речь шла о том, что граждане каждой из двух стран относительно торгова и промышленности на территории другой будут пользоваться такими же правами, как и местные граждане (ст. 8). Как принцип устанавливалась для обеих сторон обязанность не препятствовать взаимным торговым сношениям. Однако на товары, на которые распространялись государственная монополия, санитарные нормы, угрожавшие общественной безопасности, также применялись особые условия (ст. 9). Товарообмен двух стран освобождался от вывозной пошлины, однако подлежал взиманию ввозной пошлины (в размере не меньшем за ввозную пошлину на эти товары со второй стороной договора (ст. 10). Не считался пошлиной сбор, который мог взиматься каждой из договаривающихся сто-

рон при регистрации вывозимых из нее товаров (размер упомянутого регистрационного сбора устанавливался в пределах не больше 2% стоимости вывозного товара) (ст. 11).

Торговцы и промышленники, живущие в другом государстве, в случае наличия легитимных удостоверений, выданных соответствующими учреждениями их края, и доказательств наличия разрешений на промыслы в своем государстве, имели право на территории другой стороны лично или через коммивояжеров осуществлять закупки и, имея при себе образцы товаров, принимать заказы на территории этого края. Такие торговцы и промышленники пользовались в обоих государствах такими же правами, как и местные граждане (ст. 12). Обе договаривающиеся стороны должны были официально уведомлять друг друга обо всех важных законодательных проектах в товарно-промышленной сфере (ст. 13).

Разделом «О мореплавании» указывалось (ст. 14), что украинские суда в водах Грузии, а грузинские и в водах Украины — пользовались во всех случаях такими же правами, как суда и грузы местные. Льготы или привилегии, которые предусматривались одной из сторон в отношении третьего государства, тем самым распространялись и на другую сторону (допущенными из вышеперечисленных постановлений исключениями признавались льготы, которые были предоставлены, или могли бы быть предоставлены торговому флоту государства). Национальная принадлежность судна устанавливалась в соответствии с законами и постановлениями каждого государства на основании документов и патентов, выданных соответствующими властями (ст. 15). Совсем освобождались от уплаты ластовых сборов в портах обоих государств: 1) суда, приходившие с грузами и с ними же отходившие; 2) суда, переходившие от одного порта к другому одной из договаривающихся государств (при наличии удостоверения об уплате этих сборов в каком-либо из портов этой страны). Освобождение не распространялось на сборы: маячный, лоцманский, буксирный и другие, которые взимались за услугу и принадлежности к погрузке и которые оплачивались и местными судами (ст. 16). При этом любое судно каждой из сторон, которое бы село на мель или затонувшего у берегов другой стороны, пользовалось теми же льготами, как и местные суда (ст. 17).

В разделе «О транзите» указывалось на то, что всякого рода товары, перевозившиеся через территорию одной из сторон для другой стороны, должны были быть освобождены от любой транзитной пошлины с тем, однако, что порядок, устанавливаемый для защиты фискальных интересов государства, через которое товар перевозился, должен быть датирован (ст. 18). Украинская держава и Грузинская демократическая республика взаимно обязывались оказывать помощь транзиту (по ст. 18) во всех направлениях, которые не исключались для такой транспортировки (ст. 19).

Последний раздел «О специальных конвенциях, смешанных комиссиях и сроке договора» отмечал, что для упорядочения взаимоотношений финансовых и тех, что касались коммуникации, а также почтовых, телеграфных и телефонных сношений между обеими договаривающимися государствами должны быть заключены специальные соглашения (ст. 20). Для разработки же вопроса о пошлинах, о возможном таможенном союзе, о детальной разработке таможенных отношений, о способах регистрации вывозимых товаров и размере сборов, должна была быть сформирована

смешанная комиссия из четырех членов: два — от Украины и два — от Грузии. Указанной комиссией должны были решаться также споры, которые могли возникнуть между Украиной и Грузией. При отсутствии выраженного большинства голосов вопрос должен быть решаться или жребием (когда члены комиссии на это соглашались), или же постановлением третейского суда в соответствии с правилами Гаагской конференции (ст. 21).

Договор вступал в силу с момента его подписания (за исключением § 10, который до его ратификации применялся только в отношении товаров, компенсировавших отчасти или полностью ввоз и вывоз товаров одной из договаривающихся сторон по отношению ко второй). После ратификации договора у каждой из сторон оставалось право отказаться от договора (денонсировать его) в любой момент времени, причем со дня уведомления противной стороны договор сохранял силу еще в течение двух месяцев (ст. 22). Документ подписали представитель ГДР В.В. Тевзая и товарищ (заместитель) министра торгова и промышленности Украинской державы С.В. Бородаевский [25. С. XXXV—XXXVIII].

7 декабря 1918 г. стороны также подписали Договор «О товарообмене между Украиной и Грузией», который регулировал торгово-экономические отношения двух государств, а также межправительственное Соглашение о межбанковских переводных операциях, регулировавшее взаимоотношения между грузинскими банками в Тифлисе (Тбилиси), Кутаиси, Батуми, Поты, Сухуми в Грузии и украинскими в Киеве, Харькове, Одессе и Екатеринославе.

Следует отметить также и то, что в октябре—декабре 1918 г. гетманом Скоропадским и его окружением вынашивались планы создания объединенного военно-политического антибольшевистского блока Украины, Дона, Кубани, Терека, Грузии, предкавказских и закавказских народов. Об этом, в частности, говорилось и во время личной встречи гетмана с атаманом Всевеликого войска Донского П. Красновым в октябре 1918 г. После ноябрьской революции в Германии министр иностранных дел Украинской державы Г. Афанасьев 4 ноября 1918 г. направил телеграммы правительствам Дона, Кубани, Терека, Грузии, а также к представителю Добровольческой армии с предложением о проведении в Киеве конференции по вопросам, связанным с созданием объединенного антибольшевистского военного блока [26. С.191; 5. Ф. 3766. Оп. 1. Спр. 146. Л. 8, 12]. 16 ноября правительство даже поручило Г. Афанасьеву составить программу конгресса [5. Ф. 1064. Оп. 1. Спр. 7. Л. 47—47об.]. 20 ноября к вышеуказанным правительствам была направлена повторная телеграмма с предложением созвать конференцию 5 декабря, а 2 декабря еще одна с новой датой — 18 декабря 1918 г.

Однако, как вспоминал П. Краснов, такому военно-политическому союзу агрессивно противодействовала деникинская Добровольческая армия, которая кроме борьбы с большевизмом с целью восстановления единой, неделимой России, ставила задачу также и «уничтожение независимой Украины, самостоятельной Грузии, посягательство на полную автономию Крыма, Дона и Кубани» [27. С. 84]. Более того, в ответе генерала Драгомирова от имени Добровольческой армии правительство Юга России отказалось направить делегатов в Киев, предлагало собрать конференцию

в Екатеринодаре или Симферополе, но при этом ультимативно указывало, что «участие грузинского правительства, враждебного к России и к Добровольческой армии, недопустимо» [26. С. 192–193].

После поражения Германии в Первой мировой войне ее войска были выведены с территории Грузии, а по условиям Мудросского перемирия от 30 октября 1918 г. – и вооруженные силы Турции. С декабря 1918 г. на территории Грузии находились английские войска. На Украине же 14 декабря 1918 г. был свергнут Скоропадский и к власти в Киеве пришла Директория Украинской народной республики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Робітнича газета. 1917. 1 IV.
2. Вісти з Української Центральної Ради. 1917. № 3.
3. Нова Рада. 1917.
4. Народня воля. 1917. 14 XI.
5. Центральний державний архів вісщих органів влади України.
6. *Матвієнко В.М.* Українська дипломатія 1917–1921 років на теренах постімперської Росії. Київ, 2002.
7. В Грузинском консульстве // Одесский листокъ. 1918. 4 X.
8. Великий українець: матеріали з життя та діяльності М.С. Грушевського. Київ, 1992.
9. *Царцидзе Т.* Діяльність Генерального консульства Грузії в Одесі (1918–1919 рр.) // Одеські вісті. 2015. 25 VII.
10. *Пития Г. В.* Германский империализм в Закавказье в 1910–1918 гг. М., 1978.
11. *Гай-Нижник П.* Українська дипломатія й міжнародна фінансова політика урядів Центральної Ради, Української Держави (Гетьманату) та Директорії УНР (1917–1922 рр.) Київ, 2016.
12. *Норак S.* The First Treaty of World War I. Ukraine's Treaty with the Central Powers of February 9, 1918. New York, 1988.
13. Грузинские консульства на Украине // Одесские новости. 1918. 4 VII.
14. Генеральное консульство Грузии в Одессе // Одесский листокъ. 1918. 17 IX.
15. Грузинский консул в Одессе // Одесские новости. 1918. 8 X.
16. *Наулко В.И.* Развитие межэтнических связей на Украине (Историко-этнографический очерк). Київ, 1975.
17. Торговые отношения между Грузией и Украиной // Одесский листокъ. 1918. 24 IX.
18. Державний вістник. 1918.
19. Украинская дипломатическая миссия в Грузию // Одесский листокъ. 1919. 18 II.
20. *Лотоцький О.* В Царгороді. Варшава, 1939.
21. *Матяш І.Б.* Українська консульська служба 1917–1923 рр. як державний інститут: становлення, функціонування, персоналії. Київ, 2016.
22. *Гасымлы М.Дж., Купчик О.Р., Дамиров А.У.* Украинско-азербайджанские отношения: история и современность. Київ, 2014.
23. *Безжухівлі А.* Від Дніпра до Кури: Україна і Грузія, дипломатичні відносини 1918–1920 рр. // Голос України. 1996. 24 V.
24. *Лашко О.* Україна – Грузія, стратегічне партнерство: Геополітичні пріоритети з позиції національних інтересів // Розбудова держави. 1995. № 2.
25. *Дорошенко Д.* Історія України 1917–1923. Нью-Йорк, 1954. Т. II. Українська Гетьманська Держава 1918 року.
26. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Париж, 1921–1926. Т. 4.
27. *Краснов П.Н.* Всевеликое войско Донское // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Дон и Добровольческая армия. М., 1992.

«УКРУПНЕНИЕ БССР» В 1923–1924 ГОДЫ: ФАКТОР СОВЕТСКОГО ВЛИЯНИЯ В ПОЛЬШЕ

© 2018 г. Д. Короткова

*Канд. ист. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН
E-mail: d_korotkova@mail.ru*

Работа выполнена при поддержке РФФИ, договор № 18-09-00465/18

Статья посвящена влиянию советско-польских отношений на увеличение территории Советской Белоруссии в 1923–1924 гг. Основана на архивных материалах.

The article is dedicated to the influence of the USSR policy towards Poland on the territorial growth of the Soviet Byelorussia in 1923 and 1924 and based on the archival sources.

Ключевые слова: укрупнение БССР, НКВД, А. Луцкевич, А.Г. Червяков, Польша.

Keywords: enlargement of Byelorussian SSR, People's Commissariat of Foreign Affairs, Anton Luckievich, Aleksandr Chervyakov, Polbyuro (Polish Bureau).

DOI: 10.31857/S0869544X0000850-8

30 декабря 1922 г. представители РСФСР, БССР, УССР и Закавказской федерации подписали декларацию об образовании СССР и Союзный договор. На протяжении последующих нескольких лет происходил процесс национально-государственного размежевания как внутри союзных республик, так и между ними. Официально это объяснялось интересами народов в объединении в рамках собственной национально-территориальной единицы, а также экономическими факторами. На западной же границе, в частности, на белорусских землях, значительную роль всегда играл фактор международных отношений. На материалах Архива внешней политики РФ постараемся проследить оставшуюся за кадром предысторию изменения территориального состава Советской Белоруссии в 1923–1924 гг., известного в исторической литературе как «укрупнение БССР», а именно, рассмотрим, как повлияла на события позиция НКВД, и как территориальные изменения в советской республике были связаны с ситуацией в Польше.

Согласно Рижскому мирному договору от 18 марта 1921 г. между Советской Россией и Польской республикой был достигнут территориальный компромисс. Белорусские земли, на которые претендовали обе сто-

роны, были разделены. Западная часть, а именно Гродненская и часть Виленской губернии, была передана Польше. Сам г. Вильно был передан Литве согласно Московскому договору 12 июля 1920 г., но уже в ноябре 1920 г. захвачен польскими войсками, и на его территории была образована формально независимая Срединная Литва, позже присоединенная к Польше. Шаг этот был со стороны советского руководства вынужденным, однако от этого ощущение несправедливости такого раздела по отношению к белорусам не уменьшалось.

Территориальный состав образованной на оставшейся под советским контролем части края БССР также вызывал массу вопросов как у ее жителей, так и белорусского меньшинства в Польше. Витебская, Могилевская (позже Гомельская) и Смоленская губернии еще в начале польско-советской войны, практически сразу после провозглашения Белорусской Советской республики 1 января 1919 г., «по стратегическим соображениям» были включены в состав РСФСР. Ленин объяснял этот шаг тем, что эти губернии «не являются пограничными» [1. С. 67], и потому могут быть исключены из торга с Польшей как великорусские земли. Весь период войны с Польшей белорусские территории оставались разменной картой в дипломатической игре советской, польской и литовской сторон и переходили из рук в руки в зависимости от изменения обстановки на фронтах и внешнеполитических обстоятельств.

Повторное провозглашение БССР в июле 1920 г., когда Красная армия заняла Минск в ходе наступления на Польшу, не сделало Белоруссию полноправным субъектом международных отношений. Во время Рижской мирной конференции руководство БССР вынуждено было передать мандат на ведение переговоров от его имени российской делегации, согласиться на раздел белорусских территорий, избежать которого не было возможности. После Рижского мира, таким образом, территория БССР составила всего шесть уездов бывшей Минской губернии [2. С. 245–256].

Польские политики в ходе Рижской конференции выработали более-менее общее отношение к непольским территориям. Получив примерно половину территории Белоруссии, польские власти в отношении населения взяли курс на полонизацию и ущемление прав белорусов в пользу польских переселенцев и местных поляков — крупных землевладельцев и представителей администрации. В ответ белорусские политики вместе с представителями других национальных меньшинств в Польше (украинским, еврейским, немецким) активно включились в парламентскую борьбу за право на автономию и против наступления поляков на экономические, политические и культурные интересы меньшинств. В частности, Белорусский сеймовый клуб боролся против «осадничества» — передачи земель беженцев польским колонистам — «осадникам», в основном из числа бывших легионеров; за автономию западнобелорусских территорий, развитие белорусских школ и в целом белорусскоязычной культуры, против политики ассимиляции белорусов. Кроме того, существовали и нелегальные группировки, руководимые из Литвы эмигрантским правительством Белорусской народной республики (БНР) во главе с В. Ластовским, в основном на территории Виленского края, имевшие целью отторжение его от Польши [3. Л. 11. Секретная докладная записка С.А. Раевского

председателю ГПУ И.С. Уншлихту (копия члену Коллегии НКВД Я. Ганецкому) от 8 мая 1923 г.].

Советская дипломатия все это время внимательно следила за деятельностью Белорусского сеймового клуба и поддерживала его, в том числе и материально, исподволь стараясь вывести его деятельность на рельсы коммунистической программы. Еще во время предвыборной кампании председателем РСФСР удалось связаться с некоторыми из наиболее радикальных белорусских деятелей и вступить с ними в тесный контакт, а потом через них и с левыми депутатами — членами Белорусского клуба. Благодаря последним коммунисты смогли получить влияние и в местных белорусских общественных организациях в Вильно и других городах. Деятельность В. Ластовского и его сторонников воспринималась настороженно, и коммунистическая агитация противопоставлялась националистической пропаганде его сторонников [3. Л. 12].

В мае 1923 г. сотрудник советского полпредства в Варшаве, описывая обстоятельства сотрудничества с белорусскими депутатами, сообщил, что «почти половина всего числа депутатов Белорусского клуба находится в непосредственном контакте с нами и действует в Сейме согласно с нашими указаниями». На средства, отпускаемые советским представительством, издавалась «белорусская газета, орган белорусского национального комитета». Она вела пропаганду советской власти, «поскольку это возможно при условии польской цензуры». По оценке дипломата, «газета распространяется довольно широко и имеет большое влияние на широкие массы белорусского населения». Из-за цензурных ограничений название газеты часто менялось: «первоначальное название газеты “Наша будущина” изменилось в настоящее время в “Белорусское жыцця”». Кроме того, депутаты вели активную агитацию «путем выступления их на народных собраниях, часто устраиваемых ими в различных пунктах» [3. Л. 13].

Общей задачей советских дипломатов в отношении белорусской оппозиции в Польше было превращение ее из националистической в коммунистическую, в орудие советской внешней политики. Ряд белорусских политиков-эмигрантов сами готовы были сотрудничать с СССР. Советская же сторона, в свою очередь, ставила условием такого сотрудничества признание ими БССР действительно белорусским государством, полностью выражающим интересы белорусского народа.

В январе 1923 г. состоялась встреча членов советского посольства с представителями Белорусского национального комитета в Вильно во главе с А. Луцкевичем. Белорусы передали меморандум, в котором перечислялись пожелания, исполнение которых было, по их мнению, необходимо для экономического и культурно-национального развития БССР и могло привлечь симпатии сомневающихся к Советскому Союзу [3. Л. 14]. Для этого, как писали авторы меморандума, необходимо было, в первую очередь, расширить территорию Советской Белоруссии до полного включения в нее всех земель, населенных белорусами, т.е. частей Смоленской, Витебской и Гомельской губерний, в 1919 г. отошедших к РСФСР, с пропорциональным увеличением представительства от Белоруссии во ВЦИК, объявить амнистию белорусским общественным деятелям, в свое время бывшими сторонниками самостоятельной

БНР, уравнять в правах на территории Белоруссии белорусского языка с русским, и расширить сеть белорусских национальных школ [3. Л. 14]. По мнению известного историка-слависта К.В. Шевченко, этот меморандум сыграл значительную роль в принятии Москвой решения об укрупнении БССР [4. С. 334]. Действительно, анализ документов показывает, что именно предложения Луцкевича стали основой дальнейших действий НКВД в белорусском вопросе.

Учитывая вышеизложенные обстоятельства, становится понятно, почему, когда руководство БССР после подписания 30 декабря 1922 г. договора об образовании Союза Советских Социалистических Республик сочло возможным официально поднять вопрос о пересмотре границ Белоруссии с РСФСР и УССР, НКВД оказал ему поддержку.

Первым поводом к этому послужило обращение министра иностранных дел Польши к Совету послов Антанты с требованием наконец официально признать восточную границу Польши, установленную Рижским договором. Это вызвало публичный протест Белорусского сеймового клуба, который 13 февраля 1923 г. заявил, что: «1. Рижский Договор 18-го марта 1921 г. был заключен без участия и санкции всего белорусского народа.

2. Вопрос о Виленской области, где поляки по отношению к белорусам, литовцам и евреям составляют меньшинство, был разрешен только поляками, ибо белорусы, литовцы, евреи не принимали участия в выборах в Виленский сейм 8-го января 1922 года.

3. Восточная граница Польши, основанная на Рижском договоре, носит временный характер и может быть окончательно установлена в согласии с международным правом и с согласия всего белорусского народа» [3. Л. 3]. Советской пропаганде представилась возможность в очередной раз противопоставить советскую дружбу народов польскому империализму.

В начале марта 1923 г. Л.Л. Оболенский, советник полномочного представительства СССР в Варшаве, подал секретный доклад в Польшбюро ЦК РКП(б) под названием «Записка по вопросу о Белоруссии». Он предлагал ряд мер для того, чтобы «Польша не стала для всего белорусского народа своего рода Пьемонтом (так в тексте. — Д.К.), хотя бы только иллюзорным, чтобы польские помещики не отыгрались на этом в своем стремлении вернуть утраченные земли Восточной Белоруссии, чтобы Советская Белоруссия стала подлинным политическим и культурным центром для всего белорусского народа» [3. Л. 6]. Повторив положения январского меморандума А. Луцкевича, Оболенский добавил предложение создать единый культурный фронт для белорусов как в СССР, так и за его пределами и адекватно его финансировать.

По мнению Оболенского, исполнение указанных «желаний белорусов» «окончательно повлияет на них и даст гарантию, что они по отношению к нам будут вполне лояльны и послужат хорошим фактором в нашей польской политике» [3. Л. 7]. Оболенский обратил внимание партийного руководства на то, что эти меры (в случае, если будет признана их целесообразность) необходимо будет осуществить быстро, так как «польские власти вполне учитывают опасность враждебно настроенных против себя бе-

лорусов и принимают все меры, чтобы путем обещаний и некоторых уступок связать их с собой и повернуть их политическую ориентацию в сторону Польши» [3. Л. 7].

Рассмотрев эти предложения, 7 марта 1923 г. С.Л. Гельтман, секретарь Польшбюро ЦК РКП(б), сообщил в НКВД: «Мы считаем целесообразным удовлетворить следующие желания белорусов: 1) Амнистию с условием персонального разрешения на проезд в Сов. Белоруссию, ибо огульная реэмиграция националистических элементов является для нас нежелательной (выделено в тексте. — Д.К.).

2) Допускать не только в теории, но и на практике белорусские школы за пределами Сов. Белоруссии (в Витебской и Гомельской губ.), где живут компактные массы белорусов. (В Сов. Белоруссии белорусский язык фактически пользуется полнотой прав в области народного образования).

3) Расширить границы и увеличить состав представительства во ВЦИК'е С.С.С.Р.» [3. Л. 5].

Объяснялось это решение тем, что «поддержка революционного брожения среди нацменьшинств Польши, в частности же углубление сеймовой оппозиции белорусов в программном и тактическом отношениях, как фактора ослабления польского правительства, лежит в интересах нашей Республики.

Поэтому следовало бы с помощью некоторых уступок сохранить за нашим Представительством влияние на Белорусский клуб в сейме и за его пределами» [3. Л. 5].

Руководство БССР, в свою очередь, подняло вопрос о пересмотре границ республики. В выступлении на VII съезде Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии (КП(б)Б) 20–26 марта 1923 г. А.Г. Червяков, председатель СНК БССР, заявил, что Витебская и Гомельская губернии являются «безусловно однородными» с БССР и выразил уверенность в том, что они будут объединены с ней в ближайшем будущем [5. С. 476]. XII партийная конференция КП(б)Б, состоявшаяся 15 апреля 1923 г., вынесла постановление о необходимости безотлагательного разрешения вопроса о территории Белорусской республики, а именно включении в ее состав также Витебской, Гомельской и части Смоленской губернии. ЦБ КП(б)Б обосновывало свое мнение как этническим составом губерний, так и политической необходимостью, так как «при нынешнем положении вещей, когда Советская Белоруссия существует в пределах 6 уездов б. Минской губернии, создается двойственность ненужная, непонятная и вредная. Подрастающая молодежь изучает в школах, что существует три Белоруссии — одна оккупированная Польшей, другая — Советская Белоруссия, которая своим существованием ставит под подозрение политику партии по национальному вопросу, и третья — присоединенная по непонятным причинам к России.

Дальнейшая отсрочка разрешения этого вопроса (о Белоруссии), вредна, компрометирует партию, власть, белорусских и советских работников, развивает шовинизм, создает почву, благоприятную для политических авантюров, порождает Балаховичей, Ластовских и им подобных “правителей” Белоруссии» [3. Л. 37–38]. Эти постановления были предварительно согласованы с ЦК РКП(б) [3. С. 160].

Выводы о необходимости расширения территории БССР и амнистии белорусских политических деятелей представил также сотрудник советского полпредства в Варшаве (предположительно С.А. Раевский) в секретной записке «Об использовании белорусского населения в Польше», направленной 8 мая 1923 г. заместителю председателя ГПУ И.С. Уншлихту и члену Коллегии НКВД Я.С. Ганецкому. Он писал, что «гнет со стороны поляков толкает белорусов в ряды повстанческих организаций Ластовского, так как нет других боевых организаций, но стремления, желания этих масс совершенно другие. Раньше всего белорусы желают объединения всех белорусских земель, и они отлично сознают, что объединение возможно лишь при условии сохранения Советской Белоруссии. Более того, большинство белорусов, как бы ни относились отдельные лица к советской власти, считает желательным сохранение советской Белорусской республики и именно в ней видит основное ядро будущей объединенной Белоруссии» [З. Л. 12]. Для упрочения советского влияния на западнобелорусских территориях автор считал нужным развеять сомнения в искренности Советской России по отношению к белорусам у местных лидеров, выполнив ряд положений январского меморандума виленского БНК (упоминавшийся выше меморандум авторства А. Луцкевича. — *Д.К.*), касающиеся амнистии и разрешения на въезд белорусским политикам, в 1919–1921 гг. борющихся за образование независимой Белорусской республики, но не связанных с группировкой С. Булак-Балаховича, и увеличением территории БССР [З. Л. 15]. Исполнение этих пунктов, по мнению автора записки, «помогло бы [...] привлечь на свою сторону все белорусское население и усилило бы его враждебное отношение к Польше. Никакие выступления всяких Балаховичей, Ладновых и др. белорусов, существующих на средства польской дефензивы, не могли бы противодействовать работе наших сторонников. Все крестьянство было бы за нами. При той связи, которая установилась через депутатов в Сейме между белорусами и украинцами, и благодаря нашей прессе (белорусской и украинской) это сочувствие нашло бы живой отклик и в украинском населении Польши. Нам сочувствующей оказалась бы вся масса населения «крессов» (так в тексте. — *Д.К.*), т.е. восточных окраин, а вряд ли нужно доказывать, как важно для нас иметь на своей стороне симпатии населения тех областей Польши, которые не населены поляками и которые могут оказаться тереном (так в тексте. — *Д.К.*) военных действий в случае войны между нами и Польшей» [З. Л. 16].

Сомнения в долговечности мирных отношений с поляками высказывал и член Коллегии НКВД Я.С. Ганецкий. Он писал 29 мая 1923 г. И.В. Сталину (Г.В. Чичерину в копии): «Несмотря на то, что в последнее время намечена нами по отношению к Польше новая линия поведения, Н.К.И.Д., однако, считает очень важным использовать в интересах нашей внешней политики все те одиозные и оппозиционно настроенные элементы, которые способствуют разложению польского государства». К таким элементам он относил, между прочим, и белорусов, даже самых умеренных из которых крайне недалновидная политика польских господствующих классов толкала в ряды открытой оппозиции. Но «для того,

чтобы было более успешно и с большим результатом вести в Польше работы среди белорусов необходим ряд мер, которые могли бы решительно и быстро повлиять на настроение, как белорусской народной интеллигенции, так и широких крестьянских масс и повернуть окончательно их ориентацию в сторону Советских Республик. Мы снеслись по этому поводу с тов. Оболенским и Польш-Бюро при Ц.К.Р.К.П» [3. Л. 17]. Далее излагались вышеупомянутые предложения Л.Л. Оболенского. Польшбюро поддержало только три из них — амнистию белорусских деятелей, но, правда, с условием персонального разрешения на въезд, «ибо огульная реэмиграция националистических элементов является нежелательной», и допущение «не только в теории, но и на практике» белорусских школ в Витебской и Гомельской губерниях, где компактно проживали белорусы [3. Л. 18], а также увеличение представительства БССР во ВЦИК. НКВД, со своей стороны, предлагал «принять единственно пункты, касающиеся амнистии и школ» [3. Л. 19]. Расширять территорию БССР там считали преждевременным.

В мае-июне 1923 г. решался вопрос об амнистии и разрешении на въезд для белорусских эмигрантов. 31 мая 1923 г. Уншлихт сообщил И.В. Сталину и Я.С. Ганецкому, что по поводу этих вопросов ГПУ согласилось с мнением Польшбюро, что следовало «амнистию распространять не на всю белорусскую эмиграцию в целом, а с подразделением ее на соответствующие категории — разрешая вопрос о применении амнистии каждой из этих категорий особым порядком», т.е. персонально; а также решать вопрос о допущении амнистированных лиц к культурной работе только после рассмотрения каждой кандидатуры ГПУ [3. Л. 20].

5 июня 1923 г. состоялось заседание Комиссии по работе среди белорусов в Польше, в составе Я.Э. Рудзутака, Г.В. Чичерина и И.С. Уншлихта. Постановление по итогам заседания гласило: «1. А) Признать возможным амнистию для белорусских деятелей, объявленных вне закона за причастность к белорусскому национальному движению.

Б) Амнистию распространить не на всю белорусскую эмиграцию в целом, а с подразделением ее на соответствующие категории.

Амнистия безусловно не распространяется на участников банды Балаховича и белорусов, арестованных за принадлежность не относящихся к белорусскому национальному движению антисоветским партиям (СР, меньшевиков и т.п.). [...]

Г) отменить всякие препятствия к открытию белорусских школ (с применением белорусского языка) как в пределах Советской Белоруссии, так и за пределами ее, где живут компактные массы белорусов».

По поводу же увеличения территории БССР в решении касался только осторожный последний пункт: «Е) запросить Наркомнац о национальном составе населения (в % отношении) пограничных районов, прилегающим к Белоруссии» [3. Л. 21].

С 9 по 12 июня 1923 г. в Москве проходило совещание по национальным вопросам, на котором присутствовали делегаты от всех национальных компартий СССР. Выступавший на нем ответственный секретарь ЦБ КП(б)Б В.А. Богуцкий вновь подчеркнул, что окончательное решение

белорусского вопроса невозможно, пока БССР включает в себя лишь незначительную часть белорусских земель [5. С. 476]. Одновременно ЦБ КП(б)Б передало в ЦК РКП(б) докладную записку¹ с материалами об укрупнении БССР [3. Л. 22], которую затем, 18 июня 1923 г., по поручению А.Г. Червякова и в ответ на просьбу Г.В. Чичерина препроводило в Секретариат НКВД. Авторы подчеркивали значение внешнеполитического фактора в решении об образовании БССР в 1920 г.: «В период создания Советской Белоруссии превалирующую роль играли моменты международной политики — необходимо было в противовес империалистическим стремлениям Польши и желаниям белорусского кулачества организовать буржуазную Белорусскую Республику под защитой Польши противопоставить Рабоче-Крестьянскую Белоруссию.

Нужен был новый фактор международной политики во взаимоотношениях между Советской федерацией и буржуазной Польшей.

В тот момент вопрос о границах на востоке и не мог ставиться, ибо все устремление было на запад, в особенности, если принять во внимание, что решение об организации Советской Белоруссии произошло в момент, когда вся нынешняя Белорусская Республика находилась под властью поляков и когда вопрос о том, удастся ли освободить Белоруссию от поляков, находился под значительным сомнением» [3. Л. 22]. Теперь же, в 1923 г., «отчасти соображения международного характера, а еще больше необходимость точного и полного выполнения решений последнего партийного съезда, что должно выразиться в возможно полном обхвате белорусского крестьянства в район одного государства, для наиболее полного удовлетворения его национально-культурных и частично экономических нужд требуют ясной постановки вопроса о территории Белорусской Республики и о взаимоотношениях Белоруссии со смежными районами, большинство населения которых белорусское» [3. Л. 23]. Но вся положительная работа Советского государства в области культуры и экономики «парализуется тем положением, в котором Белоруссия находится, когда только незначительная часть белорусского населения, находящегося на советской территории, входит в Белорусскую Республику» [3. Л. 23].

Авторы докладной записки привели следующую статистику в отношении национального состава населения: «в нынешней Белорусской Республике — белорусов — 80%, евреев — 15%, поляков 3%. В Витебской губернии — белорусов 65–68%, великорусов и украинцев — 10–12%, евреев — 12–14%, поляков — 3–4%, латышей, литовцев — 8–10% [3. Л. 24]. В Гомельской губернии — белорусов — 80%, великорусов и украинцев — 4%, евреев 12–14%, поляков — 1%. В Смоленской губернии — белорусов — 40%» [3. Л. 25].

Поэтому они делали вывод, что «не подлежит никакому сомнению, что и Витебская и Гомельская губернии и прилегающие к ним районы Смоленской губернии являются чисто белорусскими по своему составу и логически должны составлять часть Советской Белоруссии» [3. Л. 25]. Лидеры белорусских коммунистов добивались увеличения территории республики, апеллируя не только к экономическому и культурному единству региона, но и к влиянию ситуации в БССР на настроения меньшинств в

¹Авторы: Богущкий, Червяков, Игнатовский, Нодель.

Польше: на польской стороне границы осталась значительная часть Белоруссии, где «все время на национальной почве идет очень сильная борьба, принимающая все более революционную окраску, идет не только борьба против поляков, но в этой борьбе все больше начинают ориентироваться на советскую часть Белоруссии», и «все, что делается в Белоруссии в области культурного строительства, немедленно соответствующим образом оценивается за кордоном» [3. Л. 23].

Кроме того, обеспокоенность белорусских руководителей вызывало и политическое положение Витебской и Гомельской губернии. Его «ни в какой мере нельзя считать нормальным потому, что вопрос национальный там даже и не поставлен, от него стараются всеми мерами отмахнуться. Достаточно сослаться на то, что в Витебском наробразе нет даже белорусской секции, в Гомельской же она была создана только после длительных переговоров, а в Смоленской — открытая с большими трудностями — закрыта с 1-го мая 1923 г. [...] Еще до последнего времени, а отчасти и сейчас, в Витебской и Гомельской губерниях не допускают организации белорусских школ, несмотря на преобладающее большинство белорусского населения в деревне. На этой почве растет глухое недовольство и создается почва для всяких демагогических и часто справедливых обвинений в великорусском шовинизме, национализме и пр.» [3. Л. 25].

Кроме того, белорусские коммунисты видели в таком положении почву «для националистической агитации и мелкобуржуазных националистических движений» [3. Л. 25]. Предупреждая аргумент о том, что руководство Витебской и Гомельской губерний настроено резко против передачи этих территорий БССР, они писали, что «часто против присоединения Витебской, Гомельской и части Смоленской губ. выдвигают такое соображение: местные партийные или советские работники не хотят объединения, или, как иногда выражаются, боятся национализма Белоруссии. При такой постановке вопроса надо постоянно помнить, что во всех этих губерниях во главе и советского и партийного аппарата стоят товарищи из центральной России, а не из местных уроженцев, а потому их настроения ни в какой мере не могут и не отражают настроений местного населения, в особенности крестьянского» [3. Л. 26].

Кроме вышеперечисленных, авторы записки указывали и на экономические проблемы. Госплан, «исходя из целого ряда соображений, подчас бюрократического порядка, постановил, что центр этой области должен быть в Смоленске, хотя и в Госплане подчеркивали, что Минск, как центр области, имеет целый ряд преимуществ». Белорусские коммунисты горячо возражали против такого решения: «оно [...] фактически ликвидировало бы Белоруссию». Изложив все эти соображения, авторы докладной записки потребовали «срочной постановки вопроса о Белоруссии, о целесообразности ее существования, ибо при настоящих своих границах она не может служить достаточно притягательным центром для закордонной Белоруссии, ибо все положительное парализуется теми дефектами, которые имеют место в Витебской и Гомельской губерниях. Все эти дефекты очень умело используются националистической мелкобуржуазной интеллигенцией за кордоном в борьбе против стремления крестьянства к Советской власти (так, было очень сильно использовано постановление Госплана о

создании центра Западной области не в Минске, а в Смоленске и целый ряд других фактов [3. Л. 26].

Центральные ведомства, однако, придерживались иного мнения по поводу озвученных КП(б)Б проблем. 9 июня 1923 г. Наркомнац передал в НКВД записку о национальном составе прилегающих к БССР губерний. Его данные существенно отличались от статистики КП(б)Б, представленной А. Червяковым. Так, согласно переписи 1920 г., в Гомельской губернии белорусы составляли 34% населения, русские 54%, украинцы 4,5%, в Витебской же губернии насчитывалось 57,5% белорусов и 32,5% русских [3. Л. 41].

Кроме того, данные, противоречащие выводам ЦБ КП(б)Б, представило ГПУ Белоруссии. По его мнению, белорусизация органов власти и культуры, проводившаяся в 1920-е годы, не имела успеха из-за противодействия самого населения: «...На территории Советской Белоруссии национального движения в какой-либо форме не наблюдается. Проводимая Наркомпросом белорусизация школы встречает оппозицию среди крестьян, которые смотрят на дело практически, предполагая, что их дети [чтобы] “выйти в люди”, должны обучаться на русском языке. О белорусизации отзываются как о методе Сов. Правительства для более легкого выкачивания налогов»² [3. Л. 58]. Также, по данным ГПУ БССР, почти не вызывали интереса белорусскоязычные печатные издания [3. Л. 59].

Кроме заинтересованных ведомств БССР и союзных, свое мнение по вопросу укрупнения БССР высказали и представители Коммунистической рабочей партии Польши (КПРП). Они отметили, что «всякий факт, указывающий на то, что Россия не только не притесняет нац. меньшинства, но, напротив, благоприятствует их экономическому и культурному развитию, — не только увеличивает тяготение притесняемых Польшей пограничных народов к России, но также необычайно высоко поднимает коммунизм в глазах рабочих и польской интеллигенции, указывая им, что только рабочая власть способна разрешить национальный вопрос» [3. Л. 60]. Однако расширение территории БССР автор записки не относил к действительным нуждам белорусов, а расценивал как стремление, аналогичное амбициям националистической интеллигенции создать «“Великую Белоруссию”, включающую в себя смешанные области от Белостока и Вильно до Смоленска и Гомеля [...] перенесение границы на 100 верст восточнее, с точки зрения нашей агитации в Польше, не имеет большого значения. В Польше укоренилась легенда, что всякие республики: автономные, федерированные и др. области в СССР, являются фикцией; что никакой автономии на самом деле нет, что Москва поддиктаторски правит всем. На это широко распространенное убеждение не будет иметь влияния правительственный акт о границах Белоруссии. В то же время, известие о каждой хорошей перемене истинного положения широких народных масс в области экономической и культурной проникает в Польшу, несмотря на кордон и ложь прессы, и действует соответствующим образом» [3. Л. 62]. В принципе КПРП не возражала против присоединения к БССР бесспорно белорусских по составу населения соседних с республикой уездов.

²Материалы ГПУ Белоруссии от 3 июля 1923 г.

Но несколько уездов Витебской и Гомельской губерний, на которые Советская Белоруссия также претендовала и где белорусы, даже по статистике ЦБ КП(б)Б (которую поляки прямо назвали сомнительной [3. Л. 62]), не имели большинства, польские коммунисты присоединять не сочли нужным.

Таким образом, в начале 1923 г. одновременно по линии полпредства СССР в Литве, полпредства СССР в Польше, руководства БССР и ГПУ поступил ряд обращений в ЦК и руководство СССР, в которых предлагалось: увеличить территорию БССР за счет передачи ей входивших в состав РСФСР Гомельской, Витебской и части Смоленской губерний и пропорционально расширить представительство увеличенной республики в ВЦИК СССР; провести амнистию деятелей белорусского движения, которые до сих пор числились во врагах Советской России, хотя на самом деле уже изменили свое отношение к ней и активно сотрудничали с ее представителями, и разрешить им въезд в БССР в качестве частных лиц; увеличить использование белорусского языка в государственных учреждениях и в школах, в местах компактного проживания белорусского населения.

Белорусский вопрос в польской политике НКВД СССР в первой половине 1923 г. разделился на две части: собственно, вопрос об укрупнении БССР и вопрос привлечения на свою сторону как белорусских депутатов сейма, так и нелегальной оппозиции. Второй вопрос был признан более актуальным: решение об амнистии для членов белорусских националистических группировок, не запятнавших себя сотрудничеством с С. Булак-Балаховичем и прочими антисоветскими проектами польской дефензивы, было официально принято уже в июле 1923 г.

Вопрос о территориальных изменениях вызвал споры, тем не менее, возобладали позиция руководства БССР. 23 ноября 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о включении в состав БССР Витебской губернии полностью и Гомельской губернии за исключением четырех уездов, до революции входивших в Черниговскую губернию [5. С. 481]. Однако через месяц ЦК изменил решение, значительно урезав список возвращаемых земель. Невельский, Себежский, Велижский уезды Витебской губ., Гомельский и Речицкий уезды Гомельской губ. и большую часть Мстиславского уезда Смоленской губ. решено было оставить в РСФСР. Белорусское руководство, тем не менее, продолжало настаивать на передаче всех указанных им территорий. БССР были переданы восемь уездов Витебской, шесть уездов Гомельской и один уезд Смоленской губерний. Это решение было законодательно оформлено в два этапа: постановлением Президиума ЦИК РСФСР от 4 февраля 1924 г. «О передаче Белоруссии районов с преимущественно белорусским населением» и резолюцией VI Всебелорусского чрезвычайного съезда Советов БССР от 13 марта 1924 г. [5. С. 484].

Укрупнение БССР вызвало большой резонанс в Польше. Рост просоветских настроений выразился, в частности, в создании и стремительном росте популярности такой партии, как Белорусская рабоче-селянская громада. Польская пресса констатировала, что в белорусском вопросе советская политика оказалась значительно успешнее польской. Запретив националистические партии, СССР дал взамен широкую возможность культурной работы и просвещения белорусского населения [4. С. 335]. Выступая

перед представителями белорусской эмиграции в Праге, один из лидеров белорусского движения в Польше и депутат польского сейма Б. Тарашкевич отметил, что большинство белорусских депутатов польского сейма склоняются к социальной революции как методу решения белорусского вопроса в Польше, массы в большинстве своем настроены большевистски [4. С. 336]. Таким образом, одна из целей, которую преследовало укрупнение БССР, была достигнута: симпатии западнобелорусского населения были на стороне Советской России. Однако тот факт, что часть этнических белорусских земель (Гомельский и Речицкий уезды) осталась в составе РСФСР, ослаблял пропагандистский эффект укрупнения БССР. Поэтому, хотя и не сразу, белорусскому руководству удалось поднять вопрос о присоединении обеих территорий.

6 декабря 1926 г. РСФСР передала БССР Гомельский и Речицкий уезды, снова, по мнению белорусских историков, руководствуясь главным образом политическими мотивами: то, что эти уезды оставались в составе РСФСР, вызывало острую критику за рубежом [5. С. 494]. Среди населения самого региона не было четкого мнения о желательности присоединения, тем не менее, по итогам работы специальной комиссии, был сделан вывод об их белорусском этническом составе [5. С. 492]. Сочетание международного фактора, данных опросов и настойчивости властей Советской Белоруссии заставило завершить начатый в 1924 г. процесс объединения практически всех этнических белорусских земель в составе БССР.

Таким образом, можно констатировать, что решение о расширении БССР было продиктовано во многом внешнеполитическими причинами, а вопрос об отношении населения присоединяемых областей к белорусскому языку и самому этому присоединению оставался по большому счету второстепенным. Главный же эффект — признание советской национальной политики наиболее отвечающей интересам белорусов и, тем самым, дискредитация польских властей в глазах белорусского меньшинства в Польше — был достигнут. Кроме того, была практически полностью устранена, правда, и так небольшая угроза со стороны белорусских националистов, которые потенциально могли расшатать ситуацию в БССР. Более того, многие из них переехали в Минск либо стали фактическими проводниками советской политики в Польше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Коршук В., Платонов Р. и др.* Государственность Беларуси: проблемы формирования в программах политических партий. Минск, 1999.
2. Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 3.
3. Архив внешней политики РФ. Ф. 04. Оп. 50. П. 315. Д. 54750.
4. *Шевченко К.В.* Территориальное укрупнение БССР в 1924 г. в польском общественном мнении // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы взаимодействия в контексте единого социокультурного пространства — история и перспективы: Материалы Международной научной конференции (г. Новозыбков, Брянская область, 17–18 октября 2013 г.). Брянск, 2013.
5. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII — пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 1. Мінск, 2011.
6. *Латышонак А., Мірановіч Я.* Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны XVIII да пачатку XXI ст. Вільня; Беласток, 2010.

ПОЗИЦИЯ РУМЫНИИ ПО ВОПРОСУ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ
ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ (1955–1968)

© 2018 г. А.С. Гладышева

*Младший научный сотрудник Института славяноведения РАН
E-mail: annikigladyшева@gmail.com*

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 18-09-00573:
Москва и Восточная Европа: Югославская модель социализма
и страны советского блока, 1950–1960-е гг.)*

Статья посвящена «особой» позиции Румынии по вопросу ядерного нераспространения, оформившейся в ходе международных дискуссий в рамках подготовки Договора о нераспространении ядерного оружия. Анализ архивных документов подводит автора к выводу, что Румыния руководствовалась национально-государственными интересами и прокладывала себе дорогу к мирному использованию атома.

The article deals with the «special» position of Romania on the issue of nuclear weapon non-proliferation, which was formulated during the international discussions within the framework of the preparation of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Analysing the archival documents, the author comes to the conclusion that Romania was pursuing its national interests and paved the way towards peaceful exploitation of atomic energy.

Ключевые слова: Румыния, СССР, национально-государственные интересы, ядерное нераспространение, холодная война, ООН, НАТО, ОВД, ДНЯО.

Keywords: Romania, USSR, national interests, nuclear weapons non-proliferation, Cold War, UNO, NATO, Warsaw Pact, Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons

DOI: 10.31857/S0869544X0000851-9

*«Светлые надежды, порожденные эти чудесным открытием, могут быть омрачены самыми зловещими угрозами для безопасности человечества, если только в надлежащее время не будет выработано международное соглашение об эффективном контроле над этим новым ужасным оружием».
(Из письма Н. Бора Ф. Д. Рузвельту от 7 сентября 1944 г.)¹*

¹ Письмо Нильса Бора президенту США Рузвельту (1944) // К сорокалетию победы советского народа в Отечественной войне // Успехи физических наук. 1985. Т. 146. Вып. 5. С. 5.

Идея установления международного контроля над атомной энергией получила развитие после боевого применения оружия массового поражения данного типа в ходе американских бомбардировок городов Хиросима и Нагасаки 6 и 9 августа 1945 г. Однако многие ученые-физики, в частности Н. Бор, создавший первую квантовую теорию атома, гораздо раньше оценили потенциальную угрозу атомного оружия. Вопрос о предотвращении его распространения поднимался с первых дней деятельности ООН. 24 января 1946 г. на I сессии Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН была принята резолюция о создании Комиссии для рассмотрения проблем, возникших в связи с открытием атомной энергии. Комиссии было поручено сформулировать предложения «относительно контроля над атомной энергией», «изъятия из национальных вооружений атомного оружия» и «эффективных мер предосторожности, путем обследования и применения других методов для защиты государств, соблюдающих соглашения, от возможных нарушений и уклонений» [1]. Однако лишь в конце 1950-х годов были приняты первые конкретные меры по нераспространению ядерного оружия. К тому времени его обладателями уже являлись США (с 1945 г.), СССР (с 1949 г.), Великобритания (с 1952 г.). Активно велись разработки во Франции и КНР, которые присоединились к этой тройке соответственно в 1960 и 1964 г. В этих условиях, государства, не имевшие ядерного оружия, стремились получить гарантии безопасности, а по возможности — добиться полного разоружения. Лишь в 1968 г. мировое сообщество пришло к соглашению по всем существенным условиям договора, формально запретившего дальнейшее распространение ядерного оружия².

На протяжении 1955–1968 гг. позиция Румынии (в 1948–1965 гг. — Румынская Народная Республика (РНР); с 1965 г. — Социалистическая Республика Румыния (СРР)) по вопросам дальнейшего нераспространения ядерного оружия неоднократно менялась. В статье рассматриваются действия румынского руководства на региональном (балканском), внутриблоковом и международном уровнях в этом направлении. Нижняя граница исследования — 1955 год — год создания Организации Варшавского договора (ОВД) и окончательное оформление принципов единой оборонной политики европейских социалистических стран. В этом же году Румыния стала полноправным членом ООН, т.е. приобрела возможность принимать непосредственное участие в заседаниях ГА ООН и выступать с предложениями по контролю над атомной энергией. Верхняя граница исследования — 1968 год — год подписания Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), вступившего в законную силу 5 марта 1970 г. Дистанцирование Румынии от позиции стран Варшавского договора по рассматриваемому вопросу было обусловлено формированием ее нового внешнеполитического курса в конце 1950-х — начале 1960-х годов и стремлением максимально реализовать свои права как неядерного государства. Рассмотрение роли Румынии в политике разоружения является обоснованным в силу того, что она не только предпринимала частные

² Отдельные аспекты затрагиваемого вопроса рассматривались следующими авторами: Г. Алпровиц, В.И. Батюк, Н.И. Егорова, У. Поттер, Р.М. Тимербаев, Ар.А. Улуныян и др. [2–8]. См. также подборку журнала «Международная жизнь» и «Дипломатического ежегодника» за 1955–1968 гг. О позиции Румынии по вопросу о заключении ДНЯО см. статью Н. Экобеску [9].

инициативы в этом направлении, но и являлась членом двух комитетов по разоружению: Комитета 10-ти (1960) и Комитета 18-ти (1962–1968).

Для исследования привлечены новые материалы из документальной коллекции Российского государственного архива новейшей истории (далее – РГАНИ) и Национального исторического архива Румынии, а также недавно вышедший сборник документов о позиции Румынии по вопросу о заключении ДНЯО [10]. Его составитель, дипломат Н. Экобеску, являлся членом румынских делегаций на заседаниях ГА ООН в 1959–1971 гг., был постоянным представителем Румынии в ООН в 1963–1969 гг. и членом румынской делегации в Комитете 10-ти и Комитете 18-ти, а в 1967–1968 гг. возглавлял ее.

Можно выделить несколько этапов в формировании позиции Бухареста по рассматриваемому вопросу: 1) 1955–1956 гг. – следование в фарватере внутриблоковой политики; 2) 1957–1959 гг. – проявление частных инициатив на региональном уровне; 3) 1960–1964 гг. – первые внутриблоковые разногласия по вопросу разоружения; 4) 1965–1968 гг. – оформление «особой» позиции в отношении проекта договора о ядерном нераспространении.

В начале 1950-х годов широкое распространение получили идеи мирного использования атома. В 1954 г. 12 западноевропейских стран подписали соглашение о создании Европейской организации по ядерным исследованиям (ЦЕРН), штаб-квартира которой находилась в швейцарской коммуне Мерен. 18 января 1956 г. ЦК КПСС обратился к социалистическим странам с памятной запиской о нецелесообразности их вступления в эту организацию, так как ее деятельность якобы находилась в противоречии с внутриблоковыми мирными инициативами [11. Ф. 3–5]. В качестве ответной меры советская сторона предложила учредить на территории СССР научно-исследовательскую лабораторию – «Восточный институт ядерных исследований», обсудив этот вопрос на совещании в Москве. В ответном письме ЦК Румынской рабочей партии (РРП, с 1965 г. – Румынская коммунистическая партия (РКП)) от 27 января 1956 г. поддержал эту идею [11. Ф. 2]. 26 марта 1956 г. 11 социалистических государств подписали соглашение о создании Объединенного института ядерных исследований (ОИЯИ). Местом его работы был определен подмосковный город Дубна. Несмотря на то, что в 2007 г. Румыния вступила в ЕС, она и по сей день остается членом ОИЯИ³. Таким образом, если даже в вопросах мирного использования атома Восток и Запад не пришли к соглашению, то, тем более, отказаться от идеи наращивания ядерного военно-технического потенциала ни одна из сторон в середине 1950-х годов не торопилась.

С подписанием восемью социалистическими республиками (Албанией, Болгарией, Венгрией, ГДР, Польшей, Румынией, Чехословакией и СССР) 14 мая 1955 г. в Варшаве Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, положившего начало военно-политическому блоку ОВД, завершилось формирование биполярной системы международных отношений. Начинают оформляться единые принципы оборонной политики европейских социалистических стран, в том числе и по вопросу установления

³После падения режимов коммунистических партий в Восточной Европе к ЦЕРН присоединились Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Болгария.

международного контроля над атомной энергией. Идеологической основой общей концепции стали лозунги борьбы за мир и коллективную безопасность в Европе. Страны-члены ОВД выступали с инициативами по налаживанию отношений с Западом (проект Пакта о ненападении между ОВД и НАТО⁴), по прекращению испытаний атомного и водородного оружия, сокращению численности вооруженных сил и расходов на национальную оборону (в частности, Румыния в 1955–1958 гг. сократила свою армию на 115 тыс. чел.) [12. Д. 2. Л. 5–6].

Эти меры отнюдь не означали снижения боеспособности Объединенных вооруженных сил (ОВС) ОВД. Вместе с тем такая тактика включала в себя не только обеспечение армии новой военной техникой и вооружением, но и мероприятия, направленные на смягчение международной обстановки. К числу таких мероприятий был отнесен вывод советских войск из Румынии. После трехлетних дискуссий 24 мая 1958 г. на совещании Политического консультативного комитета (ПКК) стран-участниц ОВД решение было окончательно согласовано и утверждено к исполнению [12. Д. 1. Л. 119; Д. 2. Л. 19]. Мотивацией при этом стало социалистическое окружение Румынии, включая внеблоковую Югославию, которая не представляла военной угрозы [7; 13–14]. Данное событие стало важным фактором формирования «особой» внешнеполитической доктрины Румынии.

Формально декларируя приверженность внешней политике СССР, Румыния приняла решение делать упор на внеблоковые принципы сотрудничества в Европе. Национальные интересы постепенно начали превалировать над интересами «социалистического лагеря». На фоне первых конкретных мер по ядерному нераспространению⁵ Польша и Румыния выдвинули идеи создания так называемых безъядерных зон⁶ в Центральной Европе («план Рапацкого») [16] и на Балканах [17. Р. 120] соответственно. Эту идею Бухарест пытался использовать для создания сферы регионального сотрудничества под своим покровительством и на этой почве неизбежно сталкивался с противодействием со стороны Югославии, Турции и Греции. Румынский проект 1957 г. включал ряд предложений о достижении соглашения по вопросам межбалканского сотрудничества Болгарии, Югославии, Албании и двух стран-членов НАТО — Турции и Греции, уже имевших военные базы и платформы для запуска ракет. Албания, Болгария и формально Югославия поддержали предложение Румынии⁷. Правительство

⁴В 1958 г. СССР выдвинул идею созыва совещания глав правительств для обсуждения проблем безопасности и сотрудничества. На заседании ПКК в мае того же года был одобрен советский проект Пакта о ненападении между ОВД и НАТО. Страны-члены НАТО отклонили эти предложения.

⁵В 1957 г. создается Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ). Оно было призвано не только содействовать разработкам в области мирного использования атома, но и обеспечению нераспространения ядерного оружия. К участию в его работе присоединилось изначально лишь 56 государств, в том числе СССР и социалистические страны Европы [15].

⁶Безъядерное пространство подразумевало под собой демилитаризованную зону, где на основе международно-правового соглашения запрещались действия военного характера, создание военных баз и укреплений, проведение военных маневров и испытания любых видов оружия.

⁷Итоги переговоров с албанской стороной от 29 августа 1957 г. по вопросу о румынской инициативе см. [18].

Греции ответило на него отказом [19. Ф. 19–21], а турецкие власти даже не удосужились его прокомментировать. Румыния, однако, от своей идеи отказываться не спешила.

В июне 1959 г. она вторично выступила с инициативой создания системы коллективной безопасности на Балканах и установления безъядерной и безракетной зоны на полуострове для превращения его в регион мира и добрососедства⁸. Для реализации своего плана Бухарест предпринял шаги по налаживанию культурных и экономических связей с Грецией и Турцией. Ему удалось заключить торгово-экономическое соглашение с Грецией и направить в Афины группу специалистов для помощи в развитии нефтяной промышленности. Сблизиться с Анкарой румынский лидер Г. Георгиу-Деж пытался после прихода к власти в Турции Д. Гюрселя, объявившего о следовании принципам политики Ататюрка, в том числе в налаживании добрососедских отношений [20. Vol. I. Ф. 153–168]. В середине 1960-х годов, не отказываясь от выдвинутой ранее идеи, румыны связали свой проект с созданием безъядерных зон и в других частях Европы в рамках системы общеевропейской безопасности [21. Л. 247]. Но, как и «план Рапацкого», румынская инициатива осталась лишь на бумаге. С одной стороны, США опасались нарушения баланса сил на Балканах. С другой стороны, ни одно из балканских государств не было заинтересовано в усилении позиций Румынии в Юго-Восточной Европе. Однако сама идея создания безъядерных зон все же была реализована к 1968 г. на двух континентах (в Антарктике (1959) и Латинской Америке (1967)), став шагом на пути к ядерному нераспространению.

Впервые серьезно проблему предотвращения дальнейшего распространения ядерного оружия в 1958 г. на XIII сессии ГА ООН поставил министр иностранных дел Ирландии Ф. Эйкен. Благодаря его проекту ядерное нераспространение было рассмотрено в ООН как отдельный вопрос повестки дня [8. Т. 1. С. 91.]. В сентябре 1959 г. на XIV сессии ООН Советский Союз выдвинул программу всеобщего и полного разоружения, получившую широкую международную поддержку. Это позволило перейти к конкретным мероприятиям по ее реализации. 20 ноября 1959 г. ГА ООН приняла резолюцию «Предупреждение более широкого распространения ядерного оружия», которая обязала учрежденный в этих целях Комитет десяти государств по разоружению рассмотреть вопрос о средствах предотвращения этой опасности, в том числе возможность заключения международного соглашения [22].

На московском Совещании ПКС ОВД 4 февраля 1960 г. был затронут вопрос о всеобщем и полном разоружении и предстоящих переговорах с западными державами и подписана декларация «Об ослаблении международной напряженности». СССР объявил о решении сократить вооруженные силы на 1,2 млн чел. за 1,5–2 года. Н.С. Хрущев в связи с изменением международной обстановки поставил вопрос о сокращении или выводе советских войск из ПНР и ВНР. Это предложение участниками Совещания не обсуждалось.

⁸В сентябре того же года с аналогичной инициативой (планом балканского регионального разоружения) выступила и Болгария [7. С. 49].

Неоднозначным было выступление на Совещании румынского премьер-министра К. Стойки, который акцентировал внимание на роли международного контроля в деле ядерного нераспространения. Им были высказаны опасения в отношении неоднозначных последствий контроля, среди которых он назвал: поиск «контролерами» брешей в системе обороны, получение сведений, выдающих планы нападения на страны. Тем самым Румыния сблизилась с позицией малых и средних государств Запада, которые на XIV сессии ГА ООН подняли вопрос обеспечения своей безопасности при всеобщем и полном разоружении [23. Л. 105].

С 15 марта по 28 июня 1960 г. в Женеве заседал Комитет 10-ти по разоружению, созданный США, Великобританией, Францией и СССР, в который также вошли представители от Болгарии, Польши, Румынии, Чехословакии, Италии и Канады (пять социалистических и пять капиталистических стран). Переговоры зашли в тупик, так как западные державы отказались приступить к выработке договора о полном разоружении и уклонились от обсуждения советской программы разоружения. Ими была выдвинута лишь идея о действиях по контролю над вооружением без принятия мер по разоружению [20. Vol. I. F. 43]. 27 июня румынское правительство получило из Москвы дипломатическую ноту о ситуации вокруг переговоров, в которой, в частности, говорилось, что западные государства, в том числе США оттягивают обсуждение проблемы и препятствуют ее решению. Румыния поддержала позицию СССР и вместе с другими социалистическими странами прервала участие в работе Комитета [24. F. 2–3.]. 20 декабря 1961 г. ГА ООН одобрила новый состав комитета по разоружению; к десяти прежним участникам переговоров подключились Швеция, Бразилия, Мексика, Нигерия и члены Движения неприсоединения (Бирма, Индия, ОАР, Эфиопия). Комитет 18-ти продолжал свою работу вплоть до подписания ДНЯО в 1968 г.⁹ В работе нового Комитета Румыния стала играть значительную роль, стремясь максимально реализовать свои национальные интересы.

На начало 1960-х годов пришлись первые разногласия Румынии с СССР по вопросу о многостороннем сотрудничестве в рамках СЭВ. После Карибского кризиса, в ходе которого Н.С. Хрущев в очередной раз не согласовал свои действия с союзниками, начала оформляться и «особая» позиция Бухареста по стратегическим вопросам внешней политики, в том числе по вопросу о ядерном нераспространении. В первой половине 1960-х годов сформулировались требования Румынии к будущему ДНЯО: предоставление гарантий безопасности неядерным государствам, мероприятия по разоружению ядерных держав, «закрытие лазеек во внутренние дела народов». Они были озвучены на XVIII сессии ГА ООН в 1963 г. Тогда же под влиянием Карибского кризиса 29 апреля 1963 г. десять латиноамериканских стран выступили с декларацией об объявлении Латинской Америки безъядерной зоной. Куба и государства-члены ОВД не поддержали эту идею. Румыния отказалась солидаризироваться

⁹Преемниками Комитета 18-ти государств по разоружения стали Совещание Комитета по разоружению (1969–1978) и Конференция по разоружению (1979– наст. вр.).

с их позицией и проголосовала за декларацию. В ноябре была принята резолюция «Об объявлении Латинской Америки безъядерной зоной» и подготовке соответствующего договора [25].

В 1963 г. был подведен итог почти десятилетним дискуссиям США, Великобритании и СССР по вопросу о запрете ядерных испытаний. Московский договор от 5 августа 1963 г. стал своего рода уступкой Западу советской стороны, которая изначально предлагала запретить проведение испытаний ядерного оружия одновременно с подписанием договора о разоружении. Лишь в 1959 г. — начале 1960-х годов было достигнуто соглашение об отделении общего договора о ядерном разоружении от соглашения о запрете ядерных испытаний. Румыния также присоединилась к договору о запрещении испытаний ядерного оружия в трех сферах (атмосфере, космическом пространстве и под водой) в 1963 г. Для его подписания 7 августа в Москву прилетела румынская делегация во главе с министром иностранных дел К. Мэнеску. В ходе визита в советскую столицу К. Мэнеску, давая интервью корреспонденту ТАСС, заявил: «Наше правительство поддерживает предложения о подписании пакта о ненападении между странами-членами Организации Варшавского договора и НАТО, о создании безъядерных зон, особенно на Балканах» [26]. Исходя из его слов становится очевидно, что Румыния не отказывалась от идеи укрепления своих позиций в Юго-Восточной Европе посредством провозглашения Балкан безъядерным пространством.

Дальнейшему обострению разногласий Румынии и СССР способствовало принятие на расширенном Пленуме ЦК РРП в апреле 1964 г. «Декларации о позиции Румынской рабочей партии по вопросам международного коммунистического и рабочего движения» [27]. Появление этого документа было обусловлено вовлечением Румынии в урегулирование советско-китайского конфликта. Вмешавшись в него в качестве арбитра, Бухарест применил привычную тактику лавирования, не приняв полностью позицию ни одной из сторон [28]. В основу «Декларации» легли новые принципы румынской внешней политики (суверенитет, равноправие, гарантии невмешательства во внутренние дела, взаимовыгодное сотрудничество), согласно которым Бухарест предлагал строить отношения между коммунистическими и рабочими партиями и между социалистическими государствами. Под влиянием этого документа румынское руководство дистанцируется от общей позиции ОВД и по вопросу о ядерном нераспространении, отстаивая свои национальные интересы, как малого государства, не обладавшего оружием массового поражения данного типа. В силу этого, именно на 1965–1968 гг. пришлось оформление «особой» позиции в отношении проекта договора о ядерном нераспространении. Четкие очертания она приобрела уже после смерти в марте 1965 г. Г. Георгиу-Дежа при его преемнике на посту генерального секретаря ЦК РРП (РКП) — Н. Чаушеску.

В октябре 1964 г. после первого испытания атомной бомбы к «ядерному клубу» присоединилась КНР. В условиях активизации американских планов по созданию многосторонних ядерных сил (МЯС) НАТО¹⁰ Бухарест расценил китайскую ядерную программу как достижение «атомного равновесия» между социалистическим и капиталистическим миром. В январе 1965 г. на заседании ППК в Варшаве Г. Георгиу-Деж заявил: «При такой

¹⁰ В мае 1963 г. на оттавской сессии НАТО было принято решение о создании МЯС НАТО.

международной обстановке недавно произведенный Китайской Народной Республикой атомный взрыв является новым благоприятным для социалистического лагеря фактором в мировом соотношении сил и важным козырем, укрепляющим позицию отстаивания интересов социалистических государств в любых международных переговорах о запрещении применения атомного оружия и его уничтожения, о всеобщем и полном разоружении» [12. Д. 14. Л. 40].

Варшавское совещание ПКК было созвано по инициативе ГДР, выразившей свое беспокойство планами создания МЯС НАТО и открытием тем самым доступа ФРГ к ядерному оружию¹¹. В. Ульбрихт в этой связи предложил обсудить проект совместной декларации, осуждающей милитаристские планы США, и проект Договора о нераспространении ядерного оружия. Письмо с этими документами было получено румынским руководством за сутки до вылета Г. Георгиу-Дежа в Варшаву¹².

18 января, накануне заседания ПКК, румынский лидер встретился с польским лидером В. Гомулкой. В ходе этой беседы Г. Георгиу Деж заявил, что у руководства Румынии не было времени для анализа полученных из ГДР документов, поэтому она готова обсуждать лишь проблему создания МЯС. В отношении предложенных В. Ульбрихтом документов Деж попросил В. Гомулку как Генерального секретаря предстоящего заседания ПКК, заблокировать их обсуждение. В. Гомулка указал на то, что проекты в любом случае уже не могут быть включены в повестку дня в качестве отдельного вопроса [10. Р. 95–102]. В тот же день румыны обсудили этот вопрос и с делегацией ГДР, выразив и ей свое недовольство фактом очень поздней передачи документов, подготовленных ЦК СЕПГ [10. Р. 102–107]. На заседании ПКК 19–20 января 1965 г. румынская делегация подвергла критике некоторые формулировки проекта совместного коммюнике, в частности содержащую положение, что многосторонние ядерные силы «открывают перед государствами, не владеющими ядерным оружием, любым государствам доступ к этому оружию». Румыны предложили сделать акцент на том, что реализация американских планов откроет лишь ФРГ доступ к ядерному оружию [12. Д. 15. Л. 80–85].

«Особая» позиция Румынии не позволила странам советского блока выступить единым фронтом по вопросу ядерного нераспространения в 1965 г. на XX сессии ГА ООН. Румынский делегат заявил, что «Комитету 18-ти следовало бы уделить первоочередное внимание самым важным и срочным мерам разоружения, которые могли бы ликвидировать угрозу

¹¹Выдержки из письма В. Ульбрихта, направленного странам-членам ОВД 6 ноября 1964 г., с просьбой о проведении совещания ПКК см. [29. Ф. 28–29]. Румынская сторона считала нецелесообразным и несвоевременным шагом принятие мер в отношении американских планов по созданию МЯС из-за разногласий по этому вопросу между странами-членами НАТО. Бухарест призывал созвать совещание ПКК не в конце ноября, а в январе 1965 г., т.е. после сессии НАТО, запланированной на декабрь 1964 г. Ответ румынского правительства от 24 ноября 1964 г. на письмо В. Ульбрихта см. [29. Ф. 33–35; 30. Ф. 1–6]. Экземпляр письма, которое также хранится в архиве МИД Румынии, опубликован [10. Р. 89–90]. Копии послания были переданы партийному руководству ВНР, НРБ, ПНР, СССР и ЧССР см. [29. Ф. 36–45].

¹²Письмо В. Ульбрихта и В. Штофа от 13 января 1965 г., адресованное Г. Георгиу-Дежу и Й.Г. Мауреру, с приложением проекта договора о нераспространении ядерного оружия и проекта решения ПКК по внешнеполитическим проблемам см. [10. Р. 91–95].

войны и привести к разрядке международной напряженности, а именно: запрещению применения атомного оружия, уничтожению существующих запасов, ликвидации иностранных военных баз и выводу войск, находящихся в других государствах» [31. Л. 245]. В беседе с советским послом И.С. Жегалиным премьер-министр Й.Г. Маурер добавил, что принятие ГА советского предложения включить данный вопрос в повестку дня в отрыве от других мероприятий в области ядерного разоружения фактически означало бы закрепление монополии на ядерное оружие тех государств, которые его имеют в настоящее время, и могло бы вызвать разногласия внутри самого «социалистического лагеря» [31. Л. 245]. На сессии румынская делегация воздержалась при голосовании по вопросу резолюции о ядерном нераспространении. Однако в том же 1965 г. усилиями румынской дипломатии была принята резолюция девяти государств «Мероприятия на региональном уровне с целью улучшения добрососедских отношений между европейскими государствами, имеющими различные социальные и политические системы» [32]. Проводя идею о необходимости внутриевропейского сотрудничества в условиях разделения Европы на военно-политические блоки, Румыния добилась укрепления контактов с Австрией, Бельгией, Данией и Швецией [21. Л. 244].

С тех же позиций румынская делегация выступала в 1965–1966 гг. на заседаниях Комитета 18-ти. Бухарест начал целенаправленно отстаивать необходимость осуществления комплексных мероприятий по разоружению, которые гарантировали бы безопасность неядерным государствам. В этих условиях советское правительство пошло на уступку и заявило о своей готовности включить в проект договора статью о запрещении применения ядерного оружия против неядерных государств-участников договора¹³. Это позволило согласовать позиции СССР и Румынии. В дни работы XXI сессии ГА ООН в 1966 г. заместитель министра иностранных дел СРР М. Малица, ссылаясь на указание из Бухареста, информировал советского представителя в ООН Н.Т. Федоренко о том, что Румыния не связывает теперь достижение договоренности о нераспространении ядерного оружия непосредственно со всеобщим и полным разоружением и другими конкретными мерами в области разоружения, а считает лишь, что соглашение о нераспространении должно быть одним из шагов на пути к разоружению. В общей сложности румынской стороной было выдвинуто в эти годы пять основных требований к договору. Он должен был бы: 1) представлять собой составную часть системы мер, направленных на устранение ядерного оружия; 2) предоставлять гарантии для безопасности всех государств, больших и малых, ядерных и неядерных; 3) не ограничивать использование ядерной энергии всеми государствами для мирных целей, а, наоборот, обеспечивать всем государствам неограниченные права и возможности проводить на основе равноправия и без какой-либо дискриминации исследования в этой области, при этом использовать достижения ядерной науки в целях их мирного развития; 4) установить четкую

¹³Послание А.Н. Косыгина участникам Комитета 18-ти государств по разоружению от 1 февраля 1966 г. см. [33].

и справедливую систему контроля, основанную на принципе равенства государств, обязательную в одинаковой мере для всех стран и не открывающую лазеек для вмешательства во внутренние дела других государств; 5) все положения договора, в том числе те, которые касаются способов выхода из него, не должны никоим образом нарушать независимость и суверенитет государств, принцип их полного равенства и невмешательства во внутренние дела государств [12. Д. 30. Л. 30–31].

Требование обеспечения неограниченных прав на мирное использование ядерной энергии советская сторона увязывала с наличием у Румынии планов по созданию собственной атомной программы, предполагавшей в качестве первого шага строительство АЭС. Этот вывод имел под собой основания. Еще в апреле 1963 г. Г. Гастон-Марин, председатель румынской Государственной комиссии по планированию и одновременно глава Государственного комитета по ядерной энергетике, в беседе с председателем Госплана СССР П.Ф. Ломако заявил, что имеет официальное поручение от руководства своей страны поставить перед советской стороной вопрос о строительстве атомных электростанций в РНР и обсудить перспективы технического содействия и возможности обеспечения страны ядерным топливом [34. Л. 23]. Советская сторона ответила, что АЭС сможет быть введена в строй не ранее 1970 г. Румыны же хотели построить электростанцию как можно быстрее. Поэтому с аналогичной просьбой на рубеже 1963–1964 годов Бухарест обращался и к американскому правительству. Первые успехи, достигнутые Г. Гастоном-Марином на переговорах с США летом 1964 г., развития в последующие годы не получили [35. Р. 152–156]. Строительство первой и на данный момент единственной АЭС (Чернаводэ) в Румынии началось в 1980 г. по канадскому проекту. Ее первый энергоблок был введен в строй только в 1996 г.

В середине 1960-х годов наибольшие противоречия по соглашению о нераспространении ядерного оружия продолжали сохраняться между СССР и США, так как последние, хотя и поддерживали идею подписания договора, но только с условием создания МЯС и допуска ФРГ к ядерному оружию. Великобритания и Франция, руководствуясь собственными интересами, также не поддержали создание МЯС и выдвинули свои альтернативные планы формирования Атлантических ядерных сил и Европейских ядерных сил соответственно. США были вынуждены пойти на уступки. В мае 1966 г. Сенат США принял предложенную сенатором Дж. Пасторе резолюцию в пользу скорейшего заключения ДНЯО, которая фактически противостояла плану создания МЯС. Президент США Л. Джонсон поддержал эту резолюцию [6. С. 209–225.]. В дальнейшем переговоры сосредоточились на вопросе о контроле, который воспрепятствовал бы возможности создания ядерного оружия. В этой фазе ФРГ, поддерживаемая США, стремилась завести переговоры в тупик. По инициативе СССР на XXI сессии ГА ООН было принято решение, согласно которому в интересах скорейшего завершения переговоров о нераспространении ни одно из государств не могло предпринимать какие-либо шаги, затруднявшие решение этой задачи. Тем самым удалось сплотить усилия государств против тактики ФРГ [12. Д. 30. Л. 14–15; 36]. На XXI

сессии ГА ООН в 1966 г. СССР представил проект конвенции о запрещении применения ядерного оружия, который был передан на рассмотрение стран-членам ООН и Комитета 18-ти по разоружению для выработки окончательного текста договора. По решению ГА переговоры в Комитете 18-ти должны были завершиться 15 марта 1968 г. [37]. Проект соглашения учел и предложения румынской стороны о мирном использовании атомной энергии, обязательствах государств вести переговоры о мерах по полному прекращению гонки вооружений и разоружению, о порядке принятия поправок к договору после его вступления в законную силу. США, Великобритания и СССР готовы были подписать новый советский проект договора. Китай отказался, Франция заняла выжидательную позицию, но его заключению не препятствовала. ФРГ выступала теперь не против договора в целом, а лишь с критикой отдельных положений проекта.

На завершающей стадии переговоров не снимала отдельных претензий к договору и Румыния. На совещании ПКК в Софии 6–7 марта 1968 г., т.е. за несколько дней до завершения переговоров в Комитете 18-ти, Н. Чаушеску продолжал настаивать на внесении дополнений в новый проект ДНЯО от 18 января 1968 г. Он отказался лично принимать участие в работе совещания ПКК, на котором планировалось обсудить проект заявления ОВД по вопросу о ядерном нераспространении. Председателю делегации СССР в Объединенном секретариате Совещания был передан текст выступления Н. Чаушеску, в котором, в частности, говорилось о необходимости продолжить работу над совершенствованием положений договора по следующим вопросам: гарантии для неядерных государств, обязательство ядерных держав предпринять шаги по разоружению, вопросы о мирной энергии, об установлении международного контроля и ревизии выполнения принятых решений каждые пять лет [12. Д. 30. Л. 33–37, 42]. Это вызвало дискуссию. Лидеры СССР, Польши, Чехословакии, ГДР, Венгрии и Болгарии решали, как опубликовать заявление: от имени делегаций шести государств или от ОВД в целом. В. Гомулка заявил, что «заявление вне ОВД означало бы раскол, формально раскола нет, хотя фактически позиция румын означает раскол» [12. Д. 30. Л. 1].

В первый день совещания состоялась беседа Л.И. Брежнева и А.Н. Косыгина с Н. Чаушеску и И. Г. Маурером, во время которой советские лидеры заявили, что внесение новых предложений может привести к срыву намечающегося подписания договора. И.Г. Маурер настаивал на том, что поправки могут принести результат и не затянут по вине румынской стороны завершение переговоров в Комитете 18-ти. В случае же отказа Комитета 18-ти принять новые предложения Румыния готова была снять их и не препятствовать подписанию договора [12. Д. 33. Л. 1–13]. Итогом совещания стала публикация заявления об одобрении проекта договора от 18 января 1968 г. и завершении переговоров в Комитете 18-ти только от лица шести государств без отсылки к ОВД и без упоминания позиции Румынии [12. Д. 34. Л. 1–3].

Новые поправки, в которых была заинтересована и Румыния, лишь частично вошли в проект договора от 11 марта 1968 г., составленный США и СССР. В ст. III вошли конкретные положения о гарантиях безопасности для неядерных государств, а в ст. VIII — обязательство

каждые пять лет на конференциях участников соглашения подводить итоги выполнения договора. Однако в документ не были включены положения, обязывавшие ядерные государства предпринимать конкретные меры по атомному разоружению, а также обязательства не применять ядерное оружие против государств, им не располагающих. Лишь в качестве отдельного приложения в договор были включены специальная резолюция Совета Безопасности ООН № 255 от 19 июня 1968 г. и согласованные идентичные заявления США, СССР и Великобритании о гарантиях безопасности неядерных государств. В заявлениях стран говорилось: «В случае агрессии с применением ядерного оружия или угрозы такой агрессии возникла бы качественно новая обстановка, в которой обладающие ядерным оружием государства, являющиеся постоянными членами Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, должны были бы немедленно действовать через Совет Безопасности с тем, чтобы предпринять меры, необходимые для отражения такой агрессии или устранения агрессии в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций» [38]. Таким образом, и договор, и заявления правительств США, Великобритании и СССР являлись лишь частичными мерами в области разоружения, которые привели к ослаблению угрозы ядерной войны, но не гарантировали полную безопасность государств.

Проект соглашения, представленного совещанием Комитета 18-ти государств по разоружению от 14 марта 1968 г., был одобрен 12 июня на XXII сессии ГА ООН [39]. 1 июля 1968 г. договор был открыт для подписания в Лондоне, Вашингтоне и Москве. Наряду с 58 другими государствами, к нему присоединилась и Румыния, ратифицировав договор 30 января 1970 г. Однако, являясь потенциальным объектом-жертвой ядерной угрозы, она не могла испытывать удовлетворения из-за отсутствия международно-правового документа, гарантирующего безопасность неядерных государств.

Позиция Бухареста по вопросу ядерного нераспространения и международной безопасности является характерным примером реализации румынским руководством собственных представлений о содержании национально-государственных интересов и проведении в соответствии с ними курса на укрепление независимой позиции на международной арене. На фоне кризисных явлений в «социалистическом лагере», особенно очевидных на фоне событий 1968 г. вокруг Чехословакии, Румынии удалось выйти из-под контроля Москвы и добиться возможности принимать самостоятельные решения. В условиях разделения мира на противоборствующие военно-политические блоки румынское руководство, решая задачу предотвращения потенциальной угрозы для страны в случае атомного конфликта, стремилось укрепить позиции Румынии на Балканах и расширить контакты с капиталистическим миром, опираясь на идею европейского сотрудничества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Учреждение Комиссии для рассмотрения проблем, возникших в связи с открытием атомной энергии // Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. Резолюции 1-й сессии (1946 год). URL: <http://www.un.org/ru/ga/1/docs/1res.shtml> (дата обращения: 11 02 2018 г.)
2. *Алпровиц Г.* Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам. М., 1968.
3. *Батюк В.И.* План Баруха и СССР // Холодная война. Новые подходы, новые документы. М., 1995.
4. *Егорова Н.И.* Европейская безопасность, 1954–1955 гг.: поиски новых подходов // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003.
5. *Поттер У.* Американско-российское сотрудничество в области нераспространения ядерного оружия // Дипломатический ежегодник. М., 1995.
6. *Тимербаев Р.М.* Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968. М., 1999.
7. *Улуния Ар.А.* Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. – 1980 г.). М., 2013.
8. Ядерное нераспространение: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2002. Т. 1–2.
9. *Ecobescu N.* Contribuția României la negocierea Tratatului de neproliferare a armelor nucleare // Pagini din diplomația României. Iași, 2009. Vol. I. P. 404–443.
10. România: Supraviețuire și afirmare prin diplomație on anii Războiului Rece. București, 2016. V. 8: România și negocierea Tratatului de neproliferare a armelor nucleare.
11. Arhivele Naționale Istorice Centrale (далее – ANIC). Fond CC al PCR. Relații Externe. Dosar 96/1956.
12. Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 10. Оп. 3. Д. 1–2, 14, 15, 30, 33–34.
13. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2004. Т. 1. С. 304.
14. Romania: retragerea trupelor sovietice: 1958. București, 1996.
15. *Fischer D.* History of the International Atomic Energy Agency: the first forty years. Vienna, 1997.
16. *Дурденевский В.Н.* Правовые аспекты предложения ПНР о создании безатомной зоны в Европе (план Рапацкого) // Советский ежегодник международного права 1959. М., 1960.
17. *Moraru C.* Politica externă a României 1958–1964. București, 2006.
18. ANIC. Fond CC al PCR. Relații Externe. Dosar 46/1957. F. 1–3; Dosar 74/1957.
19. ANIC. Fond Tratatul de la Varșovia. Ministerul Afacerilor Externe (anii extremi: 1954–1991, 1993). Dosar 9/1962.
20. ANIC. Fond CC al PCR. Relații Externe. Dosar 46/1960.
21. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 305.
22. 1380 (XIV) Предупреждение более широкого распространения ядерного оружия // Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. Резолюции 14-й сессии (1959 год). URL: <http://www.un.org/ru/ga/14/docs/14res.shtml> (дата обращения: 11.02.2018 г.).
23. РГАНИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3.
24. ANIC. Secția Relații Externe. Dosar 37/1960.
25. 1911 (XVIII) Объявление Латинской Америки безъядерной зоной // Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. Резолюции 18-й сессии (1963 год). URL: <http://www.un.org/ru/ga/18/docs/18res.shtml> (дата обращения: 11 02 2018 г.)
26. Sconteia, 8 august 1963.
27. Declarație cu privire la poziția Partidului Muncitoresc Român în problemele mișcării comuniste și muncitorești internaționale adoptată de Plenara lărgită a C.C. al P.M.R. din aprilie 1964. București, 1964.

28. *Гладышева А.С.* Румыния в Организации Варшавского договора: от внутриблоковой солидарности к усилению центробежных начал в оборонной политике (1955–1965) // Славянский альманах. 2014. М., 2014.
29. ANIC. Fond Tratatul de la Varşovia. Ministerul Afacerilor Externe (anii extremi: 1954–1991, 1993). Dosar 15/1964.
30. ANIC. Fond Tratatul de la Varşovia. Ministerul Afacerilor Externe (anii extremi: 1954–1991, 1993). Dosar 14/1964.
31. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 241.
32. 2129 (XX) Мероприятия на региональном уровне с целью улучшения добрососедских отношений между европейскими государствами, имеющими различные социальные и политические системы // Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. Резолюции 20-й сессии (1965 год). URL: <http://www.un.org/ru/da/20/docs/20res.shtml> (дата обращения: 11 02 2018 г.)
33. Правда. 1966. 3 II.
34. Российский государственный архив экономики. Ф. 4372. Оп. 65. Д. 412.
35. *Gaston Marin G.* În serviciul României lui Gheorghiu-Dej. Însemnări din viaşă. Bucureşti, 2000.
36. 2149 (XXI) Об отказе государств от действий, затрудняющих достижения договоренности о нераспространении ядерного оружия // Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. Резолюции 21-й сессии (1966 год). URL: <http://www.un.org/ru/ga/21/docs/21res.shtml> (дата обращения: 11 02 2018 г.)
37. 2153 (XXI) Нераспространение ядерного оружия; 2162 (XXI) Вопрос о всеобщем и полном разоружении // Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. Резолюции 21-й сессии (1966 год). URL: <http://www.un.org/ru/ga/21/docs/21res.shtml> (дата обращения: 11 02 2018 г.)
38. *Алексеев А.* Договор о нераспространении и безопасность государств // Международная жизнь. М., 1969. № 1.
39. 2373 (XXII) Договор о нераспространении ядерного оружия // Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. Резолюции 22-й сессии (1967–1968 годы). URL: <http://www.un.org/ru/ga/22/docs/22res.shtml> (дата обращения: 11 02 2018 г.)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 2010 ГОДА В ГРЕЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© 2018 г. А.К. Александрова

*Канд. ист. наук, научный сотрудник
Института славяноведения РАН
E-mail: anna.k.aleksandrova@gmail.com*

В статье предпринята попытка систематизировать научные работы, посвященные финансово-экономическому кризису 2010 г. в Греции. Обозначены основные вопросы, разрабатываемые российскими исследователями, дана краткая характеристика зарубежных работ, в которых рассматриваются предпосылки и причины кризиса, оценивается эффективность разработанной программы помощи Греции и целесообразность ее продолжения, обсуждается возможность банкротства и выхода Греции из еврозоны как способа решения финансово-экономических проблем страны.

The author classifies the existing research literature on the Greek financial and economic crisis of 2010. Russian researchers, as the author notes, started showing certain interest in the events of the financial crisis from its very outset, in February-March, 2010. The article also explores the works by foreign scholars, which analyse the causes of the crisis, evaluate the efficiency of the financial assistance program and discuss the possibility of bankruptcy and withdrawal from the monetary union as a viable option for solving Greek economic problems.

Ключевые слова: историография, Греция, финансово-экономический кризис, Меморандум 2010 г., Г. Папандреу, Г. Алогоскуфис, Я. Варуфакис.

Keywords: historiography, Greece, financial and economic crisis, 2010 Memorandum, George Papandreou, George Alogoskoufis, Yanis Varoufakis.

DOI: 10.31857/S0869544X0000852-0

Кризис в Греции 2010 г. привлекает внимание исследователей в самых различных областях науки — от историков, экономистов, социологов и политологов до культурологов, этнологов и филологов. Количество работ, написанных на эту тему, исчисляется сотнями, если не тысячами. В связи с тем, что финансово-экономические проблемы страны начались по историческим меркам совсем недавно (и продолжаются до сих пор), порой трудно отличить историографию кризиса в Греции от источников по этой теме. Это касается в первую очередь научных публикаций, авторами которых являются лица, непосредственно влиявшие и влияющие на принятие решений относительно дальнейших путей выхода из кризиса. В данной

статье предпринята попытка систематизировать научные работы, посвященные современному кризису в Греции, а также дать их краткую характеристику.

В российской историографии разработка вопросов, касающихся финансово-экономического кризиса в Греции, началась сразу же после его начала – уже в феврале-марте 2010 г. Первые статьи по этой теме появились, когда кризис в Греции только начался, и в них освещена только часть связанных с ним событий. Так, в статье П.С. Соколовой «Основные направления внешней политики Греции» [1], посвященной изучению отношений между Грецией и Евросоюзом в период с 1978 (даты решения ЕЭС о принятии в него Греции) до середины 2010 г., затронута проблема начавшегося финансово-экономического кризиса в стране и описаны действия ЕС в сложившейся ситуации. В первой части статьи А.Г. Рытова «Греция в условиях финансового кризиса. Российско-греческие отношения» [2] описаны усилия правительства Г. Папандреу, направленные на вывод страны из сложившейся в конце 2009 – начале 2010 г. ситуации. Также необходимо обратить внимание на статью О.Е. Петруниной «Социалисты Греции: неудобства власти в разгар кризиса» [3]. В работе дано краткое описание истории партии ПАСОК с момента ее основания в 1974 г., а основное внимание уделено событиям после последнего прихода этой партии во главе с Г. Папандреу к власти 6 октября 2009 г. Как и в статье А.Г. Рытова, временные рамки в работе О.Е. Петруниной ограничены началом февраля 2010 г. В статье Ю.Д. Квашнина «Сто дней Георгиоса Папандреу: смена экономического курса в Греции» [4] выявлены основные особенности финансово-экономического кризиса в Греции на начальном его этапе, а также рассмотрена проводимая пришедшим к власти правительством ПАСОК антикризисная политика в сравнении с предвыборной программой партии. Данные работы затрагивают нерешенные проблемы и касаются незавершенных событий. Наличие подобного рода исследований, ожидающих продолжения, говорит о формировании повышенного интереса к теме греческого кризиса уже на этапе его зарождения.

После того, как в мае 2010 г. кризис в Греции был временно купирован, появилась новая волна работ на эту тему. Если авторы статей, написанных в первой половине 2010 г., могли лишь прогнозировать – верно или ошибочно – дальнейшие события, то после подписания в мае 2010 г. Меморандума о взаимопонимании между греческим правительством и «тройкой» кредиторов (Еврокомиссией, Европейским центральным банком и Международным валютным фондом) стало возможным сделать определенные выводы из произошедшего. И теперь исследователи говорили в первую очередь не о кризисе в Греции, а о кризисе в еврозоне, поскольку греческие проблемы коснулись всего валютного союза.

В статье О.В. Буториной «Афинский краш-тест: еврозона на виражах кризиса» [5] кратко описано развитие греческого кризиса до мая 2010 г., а также прокомментированы такие связанные с ним проблемы, как возможность исключения Греции из еврозоны и распада валютного союза, опасность нарастания государственного долга, недостатки Пакта стабильности и роста, идея создания Европейского валютного фонда и др. В целом автор

дает положительную оценку действиям Евросоюза, направленным на урегулирование кризиса в Греции.

«Внутренним» аспектам кризиса в Греции также уделяется внимание в российской историографии. Среди исследователей политического и социально-экономического развития Греции в условиях кризиса следует в первую очередь назвать Ю.Д. Квашнина, рассматривающего наиболее острые проблемы современной греческой действительности [6–9]. Вопросы политического развития Греции в период финансово-экономического кризиса подняты в работах В.Я. Швейцера [10–11], А.С. Лубоцкой [12–13] и многих других российских историков и политологов.

Греческая национальная идея во взаимосвязи с особенностями внутривнутриполитического и экономического развития страны рассмотрена в статьях О.Е. Петруниной «Греческая национальная идея как инструмент антикризисной политики: опыт ретроспективного анализа» [14] и «Национальная идея и правый радикализм в Греции в XX – начале XXI вв.» [15]. Важно, что в данных работах проблемы и ключевые события современного кризиса в Греции вписаны автором в контекст предшествующей истории Греции.

Тему российско-греческих отношений в период кризиса рассматривают Ю.Д. Квашнин в статьях «Российско-греческие экономические связи: взаимные интересы, упущенные возможности» [16] и «Греческие СМИ и научно-экспертное сообщество о взаимоотношениях России и Греции» [17]; Т.В. Никитина в статье «Российско-греческие отношения в исторической перспективе» [18]; директор Греческого культурного центра Т. Янници в статье «Эллинизм и филэллизм в России: прошлое, настоящее и будущее» [19] и др.

Один из наиболее часто поднимаемых в российской и зарубежной историографии греческого кризиса вопросов касается его предпосылок и причин.

Поворотным моментом в истории Греции считается ее вступление в еврозону, однако оценки этого события диаметрально разнятся. Так, С. Верни в 1997 г. восторженно писал о новом – более высоком – этапе развития Греции после ее присоединения к европейскому экономическому и валютному союзу [20]. Политический деятель, министр образования и по делам религии в Греции в конце 1980-х годов А. Какламанис в статье «Греция: современный подход к прогрессу» [21] отметил быстрый экономический рост страны после 2001 г. На момент публикации статьи сформулированные выводы соответствовали действительности, однако автором не были учтены «подводные камни» членства Греции в валютном союзе.

Более реалистично описал в 2000 и 2001 г. плюсы и минусы вступления страны в еврозону В. Веттер [22–23]. С одной стороны, он положительно оценил усилия Греции по проведению реформ и сокращению размера госдолга и бюджетного дефицита до уровня, установленного критериями конвергенции, – и как показала практика, такая оценка была ошибочной. С другой стороны, С. Веттер оправданно указал на необходимость дальнейших преобразований в стране, напомнил, что Греция по-прежнему остается получателем средств из структурных фондов ЕС. Еще более критическую позицию заняли Б. Херц и А. Котиос в статье «Возвращение в Европу: Греция и евро» [24], поставив в ней такие вопросы, как возможность для Гре-

ции из года в год соответствовать критериям конвергенции и успешно проводить необходимые реформы внутри страны, а также сомнительность преимуществ вступления в валютный союз как для самой Греции, так и для остальных членов еврозоны. Таким образом, даже в первые — экономически благополучные — годы членства Греции в еврозоне некоторыми исследователями трезво оценивались риски участия страны в европейском валютном союзе.

Различным образом представляются в историографии и причины финансово-экономического кризиса 2010 г. в Греции. Большинство исследователей признают, что кризис был вызван комбинацией ряда факторов: внутренними проблемами греческой экономики; внешними условиями, связанными с членством страны в еврозоне; а также последствиями мирового финансово-экономического кризиса 2008 г. Тем не менее, значимость тех или иных факторов оценивается различными исследователями по-разному.

В монографии П. Петракиса «Греческая экономика и кризис: вызовы и ответы» [25] подробно рассматривается докризисное развитие греческой экономики. Автор остановился на разборе причин и последствий — как позитивных, так и негативных — стремительного роста греческой экономики в первое десятилетие XXI в.; исследовал структуру национальных экономических и политических институтов Греции. Отдельная глава монографии посвящена культурным ценностям, стереотипам и особенностям исторического развития Греции, формирующим менталитет ее граждан. Несмотря на то, что в данной работе внимание автора сосредоточено в основном на внутренних причинах кризиса в Греции, он учитывает и влияние внешних факторов на формирование текущего финансово-экономического и социально-политического положения страны.

Большое значение в историографии греческого кризиса играют работы Т. Пелагидис и ее соавторов — Е. Дезли и М. Митзопулоса [26–28]. В монографии «Понимание кризиса в Греции: от бума к краху» описываются основные — как внутренние, так и внешние — проблемы греческой экономики, приведшие страну к кризису. Представлена структура существовавшей в Греции до кризиса политической системы и показаны ее недостатки (в том числе — коррупция), являвшиеся причинами невозможности проведения в стране необходимых реформ и повышения ее конкурентоспособности. Авторы пришли к выводу, что к фактическому банкротству Грецию привели сочетание быстрого экономического роста и слабых государственных институтов в предкризисное десятилетие.

Греческие исследователи В.К. Фускас и К. Димулас в статье «Греческая мастерская долгов и провал Европейского проекта» [29] возложили ответственность за сложившуюся в Греции ситуацию на партии ПАСОК и Новая демократия, поочередно правившие в стране в предшествующие кризису десятилетия, а также на европейскую элиту, стремившуюся исключительно к собственной — и зачастую краткосрочной — выгоде.

Ряд авторов видит причины разрастания кризиса в Греции не в особенностях функционирования еврозоны, а в политике Германии. Г. Шнабль и Х. Цеманек в статье «Интертемпоральные накопления, тенденции счетов текущих операций и асимметричные шоки в гетерогенном Европейском валютном союзе» [30] доказывают, что именно Германия допустила

в странах валютного союза рост дисбалансов по счету текущих операций, что и привело к долговым кризисам начала 2010-х годов. Этот же фактор упоминут Дж. Милиос и Д.П. Сотиропулос в статье «Кризис в Греции или кризис евро? Взгляд с “периферии” Европы» [31], отмечая при этом все же, что виновата в кризисе не Греция или Германия, а совокупность разнородных проблем.

А. Котиос, Г. Павлидис и Г. Галанос в статье «Греция и евро: хроника ожидаемого коллапса» [32] объясняют, что греческий кризис был обусловлен, в частности, тем, что страна перестала соответствовать критериям конвергенции. А это, в свою очередь, произошло вследствие слабости системы контроля в валютном союзе, а также отсутствия антикризисных механизмов раннего предупреждения и быстрого реагирования. Также в монографии М. Лорка-Сузино «Евро в XXI веке: экономический кризис и финансовые возмущения» [33] в качестве основных причин кризиса представлены внешние факторы, и в первую очередь – членство Греции в еврозоне. Автор сделал акцент на недостатках Пакта стабильности и роста: во-первых, его условия не следовало смягчать, а во-вторых, требовалось их неукоснительное соблюдение всеми странами валютного союза.

М.Г. Аргиру и Дж.Д. Тзукалас в рабочем докладе «Греческий долговой кризис: вероятные причины, механизмы и последствия» [34] писали, что кризис стал результатом непрерывного ухудшения основных макроэкономических показателей Греции после вступления страны в еврозону в сочетании с серьезным подрывом ожиданий финансовых рынков осенью 2009 и в феврале-марте 2010 г. К сходным выводам пришли П.-О. Гурихас, Т. Филиппон, Д. Ваянос в работе «Аналитика греческого кризиса» [35]: они также считают, что кризис был неизбежен в условиях растущих финансовых и экономических дисбалансов в стране. Кроме того, ключевую роль сыграли действия пришедшего в октябре 2009 г. к власти правительства Г. Папандреу.

М. Купис в работе «Кризис в греческой экономике и его последствия для страны» [36], отмечая взаимосвязь экономических трудностей Греции с различными внутренними и внешними факторами, говорит, что все же главная причина кризиса – это мировой финансово-экономический кризис, потребовавший серьезных изменений внутри многих национальных экономик.

Характерные особенности марксистской интерпретации причин кризиса в Греции иллюстрирует работа С.Д. Маврудиса «Греция и ЕС: капиталистический кризис и империалистическое соперничество» [37]. Автор выделил две основные предпосылки кризиса: 1) влияние мирового финансово-экономического кризиса, являющегося кризисом перенакопления капитала, и 2) структурные проблемы греческой экономики, основная часть которых связана с членством Греции в европейском империалистическом блоке. С.Д. Маврудис признает, что членство в Евросоюзе приносит стране определенные выгоды, но в долгосрочной перспективе не сулит стране никаких существенных преимуществ.

Еще один ключевой вопрос, обсуждаемый в историографии греческого кризиса – это оценка эффективности разработанной программы помощи Греции и целесообразность ее продолжения.

По мнению ряда современных европейских политиков, в числе которых нельзя не упомянуть канцлера Германии А. Меркель, единственным способом выйти из кризиса и тем самым не допустить «падения» единой европейской валюты является неолиберальная политика строгой бюджетной экономии в проблемных странах еврозоны в сочетании с предоставлением им значительной финансовой помощи (в виде кредитов) в рамках Европейского стабилизационного механизма (ESM).

Важно упомянуть в связи с этим статью подписавшего Меморандум премьер-министра Греции (октябрь 2009 г. — ноябрь 2011 г.) Георгиоса Папандреу в журнале «Mediterranean Quarterly» под названием «Новая глобальная финансовая архитектура: уроки греческого кризиса» [38]. Статья была опубликована после подписания Меморандума, на момент публикации ее автор продолжал занимать должность премьер-министра. В ней рассматриваются причины, масштабы и характер греческого кризиса; сформулированы выводы, которые можно извлечь из него; рассмотрены потенциальные последствия невнимания к возникающим угрозам финансовой стабильности. Автор предупредил, что ни одна национальная экономика не является достаточно малой, чтобы не оказывать значительного влияния на глобальную экономическую стабильность, и предложил конкретные рекомендации для создания новой, прозрачной мировой финансовой архитектуры. В целом в данной статье Г. Папандреу, избегая резких суждений по каким-либо вопросам, подтвердил курс своего правительства на сотрудничество с «тройкой» и выполнение условий Меморандума.

Еще одна яркая фигура в историографии греческого кризиса — профессор Афинского университета экономики и бизнеса, министр финансов Греции с марта 2004 по январь 2009 г. Георгиос Алогоскуфис. Из его исследований, касающихся современных долговых проблем и кризиса в Греции, следует назвать работу «Кризис суверенного долга в Греции: ретроспектива и перспектива» [39]. В ней Г. Алогоскуфис поддержал идею строгой бюджетной экономии, «прописанную» Греции Евросоюзом и МВФ, и призвал стороны, подписавшие Меморандум, к неукоснительному соблюдению его условий.

Примером полного согласия с концепцией строгой бюджетной экономии выступает статья «Предпосылки успешной бюджетной консолидации в Греции» (авторы — Г.А. Хорн, Ф. Линднер, Т. Никой, А. Тругер, Х. Вилл) [40], в которой доказывается, что, несмотря на рецессию и другие проблемы, в случае последовательного проведения политики жесткой бюджетной экономии Греция сможет успешно справиться с кризисом.

Эта идея долгое время поддерживалась также директором брюссельского Центра европейских политических исследований Даниэлем Гросом и главным экономистом Deutsche Bank Томасом Мейером. Они разрабатывали ее в статьях «Проблемы, стоящие перед Европейским валютным союзом» [41], «Сокращение долга без дефолта?» [42], «Ликвидность во времена кризиса: даже Европейский стабилизационный механизм нуждается в ней» [43], «Макроэкономические дисбалансы в еврозоне» [44]. Нужно отметить, что даже эксперты из числа сторонников мер строгой бюджетной экономии признавали наличие рисков в разработанной программе по-

мощи Греции и другим проблемным странам еврозоны, однако они предлагали не кардинально изменить существующий механизм выхода из кризиса, а лишь внести в него некоторые корректировки.

О частичном достижении целей бюджетной консолидации написал Х.-В. Синн в работе «Строгая экономия, рост и инфляция: к вопросу о нерешенных проблемах конкурентоспособности в Еврозоне» [45]. Автор отметил, что предпринятые меры по урегулированию кризиса в еврозоне действительно успокоили финансовые рынки, однако они не решили проблему низкой конкурентоспособности стран Южной Европы и Франции. В качестве решения проблемы Х.В. Синн предложил отказ на текущем этапе (2013 г.) от политики бюджетной экономии.

Взвешенная точка зрения на данную проблему представлена в статье Г. Бистиса «От Караманлиса до Ципраса: долговой кризис в Греции в исторической и политической перспективе» [46]: автор признал неэффективность и даже негативные последствия мер бюджетной консолидации для греческой экономики, но, тем не менее, отметил, что «тройка» кредиторов имела объективные основания для проведения такой политики.

В конце 2015 г. в журнале «Wirtschaftsdienst» была опубликована статья Дж. Бойзена-Хогрефе и У. Штольценбурга «Программы спасения Ирландии, Португалии и Греции и “собственность” – сравнительный анализ» [47], в которой было показано, что в Ирландии и Португалии программы бюджетной консолидации и необходимые структурные реформы были завершены в соответствии с графиком, и страны готовы вернуться на рынки капитала. По-прежнему не удается решить свои финансово-экономические проблемы только Греции. На основании этого авторы сделали вывод, что программу спасения проблемных стран еврозоны нельзя назвать провальной; открытым остается лишь вопрос, почему ее проведение было неуспешным в Греции. Нужно отметить, что данная работа вызвала живую полемику: в одном из последующих номеров вышла ответная статья Э. Нимайера «Программа спасения проблемных стран еврозоны усиливает кризис – ответная статья» [48], название которой говорит само за себя.

Большинство исследователей – в первую очередь греческого происхождения – с самого начала кризиса предупреждали о серьезных недостатках разработанной программы финансовой помощи стране; кроме того, неоднократно высказывалось мнение, что Евросоюз слишком поздно отреагировал на кризис в Греции. Сторонников данной концепции много и с течением времени их количество возрастает – по мере накопления практических доказательств неэффективности политики ЕС, направленной на «спасение» проблемных стран еврозоны. Мнения, что политика жесткой бюджетной экономии лишь усиливает в Греции рецессию и никак не способствует сокращению уровня госдолга и выходу страны из кризиса, придерживается ряд исследователей, среди которых должны быть упомянуты Ф. Арестис и Т. Пелагидис [49], Т. Эксадактилос и Н. Захариадис [50], Н. Апергис и А. Курей [51], Х. Воскеритсян и А. Корнелакис [52], С.Н. Литсас [53] и др.

В книге «Руководство по финансовому кризису: размышления о грядущем» [54], изданной под редакцией Д. Томакоса, П. Монокруссоса и К. Николопулоса, предлагается решение финансово-экономических

трудностей Греции и других проблемных стран еврозоны путем изменений в структуре и функционировании ЕС. Аналогичных взглядов придерживается Д. Корафас в монографии «Кризис суверенного долга: новая нормальность и новые бедные» [55].

Говоря об историографии греческого кризиса, нельзя не упомянуть Яниса Варуфакиса – профессора экономики в Афинском и Техасском университетах, советника (2004–2006) Г. Папандреу (ПАСОК), министра финансов Греции (27 января – 6 июля 2015 г.) в правительстве А. Ципраса (СИРИЗА). Относя себя к «либертарным марксистам», он резко критиковал – как в научных публикациях, так и в публичных выступлениях и СМИ – правительство Г. Папандреу, принявшее условия Меморандума, и требовал пересмотра условий договора с «тройкой» и отказа от мер жесткой бюджетной экономии. Среди его работ, посвященных кризису в Греции, в первую очередь следует назвать статью в «Journal of Modern Greek Studies» под названием «Какое быть греком и экономистом, когда Греция охвачена пламенем! Личный взгляд на трагедию» [56], а также монографию «Европа после Минотавра: Греция и будущее глобальной экономики» [57].

В целом марксистский подход к решению финансово-экономических проблем Греции предполагает отказ Греции от участия в империалистическом по своей природе процессе европейской интеграции и переход страны на социалистический путь развития (см., к примеру, уже упоминавшуюся выше работу С.Д. Маврудиса [37]). Еще один автор, придерживающийся социалистических взглядов, Г. Критидис, в своей статье «Демократия в Греции между смертью и возрождением» [58] называет подписание Меморандума в мае 2010 г. не имеющей прецедентов в новейшей истории капитуляцией [58. Р. 137].

Многие исследователи рассматривали возможность банкротства и выхода Греции из еврозоны как способ решения финансово-экономических проблем страны, и их точки зрения по этому вопросу порой также диаметрально разнятся. О негативных последствиях и, соответственно, нецелесообразности этого решения в первые годы кризиса писали многие авторы (к примеру, З. Дарвас в статье «Греческая долговая ловушка: план спасения» [59], П. Петракис в уже упоминавшейся монографии [25]).

Однако со временем стало очевидно, что разработанная «тройкой» стабилизационная программа не позволяет решить финансово-экономические проблемы Греции, и отношение ученых и политиков к идее выхода Греции из еврозоны изменилось. Ст.Л. Шварц в статье «Проблема госдолга в странах, которые “слишком велики, чтобы обанкротиться”» [60] отметил, что в современных условиях последствия дефолта даже небольшой страны настолько непредсказуемы, что ее проще «спасти», и в связи с этим предложил создать эффективный механизм реструктуризации суверенной задолженности стран, находящихся под угрозой дефолта. Также К. Беренсманн и А. Херцберг в работе «Процедура банкротства в суверенных государствах: жизнеспособный инструмент предотвращения и урегулирования долговых кризисов?» [61] попытались доказать необходимость разработки такого механизма во избежание дополнительных задержек и трудностей в случае дефолта какой-либо страны, что в свою очередь может привести к коллапсу мировой финансовой системы.

Еще более реалистичным сценарий выхода Греции из еврозоны и даже из ЕС стал в связи с референдумом в Великобритании по вопросу Brexit, даже появился аналогичный термин применительно к Греции – Grexit. Обсуждение данного варианта решения финансово-экономических проблем страны продолжается по сей день (его сторонниками являются, к примеру, Д. Мейер [62] и М. Вайсброт [63]).

Подведем итоги. Интерес ученых – как российских, так и зарубежных – к проблемам современного кризиса в Греции не иссякает. Изменяются лишь акценты: как правило, повышенное внимание уделяется наиболее актуальным (в данном случае – последним, самым острым и злободневным) темам социально-экономического и политического развития Греции.

Несмотря на разнообразие существующих подходов, можно выявить ключевые вопросы, затрагиваемые в историографии греческого кризиса. Первый вопрос касается причин кризиса. Большинство исследователей видят их не только в особенностях предшествующего социально-экономического развития Греции, но и во внешнеполитическом и макроэкономическом положении страны в предкризисные годы, обусловленном в первую очередь ее членством в еврозоне, а также во влиянии мирового финансово-экономического кризиса 2008 г. Вторая проблема – это оценка эффективности разработанного механизма помощи Греции. Точки зрения современных политиков и ученых по этому вопросу кардинально разнятся, однако в настоящее время все большее число исследователей начинают придерживаться мнения о нецелесообразности мер строгой бюджетной экономии применительно к Греции, поскольку они усиливают и без того глубокую рецессию в стране и не способствуют выходу из кризиса.

В основной части упомянутых выше работ рассматриваются те или иные проблемы кризиса в Греции с позиции экономиста, историка, политолога – в зависимости от того, кем является автор каждой конкретной работы. Закономерно, что в таких случаях в исследовании затрагиваются исключительно финансово-экономические, или социально-политические, или культурные аспекты кризиса в ущерб его комплексному видению. Еще одна проблема историографии современного кризиса в Греции – субъективность большинства его исследователей. Финансово-экономические проблемы страны не решены до сих пор, и вопрос выбора пути дальнейшего развития Греции касается не только ученых. Поэтому неудивительно, что основная часть греческих авторов стремится оправдать свою страну. А, к примеру, германские исследователи – в силу непростых отношений между странами – чаще остальных пытаются взвалить на греков ответственность на разжигание кризиса в еврозоне. С учетом этих противоречий задача будущих ученых – дать непредвзятую оценку событий, касающихся кризиса в Греции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Соколова П.С.* Основные направления внешней политики Греции // *Мировая экономика и международные отношения.* 2010. № 8.
2. *Рытов А.Г.* Греция в условиях финансового кризиса. Российско-греческие отношения // *Дипломатический ежегодник.* 2009. Сборник статей. М., 2010.

3. *Петрунина О.Е.* Социалисты Греции: неудобства власти в разгар кризиса // Социал-демократия в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции «Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути преодоления», Москва, 19 апреля 2010 г. М., 2010.
4. *Квашин Ю.Д.* Сто дней Георгиоса Папандреу: смена экономического курса в Греции // Международная экономика. 2010. № 6.
5. *Буторина О.В.* Афинский краш-тест: Еврoзона на виражах кризиса // Россия в глобальной политике. 2010. № 2.
6. *Квашин Ю.Д.* Кризис в Греции через призму развития человеческого капитала // Современная Европа. 2016. № 5 (71).
7. *Квашин Ю.Д.* Последствия южнoевропейского долгового кризиса // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 3.
8. *Квашин Ю.Д.* Политический кризис в Греции: новые партии и старые идеи // Вопросы экономики. 2012. № 7.
9. *Квашин Ю.Д.* Кризис в Греции // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 4.
10. *Швейцер В.Я., Таршин А.С.* Европейский союз: критики и апологеты // Современная Европа. 2016. № 1 (67).
11. *Швейцер В.Я.* Европейский союз: от выборов к выборам // Современная Европа. 2016. № 2 (68).
12. *Лубоцкая А.С.* От кризиса 2010 г. – к сегодняшнему дню: новые страницы политической истории Греции // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 2 (35).
13. *Лубоцкая А.С.* Новые источники и новое видение внешнеполитического развития Греции // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 8.
14. *Петрунина О.Е.* Греческая национальная идея как инструмент антикризисной политики: опыт ретроспективного анализа // Современная Греция в мировой экономике и политике. М., 2013.
15. *Петрунина О.Е.* Национальная идея и правый радикализм в Греции в XX – начале XXI вв. // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2015. № 3 (26).
16. *Квашин Ю.Д.* Российско-греческие экономические связи: взаимные интересы, упущенные возможности // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 4.
17. *Квашин Ю.Д.* Греческие СМИ и научно-экспертное сообщество о взаимоотношениях России и Греции // Вызовы для России в меняющемся мире. М., 2015.
18. *Никитина Т.В.* Российско-греческие отношения в исторической перспективе // Современная Греция в мировой экономике и политике. М., 2013.
19. *Янници Т.К.* Эллинизм и филэллизм в России: прошлое, настоящее и будущее // Современная Греция в мировой экономике и политике. М., 2013.
20. *Verney S.* Greece: A New Era // Mediterranean Politics. 1997. Vol. 2. Issue 1.
21. *Kaklamanis A.* Greece: A Modern Approach to Progress // Mediterranean Quarterly. 2003. № 14 (1).
22. *Wetter W.* Griechenland: Reiffür den EWU-Beitritt? // Wirtschaftsdienst. 2000. Jahrgang 80. Heft 5.
23. *Wetter W.* EWU: Griechenlandim Euro-Club // Wirtschaftsdienst. 2001. Jahrgang 81. Heft 1.
24. *Herz B., Kottios A.* Coming Home to Europe: Greece and the Euro // Intereconomics. 2000. Vol. 35. № 4.
25. *Petrakis P.* The Greek Economy and the Crisis: Challenges and Responses. Berlin; Heidelberg, 2012.
26. *Mitsopoulos M., Pelagidis Th.* Understanding the Crisis in Greece: From Boom to Bust. London, 2011.
27. *Desli E., Pelagidis Th.* Greece's Sudden Faltering Economy: From Boom to Bust (With special reference to the debt problem) // Papers in International Political Economy, 2012.
28. *Pelagidis Th.* The Greek Paradox of Falling Competitiveness and Weak Institutions in a High GDP Growth Rate Context (1995–2008) // GreeSE – Hellenic Observatory Papers on Greece and Southeast Europe. 2010. № 38.
29. *Fouskas V.K., Dimoulas C.* The Greek Workshop of Debt and the Failure of the European Project // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2012. Vol. 14. Issue 1.

30. *Schnabl G., Zemanek H.* Inter-temporal Savings, Current Account Trends and Asymmetric Shocks in a Heterogeneous European Monetary Union // *Intereconomics*. 2011. Vol. 46. № 3.
31. *Milios J., Sotiropoulos D.P.* Crisis of Greece or crisis of the euro? A view from the European “periphery” // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2010. Vol. 12. Issue 3.
32. *Kotios A., Pavlidis G., Galanos G.* Greece and the Euro: The Chronicle of an Expected Collapse // *Intereconomics*. 2011. Vol. 46. № 5.
33. *Lorca-Susino M.* The Euro in the 21st Century: Economic Crisis and Financial Up roar. Farnham; Burlington, 2010.
34. *Arghyrou M.G., Tsoukalas J.D.* The Greek debt crisis: likely causes, mechanics and outcomes / CESifo Working Paper № 3266. November 2010.
35. *Gourinchas P.-O., Philippon Th., Vayanos D.* The Analytics of the Greek Crisis // *GreeSE – Hellenic Observatory Papers on Greece and Southeast Europe*. 2016. № 100.
36. *Choupi M.* The Crisis in the Greek Economy and Its National Implications // *Mediterranean Quarterly*. 2011. № 22 (2).
37. *Mavroudeas S.D.* Greece and the EU: Capitalist crisis and imperialist rivalries / *MPRA Paper* № 25080. 10. September 2010.
38. *Papandreou G.A.* A New Global Financial Architecture: Lessons from the Greek Crisis // *Mediterranean Quarterly*. 2010. № 21 (4).
39. *Alogoskoufis G.* Greece’s Sovereign Debt Crisis: Retrospect and Prospect // *GreeSE – Hellenic Observatory Papers on Greece and Southeast Europe*. 2012. № 54.
40. *Horn G.A., Lindner F., Niechoj T., Truger A., Will H.* Voraussetzung eneiner erfolgreichen Konsolidierung Griechenlands / *IMK (Institut für Makroökonomie und Konjunkturforschung)*. Report № 66. Oktober 2011.
41. *Gros D., Mayer Th., and others.* Challenges Facing European Monetary Union // *Intereconomics*. 2010. Vol. 45. № 2.
42. *Mayer Th., Gros D.* Debt reduction with out default? / *CEPS Policy Brief* № 233. February 2011.
43. *Gros D., Mayer Th.* Liquidity in times of crisis: Even the ESM needs it // *CEPS Policy Briefs* № 265. March 2012.
44. *Mayer Th., Möbert J., Weistroffer Ch.* Macroeconomic Imbalances in EMU and the Eurosystem // *CESifo Forum* 2012. Vol. 13 (Special Issue).
45. *Sinn H.-W.* Austerity, Growth and Inflation: Remarks on the Eurozone’s Unresolved Competitiveness Problem // *CESifo Working Paper* № 4086. January 2013.
46. *Bistis G.* From Karamanlis to Tsipras: The Greek Debt Crisis through Historical and Political Perspectives // *Mediterranean Quarterly*. 2016. Vol. 27. № 1.
47. *Boysen-Hogrefe J., Stolzenburg U.* Rettungsprogramme und «Ownership» – Irland, Portugal und Griechenland im Vergleich // *Wirtschaftsdienst*. 2015. Jahrgang 95. Heft 8.
48. *Niemeier E.* “Rettungs programme” für Krisenländer verschärften die Krise – eine Replik // *Wirtschaftsdienst*. 2016. Jahrgang 96. Heft 1.
49. *Arestis Ph., Pelagidis Th.* Absurd austerity policies in Europe // *Challenge*. 2010. Vol. 53. № 6.
50. *Exadaktylos Th., Zahariadis N.* Policy Implementation and Political Trust: Greece in the age of austerity // *GreeSE – Hellenic Observatory Papers on Greece and Southeast Europe*. 2012. № 65.
51. *Apergis N., Cooray A.* New Evidence on the Remedies of the Greek Sovereign Debt Problem // *GreeSE – Hellenic Observatory Papers on Greece and Southeast Europe*. 2013. № 79.
52. *Voskeritsian H., Kornelakis A.* Institutional Change in Greek Industrial Relations in an Era of Fiscal Crisis // *GreeSE – Hellenic Observatory Papers on Greece and Southeast Europe*. 2011. № 52.
53. *Litsas S.N.* The Greek Failing State and Its «Smart Power» Prospects: A Theoretical Approach // *Mediterranean Quarterly*. 2014. № 25 (3).
54. *A Financial Crisis Manual: Reflections on the Road Ahead.* Hampshire, 2015.
55. *Chorafas D.* Sovereign Debt Crisis: The New Normal and the Newly Poor. Hampshire, 2011.
56. *Varoufakis Y.* Being Greek and an Economist while Greece is Burning! An intimate account of a peculiar tragedy // *Journal of Modern Greek Studies*. 2014. Vol. 32. № 1.

57. *Varoufakis Y.* Europe after the Minotaur: Greece and the Future of the Global Economy. London; New York, 2015.
58. *Kritidis G.* Die Demokratie in Griechenland zwischen Ende und Wiedergeburt // Sozial. Geschichte Online. 2011. Heft 6.
59. *Darvas Z.* The Greek Debt Trap: An Escape Plan // Bruegel Policy Contribution. Issue 2012/19. November 2012.
60. *Schwarcz St.L.* Facing the Debt Challenge of Countries That Are “Too Big To Fail” // Sovereign Debt: From Safety to Default. New York, 2011.
61. *Berensmann K., Herzberg A.* An Insolvency Procedure for Sovereign States: A Viable Instrument for Preventing and Resolving Debt Crises? // Sovereign Debt: From Safety to Default / Ed.: R.W. Kolb. New York, 2011.
62. *Meyer D.* Griechenlands Austritt aus der Europäischen Währungsunion – ein Ablaufszenario // Wirtschaftsdienst. 2015. Jahrgang 95. Heft 5.
63. *Weisbrot M.* Despite Pressure from Washington, Greek Bailout Increases Grexit Odds // Intereconomics. 2015. Vol. 50. № 4.

ЧЕРНОГОРСКИЕ ГОВОРЫ В «ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АТЛАСЕ» (ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

© 2018 г. Е.И. Якушкина

Канд. филол. наук, доцент МГУ

E-mail: jkatia@yandex.ru

В статье на лексическом материале, заимствованном из Общеславянского лингвистического атласа, описываются ареальные связи говоров Черногории, а также черногорские лексические архаизмы и инновации. Рассматривается лексика, объединяющая говоры Черногории с прочими сербскими говорами, с говорами Хорватского приморья, с македонскими и болгарскими говорами. Описывается членение черногорского ареала на базе лексики.

Using the lexical material presented in the «Slavic Linguistic Atlas», the paper describes areal relations of dialects in Montenegro, as well as Montenegrin lexical archaisms and innovations. The author analyses the words, which connect the dialects of Montenegro with other Serbian and Croatian dialects, with Macedonian and Bulgarian dialects. The structure of the Montenegrin areal is also described based on the vocabulary.

Ключевые слова: Общеславянский лингвистический атлас, сербский язык, Черногория, лексика, диалект, ареалогия, лингвистическая география.

Keywords: «Slavic Linguistic Atlas», Serbian language, Montenegro, lexis, dialect, area studies, linguistic geography.

DOI: 10.31857/S0869544X0000853-1

В последние пятнадцать лет издано несколько монографий, в которых дается интерпретация данных, собранных для «Общеславянского лингвистического атласа» (далее ОЛА) и опубликованных в его выпусках. Эти работы основаны, в основном, на лексическом материале и посвящены двум темам: анализу тематических и генетических групп лексики [1–4] и типологии славянских ареалов [5; 6]. В настоящей работе также исследуется ареалогическая проблематика на базе лексических материалов ОЛА [7–12] с основной целью — дать характеристику черногорской диалектной зоны, т.е. выделить ее лексические характеристики как части более крупных диалектных комплексов, как самостоятельного целого и как общности противопоставленных микрозон (ср. [5. С. 22]). Сходные задачи в отношении украинских и болгарских диалектов решаются в работах, опубликованных в последнем выпуске Материалов атласа [13; 14].

В славянской лингвогеографии говоры Черногории обычно относят к двум основным ареалам. Первый — латеральный пояс, охватывающий словенские, чакавские, македонские и восточные болгарские говоры [15. С. 123]. С одной стороны, он противопоставлен центральным штокавским говорам, а с другой — соотносится с западно- и восточнославянскими языками (изоглоссы *киша* и *дажд*, *зној* и *пот*). Второй — центральный балканский, включающий македонские, юго-восточные сербские, западноболгарские, западно- и северносербские говоры (изоглоссы терминов *додале* «обряд вызывания дождя» и *повојница* «праздник по случаю рождения ребенка» [16. С. 294]). Двойственность присутствует и в делении говоров внутри Черногории: зетско-сьеницкие говоры представляют собой периферийный ареал, в котором архаичные черты соединяются с инновациями, возникшими под влиянием других языков [17. С. 45], а черногорский новоштокавский ареал тяготеет к центральному штокавскому и имеет свои инновации. При этом черногорские говоры не образуют единый самостоятельный ареал с четкими границами. Как отмечал Митар Пешикан, говоры Черногории не «представляют собой единого целого, которое бы могло быть противопоставлено соседним говорам», так диалектные явления, охватывающую всю «территорию Черногории, одновременно фиксируются и на большой территории вне Черногории» [18. С. 188].

Далее на материале атласа, который, главным образом, охватывает зетско-сьеницкие говоры¹, будут подтверждены изложенные выше тезисы об архаично-инновационном характере зетско-сьеницких говоров, их одновременной принадлежности к периферийному и центральному ареалу, ограниченном числе собственно черногорских диалектных черт и неупорядоченности лексических изоглосс (ср. [19. С. 356]).

1. Архаизмы в говорах Черногории

Т.И. Вендина на основе карт фонетической и лексико-словообразовательной серии отмечает большую степень архаичности говоров Черногории, особенно выделяя среди них Негуши, Голубовцы и Требалево, которые вместе с кайкавскими, чакавскими, южносербскими, юго-восточными болгарскими и северномакедонскими говорами образуют архаичную зону на южнославянской территории [19. С. 356; 20]. Среди архаизмов в говорах Черногории, во-первых, присутствуют общеславянские, общеюжнославянские слова и слова, которые хотя и не известны всем славянам или всем южным славянам, однако имеют большие ареалы в различных группах славянских языков (*сир*, *нађе*, *празан*, *маст*, *сланина*, *очи*, *раме*, *чело*, *уста*, *прст*, *врат*, *дивљи*, *лисица*, *медејед*, *птица*, *миш*, *дрво*, *бор*, *цвијет*, *малина*, *смрека*, *коси*, *пшеница*, *раж*, *зрно* (*зрнце*), *тиква*, *шљива*, *орач*, *ковач*, *село*, *сусјед*, *судија*, *мјесто*, *моли*, *мисли*, *зна*, *разуме* и др.). В различных тематических группах в разной степени представлена лексика с широким географическим распространением. Из опубликованных материалов атласа такой лексики, очевидно, много среди названий животных, растений, частей тела, основных профессий, глаголов, обозначающих основные действия.

¹Пункты ОЛА в Черногории: 1) зетско-сьеницкие: Радовичи (Кртоли), Тиват, Режевичи, Будва; Горана (Мрковичи), Бар; Негуши, Цетине; Голубовци, Подгорица. 2) переходные от зетско-сьеницких к новоштокавским: Требалево, Колашин; Анджелат, Иванград.

С ареалогической точки зрения наиболее интересны те черногорские архаизмы, которые отсутствуют в соседних сербских говорах, но распространены в говорах других групп, т.е. в западно-, восточнославянских или удаленных южнославянских. Все приведенные ниже черногорские слова не засвидетельствованы в большинстве штокавских говоров, но присутствуют в других славянских языках: *ćera*, *ćerina* ‘молозиво’ (серб. *грушевина*, польск. *siara*, словацк. диал. *šara*), *вари* ‘варит’ (серб., хорв. *кува*, *кућа*), *жеђа* ‘жажда’ (центр. шток. *жеђ*, словен. *žeja*, далмат., ю.-зап. босн. и герцег. *žeda*, *žeja*, *žaja*, болг., рус., укр. карпат. *жажда*), *скоруп* ‘каймак’ (серб., макед., болг. *каймак*, сев.-хорв., далмат., истр. *skorup*, *škorup*, ср. рус. *скорлупа*), *стегно* ‘бедро’ (серб. *бутина*, словен., чак., чеш., словацк., укр., бел., зап.-рус. **stegno*), *бедро*, *бедрица*, *бедра* ‘бедро’ (серб. *бутина*, словен., хорв. *bedro*, ю.-рус. *бедро*), *плећи* ‘спина’ (центр. шток. *леђа*, сев.-хорв., ю.- и зап.-серб., макед., польск., зап.-укр., **pletji*, *pletja*), *мука* ‘мука’ (серб. *брашно*, словен., зап.- и вост.-слав. **moka*), *чешњак* ‘чеснок’ (шток. *бели лук*, в словен., зап.- и вост.-слав. языках продолжения **česnъ* и под.), *објед*, *обет* ‘обед’ (шток. и макед. *ручак*, зап.- и вост.-слав. **obědъ*), *убо*, *уба* (Анджелат и Требалево) (серб. *бунар*, болг. *въбел* ‘бунар’, др.-рус. *уболь*, полаб. *wimbal* ‘извор’ [21. С. 200], польск. *wąwel* ‘углубление’ [22. С. 533–534]) в сербских говорах засвидетельствовано только в Черногории, в хорватских говорах слово не зафиксировано [23. С. 85].

Среди архаизмов есть и локализмы, засвидетельствованные лишь в некоторых пунктах: *реже хлеб* ‘режет хлеб’ (Негуши) (серб. *сече хлеб*, хорв., словен. *reže*, болг. *режа*, ю.-макед. рус. *режет*), *поплат* ‘подошва’ (Негуши) (штокав. *табан*, словен., чак., кайк. *poplat*, *potplat*) (ср.: рус. *лата*, польск. *lata* ‘доска, рейка’ [24. С. 798; 25. С. 179]), *чланци* ‘суставы’ (Горана) (шток. *зглоб*; *чланци*, *članci* также на севере Сербии, в Боснии и Герцеговине, Хорватии, рефлексy **čelnъku*, *čolnъku*, *čelnъka* в словенских, чешских и словацких говорах), *мрске* ‘морщины’ (Режевичи) (серб., хорв. *боре*, *bore*, далмат. *mrške* («и Konavlјima se govori» [26. С. 80]), вост.-серб. *мрска*, производные от корня **mъrsk-* представлены в польском языке и у восточных славян, что свидетельствует об архаичности названия), *лојан* ‘жирный’ (Требалево) (серб. *мастан*, макед. (в Албании и Греции) *лојен*, *лојаф*, по словарным данным представлено во всех славянских языках [27. С. 262].

2. Инновационные черты говоров Черногории

На территории Черногории, с одной стороны, возникают инновации, общие для всех сербских говоров (*брашно* ‘мука’) или их части (*навлака* и *повлака* ‘сливки’), хотя они имеют в Черногории ограниченный ареал (*каймак* ‘каймак’). С другой стороны, существуют лексические инновации, не известные центральным сербским говорам, ограниченные только территорией Черногории или охватывающие также и македонские, болгарские, хорватские приморские или периферийные сербские говоры.

Большинство лексических инноваций возникает под иноязычным влиянием: это романизмы, грецизмы, албанизмы и турцизмы.

Некоторые инновации (романизмы) отделяют часть говоров Черногории (в основном приморских) от других сербских говоров и объединяют их с далматинскими и приморскими словенскими: *бистерна*, *бистијерна*,

бистијерња ‘колодец’ (серб. *бунар*, далмат. *gustijerna, gušterna*), кантун ‘горбушка’ (серб. *окрајак*, далмат. *kantun*), фуња ‘кулак’ (серб. *песница*, словен. приморск. *pinja*), пирија, пирица ‘лейка, воронка для переливания жидкости’ (серб. *левак*, далмат. *pirija*), марагун ‘плотник’ (серб. *месар*, далмат., истр. *tarangun*), интранда ‘урожай’ (серб. *летина*, далмат. *intrada*), каса ‘гроб’ (серб. *мртвачки сандук*, далмат. *kapsa*, истр. *kasa*), бренке ‘жабры’ (серб. *шкрге*, далмат. *branča*), карта ‘бумага’ (серб. *nanip*, далмат., зап.-словен. *karta*), памидора ‘помидор’ (серб. *парадајз*, далмат., зап.-словен. *potidor(a)*), такая же лексема в отдельных пунктах в Польше и на восточнославянской территории), капула ‘лук’ (серб. *црни лук*, далмат. *kapula*).

Прочие инновации объединяют говоры Черногории с восточными и южными сербскими, болгарскими и македонскими (это грецизмы и турцизмы): грецизм *инка* ‘лейка, воронка для переливания жидкости’ (серб. *левак*), ареал распространения которого включает восточную и южную Сербию (Призрень [28], Ораховац, Вране, Сириничку жупу, Неготин, Парачин [29. С. 749]), *путир* ‘стакан’ (серб. *чаша*, макед. эгейск. *путир*), *прђија* ‘приданое’ (серб. *мираз*, южная Македония – *прике*, южная Болгария – *прика*), *коломбоћ* ‘кукуруза’ (серб. *кукуруз*; *коломбоћ* также в сербских пунктах на Косове), *ливада* (Горана, Голубовци, также в Болгарии и Македонии), турцизм *џам* ‘стекло’ (серб. *стакло*, *џам* также засвидетельствовано в Сьенице, Косове, южной Сербии (Вране), Македонии), *бели џигер* ‘легкие’ (серб. *плућа*, макед., болг. названия также содержат лексему *žiger*).

Среди инновационных лексем есть и слова, зафиксированные в материалах атласа только в отдельных говорах Черногории: турцизм *чапра* ‘кожа’ (Горана, Негуши) (также в говоре ускоков), албанизм *визге* ‘морщины’ (Горана), романизм *фрут*, *офрут* ‘урожай’ (Голубовци), германизм *попица* ‘кукла’ (Радовичи, Горана, Негуши), романизм *каритад* ‘похороны’ (Режевичи).

К инновациям, возникшим под иноязычным влиянием, можно отнести и форму *месо од телета* ‘телятина’ (Горана, македонские пункты в Албании и Греции, далматинские пункты Комижа и Круч), используемую вместо формы *телетина* (серб., хорв., словен.). В Горане аналитическая форма употребляется и для обозначения других видов мяса (*говеђе месо* ‘говядина’ (также в Македонии, западной Болгарии, юго-западной Сербии) вместо общечерногорского *говедина* (это слово распространено также в говорах Сербии, Хорватии и Словении).

Кроме заимствований в качестве инноваций могут быть выделены и некоторые семантические сдвиги (*сече хлеб* ‘режет хлеб’ из *сече дрва* ‘рубят дрова’) (серб., макед. *сече*, при болг. *режа*, словенском *reže*, хорв. *reže*, серб. *реже*). Явление представлено только в центральном южнославянском ареале (сербско-македонском) и не имеет параллелей в других славянских языках. К семантическим инновациям можно отнести и лексему *трое* ‘крошки’ (макед. *трошки*, зап.-болг. *трое*, ср. общеслав. **troxa* ‘небольшое количество’).

Романизмы, в основном, представлены в пункте Радовичи, в меньшей степени – в Режевичи и Негуши, грецизмы и турцизмы – во внутренних областях Черногории. Инновации, общие с прочими сербскими говорами, также характерны для внутренних районов Черногории (ср. *повлака* в пп. Негуши, Голубовци и Анджелат).

3. Ареалы, в которые входят черногорские говоры.

Немного лексем, свойственных всем говорам Черногории и не зафиксированных на соседних территориях. В обследованных выпусках атласа обнаружены следующие лексемы: *жмире* ‘кусочки обжаренного сала, *стегно* ‘бедро’, *бијела утробица* ‘легкие’, *црна утробица* ‘печень’, *плећи* ‘спина’. Ареалы черногорских лексем, в основном, шире границ Черногории. Если взять за основу отношение Черногории к другим сербским говорам, то эти ареалы можно разделить на два типа: 1) ареалы, которые объединяют говоры Черногории с прочими сербскими говорами, прежде всего новоштокавскими, и 2) ареалы, которые противопоставляют Черногорию большинству сербских говоров. С новоштокавскими говорами Сербии, Боснии и Герцеговины всю Черногорию связывают, главным образом, лексемы, общие для большинства центральных и западно-южнославянских диалектов (*боре* ‘морщины’, *детелина* ‘клевер’, *летина* ‘урожай’, *јечам* ‘ячмень’, *трбух* ‘живот’, *шинајдер* ‘портной’ (кроме Негуши), *младожења* ‘жених’, *опрашта се* ‘прощается’, *лопта* ‘мяч’, *гробље* ‘кладбище’, *храна* ‘еда’ и др.). Среди общей лексики есть и чисто штокавские или преимущественно штокавские лексемы (*зглоб* ‘сустав’, *кажипрст* ‘указательный палец’, *воћњак* ‘сад’, *чобан(ин)* ‘пастух’, *црни лук* ‘лук’, *славуј* ‘соловей’, *свиђа се* ‘нравится’, *воли* ‘любит’, *љуби* ‘целует’, *удаје се* ‘выходит замуж’ (также в чешских говорах), *пева* ‘поет’, *певач* ‘певец’, *певачица* ‘певица’, *лутка* ‘кукла’, *васкрс* ‘Пасха’, *скакавац* ‘кузнечик’, *пацов* ‘крыса’ (кроме Гораны и Анджелата), *сече хлеб* ‘режет хлеб’ (кроме Негуши), *свјеска*, *свеска* ‘тетрадь’ (кроме пп. Радовичи и Анджелат), *мауна*, *махуна* (Негуши, Голубовци, Требалево, Анджелат), *мохуна* (Радовичи) ‘бобы’. Те же лексемы распространены по всему штокавскому ареалу. Кроме того, существуют связи отдельных черногорских диалектов с новоштокавскими говорами или же со всеми центрально-южнославянскими (*павлака* ‘сливки’ – Негуши, Голубовци, Требалево, а также в западной Сербии, Боснии и Герцеговине), *жеђ* ‘жажда’ (Горана, Анджелат, также в Сербии и Боснии), *говеђе месо* ‘говядина’ (Горана – западная Сербия), *лекар* (Анджелат – Сербия, Хорватия). Изоглоссы, которые объединяют говоры Черногории с говорами Сербии (и Хорватии), образуют ареал, который можно назвать **центральным** южнославянским.

Нередко, однако, говоры Черногории противопоставляются основному массиву сербских говоров.

Отдельные черногорские говоры принадлежат к **приморскому** поясу, объединяющему южные говоры Черногории (Радовичи, Режевичи, Горану и реже Негуши) с говорами Далмации и часто противопоставленному центральному штокавскому ареалу. Кроме выше приведенных заимствований, данный ареал образуют слова, возникшие по словообразовательным моделям, альтернативным центральным штокавским (*мрвице* ‘крошки’ (серб. *мрве*), *праићевина* ‘мясо свиньи’ (серб. *прасетина*), *пљуна* ‘слюна’ (серб. *пљувачка*), *судац* ‘судья’ (серб. *судија*), или же в результате различных путей заимствования (*карта* ‘бумага’ (вся Черногория и Далмация) – *хартија* (вся Сербия)).

Несколько более широкий ареал можно назвать **юго-западно-южнославянским**. Он включает не только приморские, но и северные черногорские говоры, хорватские и словенские (*мука* ‘мука’, *скоруп* ‘каймак’, *жеђа* ‘жажда’, *жмире* ‘пережаренные кусочки сала’, *тека* ‘тетрадь’, *таницује* ‘танцует’, *прожде, прожде* ‘проглотит еду’ (также в лужицких и чешских говорах), *објед, обед* ‘обед’ (также в восточной Сербии, южной Македонии, севернославянских языках). Обычно данный ареал выделяется своей архаичностью, но может иметь и общие инновации (*прстењак* ‘указательный палец’). Иногда этот ареал расширяется на восток и охватывает отдельные болгарские и македонские говоры, образуя латеральный южнославянский пояс. Ср. *образ* ‘лицо’ в черногорских, словенских, чакавских, западных и южных болгарских говорах и географически центральное *образ* ‘щека’; *мошња* ‘боб’ (Режевичи, Горана, Далматинские острова), *мошиа* (южн.-макед.), *тошња, тошница* (Истрия, Кварнер, два пункта в восточной Словении), *тишница* (окрестности Сисака в Хорватии) – шток. *махуна, мехуна; ваља се* ‘катится’ (о мяче) (юг Черногории, Далмация, северная Словения, два пункта в Македонии) – шток. *котрља се; укопа, уколье, копа* ‘похоронит’ (Черногория, Словения, Македония, частично Босния и Хорватия) – шток. *сахрани; вера* ‘обручальное кольцо’ (Радовичи и Далмация, также один пункт в эгейской Македонии) – шток. *бурма; књига* ‘письмо’ (Радовичи, Режевичи, Далмация и отдельные македонские пункты) – шток. *писмо*.

Частично черногорские говоры входят в **восточно-южнославянский** ареал. Его образуют слова: *вика* ‘зовет’ (также в Македонии, южной Сербии, Болгарии), *плећи* ‘спина’ (также в Македонии), *терзија* ‘портной’ (Негуши, также в Сербии и Македонии), *кромид* ‘лук’ (Горана и Требалево, также в южной Сербии и Македонии); *невјестица, невѣстица, нестица, невица* ‘ласка’ (близкие лексемы зафиксированы в Македонии (*невестулка*) и восточной Сербии (*невеста, невестулка, невеска, невестуљна* и др.), ср. *ласица* на территории Сербии, Боснии и Хорватии и у западных и восточных славян (у последних с суффиксом *-к-*); *клуцидрво* ‘дятел’ (Режевичи, Негуши и один пункт в Македонии, *клукајдрво*) – *детлић* (центральная и западная Сербия, Босния, Славония).

Граница между западным и восточным балканским ареалами часто проходит по территории Черногории, при этом одна часть говоров использует западный тип лексемы, а другая часть – восточный, или же все говоры Черногории входят то в западный, то в восточный ареал. Например: западное *сусјед* ‘сосед’ (Радовичи, Режевичи, Негуши и Требалево, также в хорватском, словенском и всех севернославянских языках) и *комишија* (Горана, Анджелат и говоры Сербии, Македонии и Болгарии); западное *обрва, обрвица* ‘бровь’ (Радовичи, Режевичи, Негуши, Голубовци, Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина) и восточное *веђа* (Негуши, Голубовци, Анджелат, Требалево, Сербия, Болгария), западное *гној* ‘навоз’ (южные македонские, хорватские, словенские, западнославянские, украинские и белорусские говоры) и восточный турцизм *ђубре* (Радовићи, Горана, также в штокавском, болгарском, македонском), западное *луг* (вся Черногория, северная и юго-западная Сербия, Босния, Хорватия, Словения и Восточная Славия) – восточное *ливада* (Горана, Голубовци, вся Болгария и Македония); западное *страшити* (вся Черногория, Словения, отдельные пункты в Сербии, Боснии, Хорватии, на Далматинских островах, в Западной Славии) – восточное *плашити* (Радовичи, Режевичи,

Горана, Требалево, Сербия, Хорватия, Болгария, Македония); западное *међе-дица* (Негуши, Босния, Хорватия, западная Сербия, северная Славия) – восточное *мечка* (Сербия, Македония, восточная Босния и Герцеговина). Иногда переходную область от запада к востоку Черногория образует вместе с Сербией (*кројач*, *инајдер* и *терзија* ‘портной’).

Вследствие пограничного положения в говорах Черногории часто имеет место интерференция западных и восточных лексем: *кројач* – *терзија* ‘портной’ (Негуши), *врт* – *баишча* ‘огород’, *луг* – *ливада* ‘луг’, *зеље* – *купус* ‘капуста’ (Горана, Голубовци), *памидора*, *доматија*, *патлиџан* (Голубовци), *патлиџан*, *парадајз* (Горана).

Периферийный характер говоров Черногории проявляется не только в принадлежности к приморскому или словенско-македонскому поясу, но и в отсутствии характерных сербских лексем. Существуют южнославянские ареалы с разрывом в центре, в области Сербии и Македонии. В таких случаях говоры Черногории принадлежат к основной части ареала и противопоставляются говорам Сербии. Ср. *јемјеш* ‘железная часть плуга’ (Радовичи, Режевичи, Горана, Негуши, то же в Боснии, Хорватии, Словении, на юге Македонии и востоке Болгарии, Польше, Словакии и у восточных славян) – *раоник*, *раник* (Голубовци, Анджелат и Требалево, то же в Сербии, Македонии и Болгарии), изоглосса проходит через Боснию и Черногорию; *лоза* ‘виноград’ (Черногория, Хорватия, Босния и Герцеговина, Болгария) в противоположность слову *грожђе* в Сербии и Македонии; *ложница*, *ожица*, *ужица* ‘ложка’ (в Черногории, то же в Словении, Хорватии, частично в Сербии, в Болгарии и Чехии) и *кашика* (Босния и Герцеговина, западная и центральная Сербия, Косово, восточная Славония).

4. Ареальное членение Черногории.

Лексический материал демонстрирует деление Черногории на юг–север: *стегно*, *бедро* ‘бедро’ – *бутина* (Требалево, Анджелат), *мрве* – *трое* (Анджелат), *бачвар* ‘бондарь’ – *качар* (Требалево, Анджелат), *млинар* ‘мельник’ – *воденичар* (Требалево, Анджелат), *чобан* ‘пастух’ – *чобанин* (Требалево, Анджелат), *карта* ‘бумага’ – *хартуја* (Анджелат), *јемјеш* ‘железная часть плуга’ – *раоник*, *раник* (Голубовци, Анджелат и Требалево), *држало* ‘ручка грабель’ – *гребулиште*, *грабулиште* (Голубовци, Анджелат и Требалево), *кртола* ‘картофель’ – *кумпичер*, *компијер* (Анджелат, Требалево). Членение на юго-восток и северо-запад показывают лексемы *сусјед* и *комиџа* (см. выше), *крставац* – *крставица* (Режевичи, Горана, Голубовци, Анджелат). Запад от востока отделяют изоглоссы *зеље* – *купус* (Горана, Голубовци, Требалево, Анджелат), *обрва*, *обрвица* – *већа* (Горана, Требалево, Анджелат).

Особый приморский ареал образуют Радовичи и Режевичи (данный ареал подтверждается романскими заимствованиями, словами *прстењак*, *образ*). Наиболее своеобразным из всех пунктов атласа в Черногории представляется говор Гораны. В нем зафиксировано много эксклюзивных лексем, не засвидетельствованных в других пунктах атласа, т.е. он чаще других говоров отступает от общей лексической системы. Например: *зубак* ‘горбушка’, *визге* ‘морщины’, *корис* ‘спина’, *витица* ‘коса’, *букулица* ‘ласка’, *чукулић* ‘дятел’, *кукољ* ‘кукушка’, *крокоч* ‘улитка’, *стрѣфи* ‘встретит’, *лету-*

рица ‘бабочка’, *огъица*, *букоч* ‘светлячок’, *jeџa* ‘еда’. Кроме незасвидетельствованных лексем и лексем с малым числом фиксаций в лексике Гораны есть слова, образующие ареал, общий с македонскими и южными сербскими говорами (ср. выше приведенное *џам* ‘стекло’, *еџим* ‘врач’, а также *кајмак* ‘пенка на молоке’ (лексема широко распространена в Македонии и южной Болгарии, Сербии, среди босняков), *бели џигер* ‘легкие’ (в Македонии и южной Болгарии), *косма* ‘волосы’ (в южной Македонии), *рилице*, *рила* ‘губы’ (зап.-макед. *рило*, *рилки*, от **ryti*), *година* ‘урожай’ (также в восточной Сербии), *зајац* ‘заяц’ (также в южной и восточной Сербии, Словении и восточной Славии), *шишмиш* ‘летучая мышь’ (также в северной Хорватии и Далмации). К ареалу Гораны иногда присоединяются Негуши или Режевичи (*чапра* ‘кожа’, *вика* ‘зовет’).

5. Выводы

Говоры Черногории характеризуются ареалогической двойственностью. Они принадлежат, с одной стороны, к центральному и периферийному западно-южнославянскому ареалам и к восточному балканскому – с другой. Говоры характеризуются архаикой, демонстрируют высокую степень сохранности праславянских лексем, как частотных, так и редких, но в контакте с другими языками развили много лексических инноваций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Falińska B.* Leksyka dotycząca hodowli na mapach ogólnostowiańskiego atlasu językowego. Białystok, 2001. Cz I. Substantiva, Cz II. Verba i adiectiva.
2. *Siatkowski J.* Studia nad wpływami obcymi w ogólnostowiańskim atlasie językowym. Warszawa, 2004.
3. *Siatkowski J.* Słowiańskie nazwy wykonawcyw zawodyw w historii i dialektach. Warszawa, 2005.
4. *Siatkowski J.* Słowiańskie nazwy części ciała w historii i dialektach. Warszawa, 2012.
5. *Вендина Т.И.* Русские диалекты в общеславянском контексте (лексика). М., 2009.
6. *Вендина Т.И.* Типология лексических ареалов Славии. М., 2014.
7. Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. М., 1988. Вып. 1. Животный мир.
8. Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Братислава, 2012. Вып. 4. Сельское хозяйство.
9. Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. М., 2007. Вып. 6. Домашнее хозяйство и приготовление пищи.
10. Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Warszawa, 2003. Вып. 8. Профессии и общественная жизнь.
11. Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Кракув, 2009. Вып. 9. Человек.
12. Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. М., 2015. Вып. 10. Народные обычаи.
13. *Рембишевска Д.К., Сятковски Я.* Характерная для украинского языка лексика в Общеславянском лингвистическом атласе // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. VIII. Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования 2012–2014. М., 2016.
14. *Керемидчиева С.* Болгарский лексический материал в Общеславянском лингвистическом атласе (Т. 1. «Животный мир». Т. 2. «Животноводство». Т. 3. «Растительный мир». Т. 8. «Профессии и общественная жизнь») // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. VIII. Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования 2012–2014. М., 2016.

15. *Толстой Н.И.* Избранные труды. Т. I. Славянская лексикология и семасиология. М., 1997.
16. *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.
17. *Ивић П.* Српски дијалекти и њихова класификација. Сремски Карловци; Нови Сад, 2009.
18. *Пешикан М.* Стање проучавања црногорске дијалекатске зоне и даљи задаци //Зборник за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1970. № XIII/1.
19. *Вендина Т.И.* Общеславянские лексические соответствия в пространственно-временном аспекте // Славянский альманах 2009. М., 2010.
20. *Вендина Т.И.* К вопросу о каталогизации зон архаики в современной Славии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1994–1996. М., 2000.
21. Български етимологичен речник. София, 1971. Т 1.
22. *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1973. Sv. 3.
23. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880–1976. D. 19.
24. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880–1976. D. 10.
25. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880–1976. D. 11.
26. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880–1976. D. 7.
27. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1988. Вып. 15.
28. *Чемерикић Д.* [Собрание лексики г. Призрень]. Архив Института сербского языка САНУ, Белград.
29. Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1971. Т. 7.

КНИГА ЧЕШСКОГО ИСТОРИКА МИХАЛА МАХАЧЕКА О ПОСЛЕДНЕМ ПРЕЗИДЕНТЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ ГУСТАВЕ ГУСАКЕ

© 2018 г. В.В. Марьяна

Д-р ист. наук

E-mail: moscow.slav@gmail.com

В центре внимания публикации личность чехословацкого политика Густава Гусака (1913–1991), с именем которого связан этап так называемой нормализации в истории страны, последовавший после интервенции пяти стран–участниц Варшавского договора в Чехословакию 21 августа 1968 г.

The article is concentrated on the personality of the Czechoslovak politician Gustáv Husák (1913–1991) who is associated with the period of so called normalisation in the history of the country, which followed after the intervention of five countries – members of the Warsaw Pact – in Czechoslovakia on 21 August, 1968.

Ключевые слова: Г. Гусак, Пражская весна 1968 г., Чехословакия, внешняя политика СССР, доктрина Брежнева, советско-чехословацкие отношения.

Keywords: Gustáv Husák, Prague Spring of 1968, Czechoslovakia, USSR foreign policy, Brezhnev doctrine, Soviet-Czechoslovak relations.

DOI: 10.31857/S0869544X0000854-2

Густав Гусак – видный словацкий и чехословацкий политический деятель, один из девяти чехословацких президентов (Томаш Гарриг Масарик, Эдвард Бенеш, Эмиль Гаха, Клемент Готвальд, Антонин Запотоцкий, Антонин Новотный, Людвик Свобода, Густав Гусак, Вацлав Гавел)¹, точнее – предпоследний президент, первый и единственный словак на этом посту. Г. Гусак стоял у руля правления Чехословацкой социалистической республики (ЧССР), по сути, двадцать лет, начиная с 1969 г., когда он стал сначала первым, а затем генеральным секретарем Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ), и до конца 1989 г., года чехословацкой «бархатной революции», когда он подал в отставку с поста президента страны. Г. Гусак,

¹После расчленения Чехословакии (март 1939 г.) Э. Гаха стал президентом Протектората Богемия и Моравия, а президентом первой Словацкой республики (1939–1945) являлся Й. Тисо.

один из руководителей Словацкого национального восстания 1944 г., занимавший в первое пятилетие после войны высокие государственные и партийные посты, в 1951 г. был арестован, обвинен в «буржуазном национализме», брошен в тюрьму, судим (1954) и приговорен к пожизненному заключению. Освобожденный по президентской амнистии в 1960 г. он начал добиваться своей реабилитации по гражданской и партийной линиям и, в конце концов, вернулся на политическую сцену. Странник идеи федеративного государственно-правового устройства Чехословакии, он принял активное участие в подготовке закона о федерализации страны, вступившего в силу

1 января 1969 г.

Г. Гусак — несомненно, сложная и противоречивая политическая фигура. Сложно и противоречиво и отношение к нему как в различные периоды истории Чехословакии, так и в современном чешском и словацком обществе. Если говорить о послевоенной чехословацкой историографии, то его оценка как политического деятеля колебалась от «предатель и изменник» (1950-е годы) до «герой борьбы против режима Тисо и за справедливое решение словацкого вопроса» (после реабилитации так называемых словацких буржуазных националистов). Следует отметить, что современные чешская публицистика и историография обращают внимание и оценивают деятельность Г. Гусака преимущественно через призму последнего двадцатилетия его жизни, связанного с проведением политики консолидации и нормализации в Чехословакии после вторжения войск пяти стран Варшавского договора на ее территорию для подавления начавшихся в стране общественных преобразований, именуемых «Пражской весной». Среди пишущих и говорящих о Гусак в Чехии много людей, в том числе историков, которые пострадали от репрессий в период нормализации, были уволены с работы, вынуждены были эмигрировать, подверглись тем или иным гонениям. Их позицию, по большей части нелюбимую для Г. Гусака, можно понять.

В последнее время в чешской и словацкой историографии появилась новая тенденция: более полно исследовать двадцатилетие 1969—1989 гг., пока еще недостаточно изученные его аспекты, описать ситуацию, в которой действовал Г. Гусак, объяснить обстоятельства и мотивы принимаемых им решений, показать идеологические воззрения этого человека в развитии, нарисовать его психологический портрет и подчеркнуть особенности характера. Одним словом, показать Г. Гусака в историческом контексте, с точки зрения проводника политики как искусства возможного, как политического прагматика. Явственнее стали слышны голоса предлагающих оценивать деяния Гусака после 1968 г. как политическую тактику выбора меньшего из двух зол. Под большим злом при этом понимается установление прямого управления Чехословакией со стороны Москвы посредством создания правительства из представителей тех сил, которые выступали за приглашение в страну войск стран Варшавского договора для подавления Пражской весны.

В Словакии критический тренд тоже имеет место, но взгляд на Г. Гусака как политическую фигуру гораздо шире. Здесь в нем многие видят видного словацкого политического деятеля, словацкого патриота, отстаивавшего интересы словацкого народа в Чехословакии, добивавшегося ее федеративного государственно-правового устройства, но не избежавшего

ошибок во время занятия им высших постов в партии и государстве. Исследуется и описывается весь жизненный путь Г. Гусака, начиная с детских и юношеских лет и заканчивая его пребыванием на посту президента ЧССР. Естественно, этот последний период жизни Г. Гусака, связанный с проведением политики нормализации в стране и обществе, оценивается и в Словакии, как правило, весьма критически.

Но все вышесказанное относительно оценок Г. Гусака в обществе и историографии касается преимущественно уже XXI в. А до того, т.е. в 1990-е годы и начале нынешнего века, этот политический деятель как бы выпал из истории и общественного сознания. После его ухода из жизни 18 ноября 1991 г., когда вслед за «бархатной революцией» произошёл «бархатный развод» чешского и словацкого народов, когда возникли Чешская и Словацкая республики, вставшие на «новые» рельсы развития и повернувшиеся лицом к Западу, о Гусаке просто не вспоминали, старались забыть. Хотя было и исключение.

Именно в это время, в 1991 г., вышла первая и единственная, если говорить о конце прошлого и начале нынешнего века, книга о Г. Гусаке («Взлеты и падения. Густав Гусак прервал молчание») [1], написанная одним из ведущих историков ЧССР Вилиамом Плевзой². Он длительное время сотрудничал с Г. Гусаком, являлся его неофициальным советником (референтом) и достаточно близко знал его как человека. История выхода в свет книги сама по себе довольно интересна, поэтому остановлюсь на ней подробнее. По словам В. Плевзы, книгу он начал писать еще в 1989 г. после ухода Гусака с поста президента и завершил в 1991 г. Она основывается на существующих документах и личных заметках автора (научный аппарат в книге отсутствует), касавшихся описываемых событий и позиций Гусака по тому или иному вопросу. Экс-президент, по словам В. Плевзы, был ознакомлен с рукописью, но замечаний с его стороны не последовало. Однако, после сдачи ее в издательство, Гусак вдруг заявил о своем несогласии с выходом книги в свет. Но «издательский механизм» уже был запущен³. Как говорил В. Плевза в недавние годы в интервью о его отношении к Гусаку, уже на этапе издания из книги было удалено множество страниц, касавшихся главным образом взаимоотношений СССР и Чехословакии. В книге В. Плевзы жизнь Г. Гусака описана, начиная с его детства и заканчивая временем после отставки с поста президента. Послесловие к книге написал известный и очень авторитетный, ныне покойный, словацкий историк Любомир Липтак, который был согласен с ее выходом в свет, хотя высказал замечания, касающиеся интерпретации автором некоторых вопросов. В конце послесловия к книге В. Плевзы Л. Липтак написал, что она может стать импульсом к началу дискуссии о роли Г. Гусака в истории Чехословакии.

²Вилиам Плевза (1934 г. р.) — профессор Философского факультета Университета Я.А. Коменского в Братиславе, академик САН (с 1980 г.), академик ЧСАН (с 1982 г.), директор Института истории КПС (с 1969 г.), переименованного в 1971 г. в Институт марксизма-ленинизма ЦК КПС, в 1976–1986 гг. кандидат, а с 1986 г. член ЦК КПС.

³Об этом В. Плевза говорил не только в предисловии к своей книге, но и во время встречи со мной в Словакии в 1991 г. Тогда же он подарил мне эту книгу с дарственной надписью.

Л. Липтак был прав, говоря об этом. Дискуссия и началась, но не моментально, а спустя почти четверть века после того, как книга увидела свет. Сейчас фактически нет ни одной научной работы о Гусаке, где не упоминалась бы эта книга и где авторы либо соглашались с оценками В. Плевзы, либо опровергали их. Интерес к личности Г. Гусака возрос по истечении полутора десятка лет после его кончины. Но, как не странно, проявили этот интерес сначала не историки, а кинодокументалисты. В 2006 г. на экраны телевизоров вышел фильм под названием «*Ta lidská bezmoc mosí*», что в свободном переводе на русский язык означает примерно следующее: «Безвластие властелина» или «Безвластие облеченного властью». В фильме люди, либо знавшие Гусака лично, либо встречавшиеся с Гусаком при разных обстоятельствах, либо занимавшиеся изучением политики нормализации и т.д. делились своими взглядами на личность Г. Гусака как главы компартии и государства. Естественно, мнения были разные, но изображение человека приобрело объемность и разную окраску в отличие от плоской черно-белой (положительной или негативной) схематичной его оценки. Интересно отметить, что российская телекомпания «Совершенно секретно» тоже создала и показала свой фильм: «Густав Гусак. Чужой среди своих». В документальных фильмах Гусак предстал перед зрителями как неоднозначный и сложный политик-прагматик, которого надлежит рассматривать в историческом контексте, учитывая время его деятельности, сложившиеся обстоятельства и особенности характера. Были поставлены также спектакли по мотивам семейных отношений Гусака. Первая его жена Магда Локвенцова-Гусакова, умершая в 1966 г., была театральным режиссером и ныне почитаема в Словакии как первая в стране женщина, которая посвятила себя профессионально этому делу.

Так постепенно стал оживать интерес к личности последнего коммунистического президента социалистической Чехословакии. Появились статьи и даже книги, посвященные отдельным периодам жизни Г. Гусака [2]. В 2013 г. 100-летие со дня его рождения было отмечено двумя международными конференциями, проведенными в Братиславе и Праге. По их материалам в Братиславе опубликованы две коллективные монографии. Первая из них, насчитывающая более 1000 страниц, вышла в том же 2013 г. под названием «Густав Гусак. Власть политики – политик власти» [3]. Книга разделена на семь блоков, посвященных отдельным периодам его жизни и деятельности. Последнему двадцатилетию жизни Гусака, связанному с его пребыванием на высоких партийных и государственных постах, отведена почти половина книги.

Вторая коллективная монография «Густав Гусак и его время» [4] издана словацким Институтом памяти народа (он являлся и организатором конференции в январе 2013 г.) в 2015 г. и насчитывает более 500 страниц. В монографии Гусак показан, как «одна из значительных, но и противоречивых фигур» политической истории Словакии и Чехословакии XX в., как коммунистический функционер, многие годы оказывавший «влияние на направление развития и судьбу словацкого и чехословацкого общества», как «в положительном, так и в отрицательном смысле» [4. С. 11]. Важно, что в обеих упомянутых коллективных монографиях вся жизнь Г. Гусака рассматривается в конкретном историческом контексте,

дающем возможность более объективно оценить и объяснить его деятельность.

То же самое можно сказать и о самой полной на сегодняшний день индивидуальной монографии «Густав Гусак» [5], написанной молодым чешским историком Михалом Махачеком, который уже давно, с университетской скамьи, занимается этой темой. Прекрасно изданная книга, в которой много иллюстраций, вышла в конце 2017 г. тиражом 3 500 экземпляров и быстро исчезла с прилавков книжных магазинов. Ее тираж после допечатки поднялся до 7 тыс. экземпляров. 6 марта 2018 г. в Москве состоялась презентация книги Михала Махачека «Густав Гусак», проведенная на базе организации «Мемориал» Чешским культурным центром в Москве, где можно купить эту книгу.

Ниже публикуется интервью с автором монографии «Густав Гусак» Михалом Махачеком, которое он дал мне в письменном виде на чешском языке (перевод на русский тоже сделан мною).

1. Почему личность Г. Гусака заинтересовала Вас как исследователя? Как долго Вы работали над книгой?

Над этой темой я работал почти десять лет. На ее выбор повлияли драматичность, противоречивость и неизученность к тому времени истории жизни Гусака: мальчика из словацкой бедноты, коммуниста, которого держали в тюрьме два режима (один из них он сам помогал создавать), и, наконец, занявшего пост президента в резиденции чешских королей. Как это произошло?

Чем больше я работал над темой, тем больше передо мной вставало интересных вопросов и появлялось импульсов к ее изучению. Кроме того, я понял, что в жизни Гусака пластически отразилась история коммунистического движения, а также чешско-словацких и чехословацко-советских отношений в XX в. Тем самым была преодолена чисто биографическая мотивация исследования. Признаюсь, что мне также помог и подталкивал интерес близких людей, а потом еще общественности и средств массовой информации к моей работе, которая таким образом приобретала все больший смысл.

2. Каковы были источники исследования? Работали ли Вы в российских архивах?

Книга основана на изучении отечественной и иностранной литературы, беседах с современниками Гусака и архивных материалах. В общей сложности я работал примерно в 32 чешских, словацких, американских, а также российских архивах. В рамках обмена студентами, аспирантами и преподавателями между Карловым Университетом в Праге и МГУ им. М.В. Ломоносова я проходил стажировку на Кафедре истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Во время пребывания в Москве я работал в следующих архивах: РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории), РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории), АВП РФ (Архив внешней политики Российской Федерации). Работа в российских архивах меня очень интересовала: ведь наши страны в прошлом были тесно связаны, и знание российских источников является важным ключом к анализу современной чехословацкой истории.

Должен сказать, что некоторые коллеги отговаривали меня от поездки в Россию, утверждая, что там небезопасно, что в архивах я не получу никакого материала и т.д., но, к счастью, это оказалось неправдой, и я потом понял, что эти впечатления были основаны на давнем, более чем двадцатилетнем опыте коллег. В Москве я чувствовал себя в такой же безопасности, как в Праге или в Вашингтоне. Я получил поддержку как от историков МГУ им. М.В. Ломоносова – заведующего принимающей кафедры Геннадия Филипповича Матвеева, Зои Сергеевны Ненашевой и Евгения Федоровича Фирсова – так и от историков Института славяноведения РАН Валентины Владимировны Марьиной, Эллы Григорьевны Задорожнюк, Елены Павловны Серапионовой, Татьяны Викторовны Волокитиной и Галины Павловны Мурашко. Также дружелюбно были настроены и с готовностью откликнулись на мои просьбы сотрудники архивов, за что я им всем очень благодарен. Имели место даже своего рода исключительные и волнующие события. Например, я смог изучить (с согласия сына Густава Гусака Владимира Гусака, живущего в Словакии) личное дело Густава Гусака (РГАНИ), которое было заведено на него в Международном отделе ЦК КПСС. Это – один из важнейших и неизученных источников, широко использованных мной в книге.

3. В книге рассматривается только общественно-политическая деятельность Г. Гусака или Вы касаетесь и его личной жизни?

В книге Гусаку как человеку специально посвящено два параграфа, а вообще вопросов его личной жизни я касаюсь на протяжении всего текста. Одна глава в книге посвящена историографии, в ней анализируются отношение историков к Гусаку и отношение между ним и историками. Но речь ведь идет, прежде всего, о политической биографии, об анализе общественной деятельности Гусака, поэтому в книге преобладает политическая тематика и все с этим связанное.

Однако я с радостью подготовил бы еще и другую работу – публикацию переписки Густава Гусака с женой Магдой в 1950-е годы, в период его содержания в тюрьме. В работе будет более широко исследована их личная жизнь, показано, какое влияние оказали репрессии против Гусака на его семью. Из практических соображений невозможно было все вместить в одну книгу, и так речь идет об относительно обширном труде, насчитывающем более 600 страниц.

4. Из какой семьи произошел Г. Гусак? Какое получил образование?

Гусак вышел из бедной крестьянской семьи. Он родился 10 января 1913 г. в деревне Дубравка, которая сегодня является частью словацкой столицы Братиславы. Тогда еще существовала дуалистическая Австро-Венгерская монархия. Словакия была в то время частью Венгерского королевства, а чешские земли входили в состав Австрии. Государство объединяла личность государя, тогда катилась к закату звезда императора Франца Иосифа I.

У Гусака были две старшие сестры и брат, который скончался в младенческом возрасте от туберкулеза. От этой же болезни умерла и мать Гусака, когда ему было всего полтора года. Отец был ранен во время Первой мировой войны и стал отчасти инвалидом. После войны, когда распалась Австро-Венгрия, а чехи и словаки создали с помощью американцев и французов Чехословацкую республику отец Гусака занимался

крестьянским трудом, но выполнял и общественные функции. Он женился вторично, семейство численно выросло, и, как это случается, отношения Гусака с мачехой не были идеальными.

Уже как ученик начальной школы Гусак отличался сообразительностью, упорством и целеустремленностью, и таким образом, хотя его семья и была бедной, он благодаря своим способностям и покровительству школьного учителя и приходского священника, получил возможность учиться в престижной братиславской гимназии. Там Гусак, несмотря на то, что получал стипендию, должен был прирабатывать, занимаясь репетиторством состоятельных соучеников или выполняя не требующую квалификации низкооплачиваемую работу во время каникул. Он был выдающимся на общем фоне студентом, и уже в то время начал поддерживать левые и коммунистические идеи: в городской среде явственнее ощущались социальные различия и несправедливость. С 16 лет он посещал собрания коммунистов, а в 20 лет (в 1933 г.) вступил в компартию. В 1930-е годы Гусак закончил и Юридический факультет Университета Я. А. Коменского в Братиславе. Он получил, таким образом, качественное образование и являлся самым образованным среди всех президентов Чехословакии.

5. Какую роль сыграл Г. Гусак в Словацком национальном восстании 1944 г.?

Гусак некоторое время входил в состав нелегального руководства ЦК КПС. За год до начала восстания он участвовал в создании Словацкого национального совета, который как руководящий орган Сопротивления объединял коммунистов и некоммунистов и принимал участие в подготовке восстания против фашизоидного словацкого режима, союзника гитлеровской Германии. Во время восстания Гусак выполнял функцию «министра» внутренних дел в повстанческом правительстве и по возможности следил, чтобы правительство на подвластной ему территории действовало в рамках права. Например, он признал неправоверными насильственные акции деморализованных партизан, виновных в гибели нескольких случайных гражданских лиц. Позже, в 1950-е годы он был обвинен за это в том, что якобы тормозил развитие партизанского движения, о котором в частных разговорах отзывался достаточно критически.

Как юрист Гусак участвовал также в подготовке ключевых документов, например, Декларации Словацкого национального совета от 1 сентября 1944 г., которая провозгласила de-facto повстанческую территорию самостоятельным государством, хотя в международном плане и признающем чехословацкое эмигрантское правительство в Лондоне и Эдварда Бенеша. Восстановленное государство после войны должно было функционировать как конфедерация, на чем особенно настаивал Гусак. Но, как вариант, он рассматривал и возможность присоединения Словакии к СССР на правах союзной республики. Но до сегодняшнего дня остается открытым вопрос, насколько серьезно он думал об этом, и не пытался ли тем самым оказать давление на президента Бенеша, который по-прежнему настаивал на унитарной государственно-правовой модели возрожденной Чехословацкой республики и даже не признавал словаков самостоятельным народом.

6. Почему Г. Гусак был обвинен в буржуазном национализме и посажен в тюрьму?

Он был официально обвинен в том, что отдавал предпочтение словацким национальным интересам перед классовыми интересами, разрушал

чехословацкое национальное единство, хотел произвести переворот и перейти на сторону Й.Б. Тито или же «Запада». Все было связано с кампанией против «титовщины», разрывом отношений Советского Союза с Югославией, поисками реальных и потенциальных врагов внутри компартий. Повсюду царили страх и напряженность в ожидании того, кто будет следующим в числе обвиненных, поскольку Москва давала ясные указания на этот счет; боялся и руководитель КПЧ Клемент Готвальд, который сначала пытался тормозить процессы против членов компартии.

С самого начала венгерские коммунисты критиковали словацких коммунистов, включая Гусака и чехословацкого министра иностранных дел Владимира Клементиса, близкого друга Гусака и его коллегу по профессии, за то, что после войны они вели себя по отношению к венгерскому меньшинству в Словакии, как националисты. Хотя это было правдоподобное, но не правильное утверждение, поскольку тогда речь шла об официальной политике КПЧ, подхваченной послевоенной волной национализма. Клементису навредило также то, что он во время войны не признал пакт Молотова – Риббентропа и тесно сотрудничал с Бенешем.

Сначала Гусак, Клементис и другие коммунисты были обвинены в идеологическом уклоне как националисты, лишены политических постов, а затем в начале 1951 г. заключены в тюрьму. Однако Гусак в отличие от других заключенных отказался давать признательные показания, и поэтому не был судим в ходе политических монстрпроцессов начала 1950-х годов, поскольку, таким образом, нарушалась бы их пропагандистская значимость. Гусак долго содержался в тюрьме без приговора, и лишь в 1954 г. суд приговорил его к пожизненному заключению. Как заключенный он прошел тяжелыми испытаниями, но вел себя чрезвычайно мужественно и по-прежнему остался убежденным коммунистом.

7. Когда Г. Гусак был реабилитирован и возобновил политическую деятельность?

После девяти с небольшим лет заключения Гусак в мае 1960 г. был освобожден по амнистии в связи с очередной годовщиной окончания Второй мировой войны. Сначала он работал заведующим складом, а потом канцеляристом. Только в 1963 г. ему был возвращен партбилет и снято идеологическое обвинение в буржуазном национализме. Гусак писал просьбы о пересмотре своего дела руководству КПЧ, а также в Москву. Там его делом заинтересовались, при этом, судя по документам, возникало и имя будущего шефа КГБ СССР Юрия Андропова, который руководил тогда Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Однако мне не удалось выяснить, имел ли СССР прямое влияние на реабилитацию Гусака, хотя этого нельзя исключить. Советский лидер Никита Сергеевич Хрущев тогда говорил о второй волне десталинизации, о необходимости проведения которой в Чехословакии он говорил и руководителю КПЧ Антонину Новотному.

Гусак тогда думал о возвращении в политику, выступал как реформатор и снискал значительную популярность, но успеха не добился: партийное руководство считало его чрезвычайно амбициозным человеком и словацким националистом, и поэтому бойкотировало. Только благодаря либерализации общественной жизни весной 1968 г. Гусак опять вернулся

в большую политику. До этого он находился под надзором полиции и зарабатывал на жизнь как историк, работая в Словацкой академии наук. Он участвовал в различных дискуссиях, писал публицистические и исторические статьи, издал книгу воспоминаний о Словацком национальном восстании, которая позднее, в 1969 г., когда он возглавил КПЧ, была в переводе на русский язык издана в СССР.

8. *Как воспринял Г. Гусак события 21 августа 1968 года и почему оказался на переговорах в Москве?*

Как и большинство чехословацких политиков, Гусак был удивлен случившимся. Хотя о возможности военного вмешательства до этого и говорилось, но он полагал, что со стороны Москвы это просто блеф, и она не сделает этого, поскольку тем самым был бы нанесен ущерб советско-чехословацким отношениям и ее престижу в мировом коммунистическом движении. И всего за день до вторжения войск стран Варшавского договора в Чехословакию Гусак выступил с чрезвычайно решительной речью в защиту реформ, заявил, что реформаторское движение уже нельзя остановить и поддержал первого секретаря ЦК КПЧ Александра Дубчека против Василя Биляка, являвшегося рукой советской политики в ЧССР. Гусак выступил также против утверждения о том, что советские войска были приглашены в Чехословакию и, наоборот, согласился с точкой зрения, что речь идет о нарушении международного права.

В Москву Гусак прибыл как член делегации президента Людвика Свободы, как представитель чехословацкого правительства, занимающий с апреля 1968 г. пост заместителя председателя правительства, а также как представитель Словакии. Президент включил его в состав своей делегации, поскольку был знаком с ним еще в прошлые годы, имел с ним хорошие отношения, а также потому, что Гусак был юристом. В Москве удивлялись тому, что Свобода взял с собой «этого кофейного политика», однако здесь Гусак произвел в целом позитивное впечатление. В отличие от других вывезенных в Москву чехословацких политиков он вел себя очень активно, проявил желание договориться и удовлетворить советское требование, чтобы проходивший в это время чрезвычайный XIV съезд КПЧ, принявший решение о лишении просоветских деятелей важных партийных постов, был признан незаконным.

9. *Можно ли считать Г. Гусака «отцом» чехословацкой федерации?*

Да. Гусак отстаивал эту идею еще во время войны и после нее, и даже склонялся к модели конфедерации, т.е. еще менее тесного союза, чем федерация. Эти мысли он успешно пропагандировал во время Пражской весны и тем самым снискал большую популярность среди словаков и их поддержку. Думаю, что если бы не такое упорство Гусака, то федерация, скорее всего, не состоялась бы. Парадоксально, но рождению федерации помогло также вступление войск стран Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968 г., разблокировавшее находившиеся на стадии заморозки переговоры между чешскими и словацкими представителями по этому вопросу.

И таким образом 1 января 1969 г. было официально провозглашено создание Чешской социалистической республики и Словацкой социалистической республики, что являлось важнейшим событием с момента возникновения Чехословакии в 1918 г., если не считать март 1939 г. и время Второй мировой

войны. Однако Гусак, в конце концов, учитывая возникшие в связи с новым государственно-правовым устройством страны экономические проблемы и советскую точку зрения, согласился с централизованной моделью федерации. Не произошло также федерализации КПЧ, как первоначально предполагал Гусак. Москва, по свидетельству документов, явственно опасалась того, чтобы в республиках Советского Союза аналогично не захотели бы федерализации КПСС, что привело бы к усилению национализма и сепаратизму. В любом случае возникновение чехословацкой федерации облегчило в начале 1990-х годов распад Чехословакии.

10. *Каковы были взаимоотношений Г. Гусака с А. Дубчеком?*

Все зависит от того, о каком времени идет речь, но если говорить прямо, они не любили друг друга. Ответ надо искать в прошлом. Накануне Словацкого национального восстания в августе 1944 г. Гусак отвечал за организацию освобождения заключенных из тюрьмы в Нитре, где содержались самые именитые словацкие коммунисты, в том числе и Штефан Дубчек, отец Александра Дубчека. Гусак с этой акцией несколько задержался, а между тем в Словакию вступили немецкие части. Заключенные из тюрьмы уже не вышли, они не смогли участвовать в восстании и, более того, многие из них погибли при транспортировке в концентрационный лагерь «Маутхаузен» во время налета американской авиации. Естественно, пережившие это, включая Штефана Дубчека, были сердиты на Гусака, и это, по сути, было использовано против него в 1950-е годы, когда его обвинили в том, что он умышленно провалил акцию освобождения из тюрьмы коммунистов, чтобы избавиться от политической конкуренции и играть главную роль в восстании, что было неправдой.

В то время, как Гусак сидел в тюрьме, а после освобождения оказался в затруднительном положении, политическая звезда Александра Дубчека светила все ярче. Так же, как президент Антонин Новотный и занимавший высокие посты в КПС Василь Биляк, он не хотел возвращения Гусака в политику, считая его карьеристом со странным прошлым: определенно А. Дубчеку было известно от своего отца о неудавшемся освобождении заключенных из тюрьмы в Нитре. Только весной 1968 г. благодаря изменившейся обстановке Гусак стал вице-председателем правительства и встал на сторону умеренного реформатора Дубчека против любимца Москвы Биляка. Вместе с тем Гусак полагал, что Дубчек находится не на том политическом уровне, чтобы справиться с возникшей кризисной ситуацией, и критиковал его за то, что тот своевременно не решает назревшие вопросы и что демократизация зашла слишком далеко. Потом он обвинял Дубчека и в том, что тот не смог предотвратить вступление войск стран Варшавского договора в Чехословакию. В 1969 г. Гусак заменил Дубчека на посту руководителя КПЧ и затем дал согласие на его постепенное устранение из политики и исключение из КПЧ.

Когда же позже, в середине 1970-х годов, Дубчек активизировал свою деятельность и через западные СМИ обвинил Чехословакию в несоблюдении прав человека и в репрессиях по отношению к нему (он работал в Словацком лесничестве и находился под постоянным надзором полиции), Гусак публично резко выступил против него. Интересно, что тогдашнее коммунистическое руководство во главе с Гусаком больше опасалось так называемых шестидесятников (коммунистов-реформаторов),

представителем которых являлся Дубчек, чем более сильную оппозицию в лице «Хартии—77». Еще в конце 1988 г. Гусак согласился с тем, чтобы французский президент Франсуа Миттеран во время визита в Чехословакию встретился с представителями оппозиции, включая хартиста Вацлава Гавела, но не с Александром Дубчеком.

11. *Что понимал Г. Гусак под «политикой нормализации»? Каковы были ее инструменты и методы?*

Коротко говоря, должна была быть восстановлена руководящая роль компартии, так называемый демократический централизм, средства массовой информации и другие организации должны были находиться под директивным партийным контролем, не допускались какие-либо антисоветские проявления, и должно было быть восстановлено чехословацко-советское доверие, что на практике означало элементарное послушание Чехословакии Москве, с которой чехословацкое руководство должно было консультировать и координировать вопросы не только внешней, но и внутренней политики. Однако Гусак, как многие другие политики и общество в целом, полагали, что речь идет не о постоянных мерах, и по истечении некоторого времени можно будет проводить более самостоятельную политику, как это делал, например, Янош Кадар в Венгрии после 1956 г., но это оказалось иллюзией. У Гусака не было крепких позиций в партийном аппарате, более того, в результате партийных проверок оказались разорванными связи Гусака с его политическими единомышленниками, и он должен был постоянно оглядываться на недружественную ему группировку во главе с Василем Биляком, которая была готова в случае его колебаний заменить его. Москва в спорных случаях вела себя, как арбитр, и это ее устраивало.

Личность Гусака в глазах общественности играла роль гаранта политической преемственности и надежды на дальнейшее развитие как лучшая из имевшихся тогда плохих альтернатив, что признавали сначала и оппозиционно настроенные люди. В первую очередь существовало убеждение, что речь идет о бывшем политзаключенном, который не допустит новых политических процессов, о чем Гусак, впрочем, часто заявлял и публично. Таким образом, ему удалось в апреле 1969 г. во время выборов руководителя КПЧ занять место Дубчека, получив голоса также значительной части искренних коммунистов-реформаторов. Возглавив КПЧ, Гусак действовал весьма самостоятельно, и его оружием были вовсе не прямые репрессии, а ложное представление о временности существующего положения, нарастающие в обществе страх и апатия, а также его публичные заявления, которые стали целенаправленным и тактическим средством в политической борьбе.

Иногда Гусак старался говорить как заботливый и мудрый пастырь, для которого важно благополучие его «овечек», заслуживших право на мирный труд и социально-экономические блага. Но иногда он мог говорить весьма агрессивно и наступательно, причем часто прибегал к противопоставлению позитивного «мы» и негативного «они». Этим последним он развенчивал и исключал из чехословацкого национального сообщества, при чем охотно прибегал в отношении отдельных лиц к саркастическим замечаниям. Его демагогические изречения были направлены на приземленные человеческие чувства и к тому же в сравнении с речью его философствующих оппонентов были понятными, логичными и лишен-

ными сентиментальности. Его же агрессивность и радикальность во многих случаях толковалась и прощалась как игра на внешнее восприятие, со стороны Москвы, с которой де в закулисьи он мог бы о чем-то договориться. Но более всего Гусаку помогало то обстоятельство, что отсутствовала реальная альтернативная политическая программа, ее не хватало как ведущей силы, да к тому же отсутствовало и желание ее выполнять при понимании возможных наказаний за это.

12. *Каково было мировоззрение Г. Гусака? Изменялось ли его отношение к идеям социализма и коммунизма на протяжении его жизни?*

В молодости, на грани 1920-х и 1930-х годов, он склонялся к идеям коммунизма, однако речь шла о постепенном процессе идейного созревания. Гусак происходил из очень бедной среды, очень хорошо познал и был чувствителен к социальной несправедливости в окружающем его мире, которая сильно его раздражала. Он отказывался ее принимать и объявил ей войну. После 1989 г. и до сегодняшнего дня преимущественно время существования первой Чехословацкой республики (1918–1938) чересчур идеализируется, а, между тем, нельзя забывать, что тогда на большинство людей оказывал влияние мировой экономической кризис, а также сказывались социальные проблемы и неудовлетворительное решение национального вопроса. Гусак видел выход в коммунизме или своем представлении о нем. По моему мнению, помимо прочего, это было связано и с его отношением к религии, он воспитывался, как католик, и глубинные идейные рамки своего католицизма сохранил: Богом для него стал Объективный закон исторического развития, церковью – коммунистическая партия, а Ватиканом – Москва. Образ коммунизма для него был связан преимущественно с ростом материального благосостояния общества и его социальных прав. На практике это, например, проявлялось, когда он выступал против повышения цен, и, наоборот, поддерживал повышение заработной платы и пенсий, в том числе и тогда, когда это мотивировалось его неохотой вызвать нежелательные проявления беспокойства населения. Интересно, что его ранние, послевоенные, высказывания совпадали с его взглядами 1960–1980-х годов, он сохранил веру в созидательную силу нравственности, часто говорил о научно-технической революции, хотя действительность в этом плане была достаточно сложной: Чехословакия в 1980-х годах в экономическом и технологическом отношении застыла на месте. Гусак, как и всякий другой человек, находился в плену представлений своего поколения.

13. *Как относился Г. Гусак к СССР? Менялось ли это отношение со временем?*

В молодости он был не критичен и идеалистичен, пропагандировал советский строй как самый лучший в мире, позитивно оценивал его по сравнению с реформами американского президента Франклина Д. Рузвельта, и даже неубедительно оправдывался и иронически отшучивался по поводу сталинских политических процессов, что речь, мол, идет о капиталистической пропаганде. Для него союз с СССР был ключевым вопросом, он никогда не ставил его под сомнение. Советский Союз был в его глазах первой страной, которая пыталась успешно строить социализм, и, кроме того, победителем фашизма и гитлеровской Германии – освободителем. Нельзя забывать, что чехи в общем не любили немцев, что речь шла о главном национальном враге и о том, что в критическом

1938 г. Запад, Франция и Англия, не оказали военной помощи Чехословакии, предпочли договориться с Адольфом Гитлером и предать Чехословакию. Поэтому представители и коммунистов, и некоммунистов, а также президент Эдвард Бенеш искали уже во время войны другого, более надежного союзника на будущее.

Отношение Москвы к Гусаку претерпело изменение и вплоть до 1968 г. было критическим. В советских документах он оценивался как недисциплинированный, склонный к национализму коммунист, к тому же со странностями поведения во время войны: Гусак, в частности, в сентябре 1941 г. участвовал в составе делегации в организованной властями поездке на оккупированную тогда немцами Украину для посещения там массовых захоронений. Во время Пражской весны его опять критиковали в Москве за пропаганду федеративного устройства Чехословакии и борьбу за руководство КПС с Василем Биляком. Когда же в августе 1968 г. он приехал в Москву, то обратил на себя внимание тем, что хотя и оценил вторжение войск, в глазах общественности оккупацию, как ошибку, но одновременно выступал решительно, энергично и с готовностью идти навстречу советскому руководству в выработке соглашения и в совместном разрешении кризисной ситуации. Как и прежде, он считал СССР союзником. Советское руководство подвергло Гусака всесторонней оценке. Москва осознала в первую очередь, что он пользуется поддержкой населения, и ощутила его нереализованные амбиции. Позже была оценена его способность нормализовать положение сначала в Словакии, а потом и в Чехословакии. Тем самым Гусак снискал доверие Леонида Ильича Брежнева, с которым поддерживал интенсивные контакты.

Гусак тогда втайне думал несколько иначе, чем говорил открыто, был более критичен по отношению к Советскому Союзу, его строю и внутреннему положению, но публично об этом не говорил. Тем самым он поставил бы себя под удар, поскольку доверие Москвы было необходимо для его политического функционирования, он не хотел выглядеть плохо в ее глазах и в то время проявлял лояльность. Гусак вел себя, как прагматик. В узком кругу он говорил, что о Брежневе мы можем думать, что угодно, но для него, Гусака, важно, что Брежнев будет у власти долгое время и что он, Гусак, уж как-нибудь справится с «кремлевскими старцами». Однако, в конце концов, он поступал так, как они того желали.

14. *Почему, оказавшись на вершине партийной и государственной власти, Г. Гусак потерял ее?*

В конце 1980-х годов Гусак был уже пожилым человеком на закате своей политической карьеры. Михаил Сергеевич Горбачев начал осуществлять новый курс — политику перестройки и гласности, которой должны были следовать и другие страны социалистического лагеря. Поэтому он подыскивал нового проводника этой политики в ЧССР, а Гусак был тесно связан с прошлым, которое, собственно говоря, и символизировал. В это время он не имел поддержки и в руководстве КПЧ, и в декабре 1987 г. его сменил на этом посту Милош Якеш. Но еще в течение двух лет Гусак оставался членом президиума ЦК КПЧ и президентом ЧССР, которым являлся с 1975 г. Из политики он мирно ушел после ноября 1989 г., когда дело дошло до гражданских манифестаций и «бархат-

ной» передачи власти некоммунистической оппозиции. Горбачев и другие коммунистические деятели «выбросили его за борт».

Можно говорить о болезненной потере Гусаком иллюзий и возникшем у него чувстве невозполнимой утраты. Гусак стоял у истоков социалистического эксперимента и присутствовал при его конце. Коммунизм стал дорогой от капитализма к капитализму, который был связан с социально-экономическими проблемами, фашизацией общества и войнами; Гусак считал его более низкой ступенью общественного развития по сравнению с тем, что сам он пытался строить и чему посвятил всю свою сознательную жизнь.

15. *Как оценивается личность Г. Гусака сейчас в Чехии и Словакии? Есть ли разница?*

Жизнь Густава Гусака служила людям как своеобразная кладовая, всякий из нее извлекал, что ему нравится, что ему в тот момент нужно. Если говорить в общем, то словаки воспринимают своего земляка более цельно, чем чехи, в памяти которых он сохранился главным образом, по словам писателя Милана Кундеры, как президент забвения, как символ стагнации и загнивания 1970–1980-х лет. Согласно опросу общественного мнения, в Чехии он воспринимается более негативно, в Словакии его восприятие более сложно и противоречиво, поскольку он являлся не только представителем власти, но и освободительных стремлений словацкого народа, имел заслуги в возникновении антифашистской государственности, федерации и церковной католической диоцезы в Словакии в 1977 г. Гусака и его мир невозможно понять глубоко без знакомства со всеми этапами его жизни. Однако оценка и взгляд на него, как и на другие крупные политические личности, будет меняться в соответствии с нашим динамично меняющимся настоящим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Plevza V. Vzostupy a pády. Gustáv Husák prehovoril.* Bratislava, 1991.
2. *Tomaš Černák. Mladé roky Gustáva Husáka. 1913–1939.* Bratislava, 2015; *Tomaš Černák, Martin Mocko. Husák v odboji a SNP. 1938–1944.* Bratislava, 2017.
3. *Michálek S., Londák M. a kol. Gustáv Husák. Moc politiky – politik moci.* Bratislava, 2013.
4. *Kinčok B. a kol. Gustáv Husák a jeho doba.* Bratislava, 2015.
5. *Macháček M. Gustáv Husák.* Praha, 2017.

ЧЕЛОВЕК НА БАЛКАНАХ: ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ А.Л. ШЕМЯКИНА

© 2018 г. А.А. Силкин

*Канд. ист. наук, старший научный сотрудник
Института славяноведения РАН
E-mail: alexander.silkin.as@gmail.com*

Заметка посвящена научному пути А.Л. Шемякина, его вкладу в изучение сербской истории последней трети XIX – начала XX в.

The essay outlines the academic career of Andrey L. Shemyakin, sums up his contribution to the study of the Serbian history of the late nineteenth – first decades of the twentieth century.

Ключевые слова: история Сербии, Народная радикальная партия, Никола Пашич, политическая культура, Первая мировая война.

Keywords: history of Serbia, Popular Radical Party, Nikola Pašić, political culture, World War One.

DOI: 10.31857/S0869544X0000855-3

8 марта 2018 г. умер наш друг, учитель, коллега... Последнее, что он успел сдать в печать, – некролог белградскому профессору Джордже Станковичу. Работая над ним, Андрей Леонидович сетовал, что непросто в одном тексте совместить описание жизненного пути и личных черт старшего товарища с оценкой его научных достижений. Как удалось выйти из затруднения, мы узнаем, когда появится следующий номер «Славянского альманаха». Ну, а мы оказались в том же положении. Можно ли объяснить, каким был А.Л. Шемякин? У тех, кто с ним общался, в памяти останется его яркий образ. У каждого свой. А тем, кто его не знал, в двух словах не расскажешь. Главное, что талант ученого сочетался в нем с не менее выдающимися человеческими качествами. В чем причина такой гармонии? Наверное, имели значение основные события его биографии – где родился, как рос, когда призвали на военную службу и т.д. Не зря он так любил вспоминать о своей малой родине, об армии, студенческих годах, о том, как впервые оказался в Сербии, как пришел в Институт славяноведения.

Андрей Шемякин родился 1 мая 1960 г. в Туле в семье инженеров-оружейников Анны Сергеевны и Леонида Андреевича. После окончания в

1977 г. школы около года проработал в Государственном архиве Тульской области. В ноябре 1978 г. молодой архивист оказался в армии, где его владение литературным языком, наверное, впервые было оценено по достоинству. Не один офицер, рассчитывавший на продвижение по службе, поставил свою подпись под текстами, написанными рядовым, а к концу «срочной» старшиной Шемякиным. Не исключено, что «легкое перо» спасло ему жизнь. Романтично настроенный Андрей Леонидович подал прошение о переводе в Афганистан, которому «отцы-командиры» не дали хода. По-видимому, не хотели лишаться столь полезного бойца. Российское славяноведение должно быть им за это благодарно.

В ноябре 1980 г. А.Л. Шемякин поступил на подготовительное отделение исторического факультета МГУ, а в сентябре 1981 г. стал студентом первого курса. В июне 1986 г. окончил истфак и в ноябре поступил в аспирантуру при кафедре истории южных и западных славян. К окончанию аспирантуры трижды съездил на стажировку в Югославию, проводя там в совокупности около года. Результатом стала не только закладка источникового и литературного фундамента будущих научных изысканий, но и блестящее знание сербского языка, на котором А.Л. Шемякин говорил и писал (sic!) лучше не только всех отечественных историков-сербистов и югославистов, но и многих белградских коллег.

После окончания аспирантуры — в декабре 1989 г. — принят на должность младшего научного сотрудника Института славяноведения. В 1990 г. защитил кандидатскую диссертацию «Образование Радикальной партии в Сербии в 1881–1883 годах», написанную под руководством профессора В.Г. Карасева. В 1998 г. в Инславе защитил в качестве докторской диссертации монографию «Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891)». (М., 1998). Тогда же А.Л. Шемякин возглавил Отдел истории славянских народов периода мировых войн. На должности заведующего он сменил Р.П. Гришину, которая сыграла в его научной карьере далеко не последнюю роль. Осмелюсь предположить, что сотрудничество с Риттой Петровной для Андрея Леонидовича имело то же значение, что и знакомство с ним для его собственных учеников. Для них, знаю по своему опыту, самым страшным сном было разочаровать ожидания наставника. Сам он с тем же пиететом относился к мнению только двух человек — Ритты Петровны и сербского историка Латинки Перович.

В конце 2004 г. А.Л. Шемякин принял предложение К.В. Никифорова и стал его заместителем в дирекции института. Однако, по собственному признанию Андрея Леонидовича, административные обязанности тяготили его. Как будто чувствовал, что времени у него оставалось немного... Поэтому в 2009 г. он вернулся в свой отдел, в котором в качестве ведущего, а затем и главного научного сотрудника работал вплоть до кончины.

За годы работы в институте А.Л. Шемякин опубликовал около 200 работ, в которых рассмотрены несколько широких проблем: государственно-политическое и социокультурное развитие Сербии и Балкан в последней четверти XIX в. — начале XX в.; официально-дипломатический и общественный аспекты русско-сербских отношений того же времени; роль Сербии в Первой мировой войне; взаимоотношения сербов с остальными югославянскими народами и процесс образования Югославии.

Центральное место в шемякинской библиографии занимает Никола Пашич, которому посвящены две монографии: «Радикальное движение в Сербии. Зарождение, становление, первые шаги (1875–1883)» (М., 1993) и «Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891)» (М., 1998). Вторая из них в 2008 г. опубликована на сербском языке в Белграде. Отношение Андрея Леонидовича к своему главному герою эталонно с точки зрения научного подхода к историческим личностям. Сами по себе их биографии и индивидуальные качества очень редко могут считаться проблемой, заслуживающей монографического исследования. Понимая это, А.Л. Шемякин преподнес лидера радикалов, прежде всего, как человека своего времени и окружения, как воплощение определенных черт и устремлений сербского народа. Показательно, что в приведенном заголовке книги имя Николы Пашича фигурирует не в именительном, а в родительном падеже, т.е. в связи с его идеологией, которая, по словам автора, «не просто мировоззрение отдельно взятого политика», а «индикатор целой общественной тенденции». Или, другими словами, «реакция сербского аграрного общества на вызов эпохи» [1. С. 12].

Разумеется, написанное о Пашиче носит отпечаток личного отношения Андрея Леонидовича к «Николаю Петровичу». Тот именуется «прирожденным организатором и блестящим партийным лидером», обладающим «мощной харизмой» [1. С. 344, 341]. А дабы «очертить точный “калибр”» вождя радикалов, А.Л. Шемякин привел оценку Д. Станковича: «Как историческая личность он представляет собой научный вызов, которому трудно найти аналог в историографии развитых стран». [2. С. 138] Таким образом, коллегам Андрея Леонидовича трудно было не заметить, что и сам он в известной мере подпал под обаяние «мощной харизмы» своего персонажа.

В программе Н. Пашича 30–40-летний историк обнаружил ответы на вопросы, которые волновали его в связи актуальной действительностью. В описании противостояния радикалов с их противниками — напредняками — сложно не усмотреть аналогии с той дилеммой, перед которой, по мнению многих, в том числе и А.Л. Шемякина, стояла Россия в начале 1990-х годов: «В то время, как одни тянули в Европу, к гражданскому обществу и либеральным порядкам, ломая все на своем пути; другие тяготели к традиции, ценностям “славянской цивилизации”, стремясь напрочь отгородиться от проникновения “эгоистичной западной культуры”» [1. С. 208]. Нетрудно догадаться, на чьей стороне был Андрей Леонидович.

Подчеркну, отношение к Н. Пашичу не оставалось статичным. Оно развивалось по мере того, как более глубокими и разносторонними становились представления Андрея Леонидовича о социальном контексте, в котором существовали его герои. В середине 1990-х годов А.Л. Шемякин утверждал: «Они боролись за власть, [...] чтобы проводить политику в интересах большинства народа и обеспечить его защиту от эксплуатации немногих» [1. С. 34]. С течением времени оценки радикалов становились все более сдержанными. В поздних работах акцент делался не на различиях между «традиционалистами» и «западниками», а на том факте, что и тех, и других характеризовало «стремление к монополии на патриотизм и мессианская претензия на политическое господство» [3. С. 608]. В 2015 г. Андрей Леонидович констатировал, что радикальная партия, как и «каждая партия» (sic!), «грешила» тем, что «всерьез отождествляла себя со всем сербским

народом [...] воспринимала себя как спасительницу Сербии, относясь к другим не как к политическим оппонентам, но как к непримиримым врагам» [3. С. 561]. Радикалы и их оппоненты политику «воспринимали не как способ “рационализации конфликта”, но как войну всех против всех» [3. С. 561]. Таковы проявления «авторитарной политической культуры» — одной из «универсальных характеристик сербского традиционного общества». Именно их А.Л. Шемякин называл «главным предметом своего научного поиска».

Развитию сербского социума в 1878–1914 гг., рассматриваемому в разных аспектах и в сопоставлении с аналогичными процессами в соседних странах, посвящены наиболее значимые из многочисленных статей Андрея Ленидовича — те, что вышли в рамках проекта «Человек на Балканах». Семь сборников статей и одна коллективная монография стали плодом сотрудничества с Р.П. Гришиной, с которой А.Л. Шемякина объединяло понимание, что «политическое поведение» балканских народов обусловлено их социо/этнокультурными особенностями. Без изучения оных нельзя объяснить логику и результаты пути, пройденного сербами, черногорцами и болгарами после обретения независимости.

За десятилетие с лишним, что длился проект (2002–2016), вокруг его инициаторов сложилась большая группа исследователей-единомышленников, заинтересованных в «изучении особенностей модернизационных процессов в балканских странах»; выявлении «характерных проявлений ментальности “балканского человека”», а также «исследовании специфики формирования в регионе гражданских обществ, способов их взаимодействия с государственной властью» [4. С. 395, 400]. Решение перечисленных задач достигалось, по словам А.Л. Шемякина, посредством «нового для традиционного позитивистского дискурса инструментария», а именно — путем «привлечения данных из смежных с историей наук: этнологии, демографии, социологии, культурологии, имагологии» [4. С. 394].

В последнем, восьмом выпуске серии, вышедшем после смерти Ритты Петровны, ее «напарник» писал о научном значении «Человека на Балканах», которое виделось ему в «ломке застаревших стереотипов (особо характерных для историографий ряда балканских стран)» и «освобождении от сковывавших мысль умозрительных представлений». Главное же, по словам А.Л. Шемякина, что завершившийся проект «дает импульс к переосмыслению мифологических обществоведческих построений — утверждает примат разума и научного анализа перед фантазией и эмоциональным отношением к истории» [4. С. 402]. Полагаю, что все перечисленное лучшим образом описывает и личный вклад, и, одновременно, мотивацию самого Андрея Ленидовича как ученого.

Показательно, что и тема его докторской диссертации «Идеология Николы Пашича» — вызов расхожему, сформировавшемуся еще в межвоенное время представлению, будто глава радикалов был исключительно политиком-практиком. Будучи лишенным идейного багажа, он, якобы, поэтому не оставил после себя сколь-нибудь значимых «письменных следов». «Что ж, за подобными утверждениями легче скрыть недостаток архивных изысканий», — А.Л. Шемякин бросает перчатку к ногам своих оппонентов, которым он противопоставил источниковую и фактологическую фундированность собственных аргументов [1. С. 11].

Полемику о мнимой безыдейности Н. Пашича можно считать прологом к «дебатам о сути радикализма» в Сербии, которые в свою очередь «органично вплетаются в другой и более принципиальный спор [...] — по вопросу интерпретации Новой истории страны, в целом» [5. С. 163]. Возражал Андрей Леонидович той «части историков», которые в силу своей неофитской «европейскости» или прозападной политической ориентации преподносят Сербию второй половины XIX в. — начала XX в. «современным европейским государством». Так характеризовать ее им позволяет простое наличие в ней либеральных государственных институтов — парламента, политических партий и конституции. По мнению этих приверженцев «формально-институционального» подхода, «Сербия с момента своего основания была восприимчива к западным концепциям либерализма, парламентаризма и демократии, а образованная в западных университетах политическая элита полностью приняла западную модель развития и модернизации». Последнее относится к Радикальной партии, которая, якобы, «принадлежала к великой семье европейского радикализма», а ее идейные корни «восходили к европейской (прежде всего — французской) политической традиции» [5. С. 143].

Опровержение этого утверждения в работах Андрея Леонидовича — иллюстрация того, сколь знание архивных материалов и соответствующей литературы эффективно в преодолении умозрительных построений и мифов, для создания и воспроизведения которых, как известно, не требуются ни факты, ни источники [5. С. 151–153]. «Идеи народнического социализма являлись сущностным компонентом общественной философии Пашича» [1. С. 360], — читателю монографии Андрея Леонидовича не составит труда убедиться в непоколебимой аргументированности данного тезиса. Ту же позицию разделяют и единомышленники А.Л. Шемякина из числа сербских историков — Л. Перович, Ольга Попович-Обрадович и Дубравка Стоянович: «Идеология Сербской радикальной партии — это народническая идеология, поскольку ее социальный стержень — эгалитаризм» [5. С. 146].

Что касается «аутентичной парламентской демократии», якобы сформировавшейся в Сербии к началу Первой мировой войны, то даже беглого взгляда на характер политической жизни и нравы ее колоритных участников достаточно, чтобы убедиться в несостоятельности этого мифа. Андрей Леонидович же в индивидуальных работах, а также вместе с коллегами по упомянутому проекту предпринял основательную «реконструкцию политических и социокультурных реалий на Балканах». Она показала, что «принятие конституций, введение парламентских и других “европейских” институтов и процедур составляло лишь фасад, который пристало иметь независимому государству, но за которым скрывались — будучи доминирующими в политической культуре — весьма патриархальные (недемократические и авторитарные) навыки и подходы». Именно они определяли поведение элит и всего общества в целом. Его приверженность «антииндивидуалистическим ценностям», — А.Л. Шемякин цитировал Д. Стоянович, — сближала его «с коллективистскими и эгалитаристскими [...] политическими проектами куда больше, чем с институционализированной парламентской монархией» [5. С. 164].

Спор о характере сербской государственности имел отношение к основной сфере научных интересов Андрея Леонидовича и потому красной линией

проходил через все его творчество. Не уклонялся он от полемики, и когда та или иная «контроверза» затрагивала условно второстепенные темы, его интересовавшие. Например, ему регулярно приходилось «ставить на место» некоторых современных авторов, в работах которых проявлялось присущее сербской публицистике и отчасти историографии обыкновение безосновательно возлагать на Россию ответственность за те или иные трагические эпизоды сербской истории XIX – начала XX в. В написанных А.Л. Шемякиным главах «Истории Югославии в XX в.» (М., 2011) значительное место уделяется разоблачению голословного утверждения о причастности России и ее представителей к организации майского переворота 1903 г., положившего конец правлению Обреновичей в Сербии [6. С. 19–22]. В 2018 г. в Белграде должна выйти одна из его статей, в которой опровергаются домыслы о финансировании Петербургом в 1880-е годы заговора радикалов, ставивших целью свержение злосчастной династии. «Появление таких версий связано с крайне слабым знанием их авторами русских исторических материалов», – Андрей Леонидович не знал жалости, вынося «приговор» некомпетентности коллег [7].

Анализируя роль Сербии в Первой мировой войне, А.Л. Шемякин не мог не отреагировать на утверждения некоторых российских коллег, будто официальный Белград после успешных Балканских войн (или даже еще раньше – в 1903 г.) определился с тем, что его стратегической целью и актуальной национально-политической задачей является объединение с другими югославянскими народами в результате разрушения монархии Габсбургов. Для ее достижения следовало «сравить» Вену и Петербург, который к 1914 г. якобы стал заложником устремлений своего агрессивно настроенного балканского союзника [8. С. 14]. Подобные «сомнительные тезисы», в подтверждение которых «уважаемые коллеги не привели ни одного (!) источника», А.Л. Шемякин рассматривал в контексте международных попыток пересмотра причин Первой мировой войны и установления ее «подлинных виновников» в лице России и Сербии: «В последние полтора десятка лет такая тенденция, возникшая на Западе в 20–30-е гг., только усилилась – в тесной связи с балканскими событиями конца XX в.» [8. С. 12].

Предчувствуя очередное обострение тенденции в преддверии столетней годовщины начала Первой мировой войны, Андрей Леонидович подготовил к печати «Балканские воспоминания» первого секретаря российской миссии в Сербии в 1911–1915 гг. В.Н. Штрандтмана – «аутентичное подспорье в интеллектуальной дуэли с очередными носителями идеи “ревизии истории”». Мемуары, опубликованные в 2014 г., стали дополнительным аргументом в арсенале А.Л. Шемякина, который в ряде работ убедительно доказал – после Балканских войн сербское правительство и двор не были заинтересованы в конфликте с Австро-Венгрией и всячески старались его избежать.

Много времени и усилий Андрей Леонидович посвятил «следующему» по хронологии сюжету – роли Сербии в процессе создания Югославии. Ее анализ выявил несостоятельность двух противоположных позиций, которые можно встретить в хорватских и сербских работах. Согласно первой, сербские правящие круги, прикрываясь лозунгом югославизма, на самом деле, на протяжении войны двулично преследовали сугубо «великосербские» цели, действуя за спиной у партнеров из Югославянского комитета. Приверженцы второй утверждают, что официальная Сербия, провозгласив в конце 1914 г.

целью «объединение с несвободными братьями — сербами, хорватами и словенцами», неуклонно и последовательно следовала только этой линии. Подтверждение тому — Корфская декларация, подписанная летом 1917 г. представителями сербского правительства и Югославянского комитета.

В отличие от двух приведенных точек зрения шемякинская трактовка политики Сербии в ходе Великой войны не была обусловлена ложным морализаторским подходом, в рамках которого исторические персоны оцениваются по шкале «народный — антинародный», «прогрессивный — реакционный» и т.п. По мнению Андрея Леонидовича, при определении политического курса сербский истеблишмент руководствовался не теорией народного единства югославян, а представлениями о реалистичности, практической целесообразности и собственной ответственности перед соотечественниками/избирателями. Поэтому ни до, ни после начала войны объединение с хорватами и словенцами не было единственной или приоритетной целью официального Белграда. Да и не могло быть, ведь до осени 1918 г. судьба Австро-Венгрии оставалась неизвестной. До этого сербское правительство (как и югославяне-эмигранты) озвучивали югославистские лозунги, в первую очередь, с целью решения тактических задач: дестабилизации тыла многонациональной империи Габсбургов; оказания давления на союзников, требовавших от Сербии уступок в пользу Болгарии; увеличения собственного веса на международной арене после Февральской революции и фактического исчезновения главного союзника в лице России и т.д. «Стремясь при любом “раскладе” обеспечить прежде всего интересы Сербии и сербского народа, он (Н. Пашич — А.С.) в зависимости от изменений международной обстановки колебался от “великосербства” до “югославизма”» [9. С. 202]. Окончательный выбор в пользу последнего состоялся, только когда стало окончательно известно, что Австро-Венгрия развалится, и победа будет полной.

Следует оговориться, вышеприведенные примеры участия А.Л. Шемякина в полемике по тому или иному вопросу не значат, что он нарочно искал повода «скрестить шпаги» с кем-нибудь. Они — свидетельство того, что приближение к исторической истине неизбежно ведет к столкновению с небрежностью, дилетантизмом или, еще того хуже, политиканством, которые не желают уступать своих прочно удерживаемых в историографии позиций. Удивительно, но избежать «конфликта» Андрею Леонидовичу не удалось, даже когда он занялся проблемой, казалось бы, далекой от политики, — установлением реальной личности, послужившей прототипом Л.Н. Толстому для создания образа Вронского [10]. Не станем вдаваться в детали, в чем состояла причина разногласий. Главное, опубликовав монографию, автор счел, что «научная необходимость требует продолжить дискуссию», что не могут быть проигнорированы «фактические и концептуальные огрехи» его критика. Этому человеку мы обязаны появлением в 2007 г. второго расширенного и дополненного издания «Смерти графа Вронского». Оба варианта книги вышли в Белграде в переводе на сербский язык.

Подчеркну, осознавая свою правоту в споре с оппонентами, А.Л. Шемякин не впадал в самонадеянность или нарциссизм. Как подлинный ученый, он допускал, что не все его работы выдержат испытание временем. Поэтому особое значение Андрей Леонидович придавал публикации ис-

точников, в которых видел непреходящую для историка ценность. Так появились вышеупомянутые мемуары Штрандтмана, до них – переписка Н. Пашича с сербским митрополитом Михаилом [11], третий том документального проекта «Москва – Сербия, Белград – Россия» [12], подготовленный вместе с сербскими коллегами, а также два тома наблюдений путешественников «Русские о Сербии и сербах», охватывающие более полувека – с 1860-х до 1920-х годов. В первый, опубликованный в 2006 г., вошли уже бывшие в печати материалы, а во второй (2014) – документы сугубо архивные, никогда ранее не публиковавшиеся.

В 2006 г. Андрей Леонидович, держа в руках только что вышедшую «антологию», сказал мне, что, по его мнению, только ею он останется в истории науки. Остальные работы, написанные им самим, дескать, забудутся. Как и тогда, позволю себе не согласиться. Во-первых, если что из современного отечественного славяноведения и пригодится потомкам, то это созданное такими авторами, как Шемякин. Во-вторых, не забывал же он сам наследия своих ушедших учителей и старших коллег, не дал забыть опубликованные им записки русских ученых, побывавших в Сербии за сто лет до него. В шемякинской характеристике одного из них – профессора П.А. Кулаковского, можно узнать самого Андрея Леонидовича с его отношением к современной Сербии, которая так много для него значила: «Он не был идеалистом в отношении сербов и не разделял [...] “либерального славянолюбия” [...] С другой стороны, профессиональный славист... Кулаковский стремился к достоверности, не скрывая при этом симпатий к сербскому народу и живо переживая политические ошибки, допущенные элитой: “Мне иногда бывает в душе тяжело за самих сербов” [...] Такое равнодушие дополнялось у него справедливой критикой политики собственной страны: “Плана у нас нет, цели у нас не осознаны, не определены: в этом беда [...] России помогает лишь народная вера в нее – вера, скажу прямо, которой мы, пожалуй, недостойны”» [13. С. 555].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Шемякин А.Л.* Идеология Николая Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998.
2. *Шемякин А.Л.* Никола Пашич: человек, политик, национальный лидер // Листая страницы сербской истории... М., 2014.
3. *Шемякин А.Л.* Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1918) глазами русских // Русские о Сербии и сербах. М., 2014. Т. II (архивные свидетельства).
4. *Шемякин А.Л.* Post Scriptum // Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. Коллективная монография. М., 2016.
5. *Шемякин А.Л.* Идеология сербского радикализма (1881–1903 гг.): историографические стереотипы и дилеммы // Россия и Сербия глазами историков двух стран. СПб., 2010.
6. *Шемякин А.Л.* Сербия // Югославия в XX веке: очерки политической истории. М., 2011.
7. *Шемякин А.Л.* Россия, Никола Пашич и режим Милана Обреновича в 1883–1889 гг. (в развитие дискуссии) // Меѓународни научни скуп “Русија/СССР и државност Србије/Југославије”. Београд, 2017.
8. *Шемякин А.Л.* Василий Николаевич Штрандтман и его «Балканские воспоминания» // Штрандтман В.Н. Балканские воспоминания. М., 2014.

9. *Шемякин А.Л.* Первая мировая война. Рождение Югославии // Югославия в XX веке: очерки политической истории. М., 2011.
10. *Шемякин А.Л.* Смерть графа Вронского. М., 2002.
11. Митрополит Михаило и Никола Пашић. Емигрантска преписка (1884–1888). Приредио А. Шемякин. Београд, 2004.
12. Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Москва-Белград, 2012. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи. 1878–1917 гг.
13. *Шемякин А.Л.* Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1912) глазами русских // Русские о Сербии и сербах. М., 2014. Т. II (архивные свидетельства).

Д. МИКОЛЕНКО. Страсті за Стамболовим: Болгарське державотворення у 1895–1920 рр. Харків, 2017, 804 с.

Д. МИКОЛЕНКО. Страсти по Стамболову: Болгарская государственность 1895–1920 гг.

DOI: 10.31857/S0869544X0000856-4

Д.В. Миколенко создал фундаментальный труд, оригинальный и восполняющий весьма серьезную лауну, в частности, в украинской болгаристике.

Впечатление производят все компоненты исследования, прежде всего определение его тематики, охватывающей, с одной стороны, значительный временной промежуток болгарской истории конца XIX – первых двух десятилетий XX в., причем под определенным, «стамболовистским», углом зрения, необходимость выявления которого автором детально обоснована, а с другой стороны, крайне сложный комплекс взаимосвязанных и противоречивых событий и явлений внутренней жизни и международного положения Болгарии.

Речь идет об анализе весьма противоречивого пути и эволюции «стамболовистов» и «антистамболовистов», включающем в себя все звенья сложного развития страны: ее хозяйственное развитие во всех его проявлениях, в том числе государственное регулирование, что с точки зрения постановки проблемы в труде Д.В. Миколенко особенно важно; социальную структуру с ее стратификацией и всевозможными пертурбациями; политическое многообразие с частыми перегруппировками и прочими, подчас головокружительными, изменениями и сдвигами; идеологическо-культурные измерения; международные отношения и взаимоотношения с отдельными странами, как ведущими европейскими игроками, так и

соседями, союзниками и соперниками на Балканском полуострове; роль церкви и религии в наследии видного государственного деятеля; место национально-освободительных движений в Македонии, Фракии, Южной Добрудже и на других территориях, население которых было преимущественно болгарским и использовалось Ст. Стамболовым и его наследниками и их политическими противниками как в широко рекламируемых, так и неафишируемых целях.

Работа представляет собой яркое и в то же время тщательное, тонкое исследование всех этих проблем с привлечением разнообразного круга источников. Среди использованных автором источников я бы особо выделил документы из личных архивов болгарских государственных деятелей, обычно редко привлекаемых к такого рода аргументации. Миколенко провел весьма компетентный анализ как источниковой базы, так и существующей исследовательской литературы, который показывает наличие немало числа серьезных работ о Стефане Стамболове и стамболовском движении и наследии (хотя прямо вопрос о его наследии в историографии до автора рецензируемой монографии не ставился) и в то же время существование серьезных лаун, предопределяющих необходимость данной работы.

При этом историография проблемы рассматривается не только как чисто научное явление (именно так подходят

к ней подавляющее большинство авторов историографических обзоров в диссертационных и прочих исследованиях), но и как проявление социально-политической активности и противостояния различных социально-экономических, политических и иных сил.

Монография представляет собой исследование не просто фундаментальное, но ярко творческое. Это проявляется в самых разнообразных аспектах, начиная с четкого определения политического наследия Ст. Стамболова, которое затем плодотворно исследуется в работе. Автор дает оригинальную трактовку методологических основ своей работы. Мне было приятно увидеть, что в соответствующем фрагменте следуют не общие фразы, часто, к сожалению, встречающиеся и перешедшие к современным историкам по наследству от советского прошлого. Миколенко умело и творчески, подчас тонко и остроумно привязывает отдельные элементы методологии работы именно к государственной деятельности Ст. Стамболова и к его разностороннему наследию.

Весьма благоприятное впечатление производит компаративистский подход, а также опрос болгарских специалистов различных гуманитарных специальностей относительно наследия видного болгарского государственного деятеля, который дополняет неоднозначную, но в целом плодотворную оценку, даваемую Ст. Стамболову и «стамболовистам» автором.

В целом высоко оценивая «Страсти по Стамболову» как творческое, фундаментальное и яркое исследование, свидетельствующее об успехах украинской богемистики, я хотел бы отметить некоторые недостатки и просчеты работы. При этом некоторые недочеты являются продолжением достоинств. Я имею в виду, что в исследовании одни и те же проблемы рассматриваются в различных разделах под разными углами зрения, что не только вполне обосновано, но представляет собой определенную новизну в такого рода работах. Однако указанный подход неизбежно ведет к рассказу об одних и тех же событиях. Работа выиграла бы, если бы после подробного рассказа

о данном событии при первом его упоминании автор писал бы далее о нем в двух словах, отсылая читателя к первому случаю. Это, кстати, позволило бы несколько сократить монографию без ущерба для содержания. Ведь нет никакого смысла, например, несколько раз рассказывать о крещении наследника престола Бориса по православному обряду (с. 252, 480–481, 517).

При всей аналитической яркости рецензируемой монографии в ней подчас встречается и простое перечисление: автор, видимо, боясь что-то пропустить, называет те или иные акты (в частности законы) без их классификации, анализа условий появления и смысла, без выявления степени важности и значения для развития страны.

Несколько раз в работе идет речь об «авторитарных методах» управления Ст. Стамболова, но автор так и не определяет, являлся ли его режим авторитарным по своей сущности. Если бы автор на протяжении всей работы исходил из таковой констатации, возможно, некоторые его выводы звучали бы более определенно.

В монографии можно встретить и не вполне четкие определения того или иного процесса. Так, концентрация производства в Болгарии ни в коем случае не была проявлением монополизации (которая, впрочем, как и в некоторых других странах, так и не произошла), несмотря на тщетные попытки В.И. Ленина использовать факт концентрации производства для обоснования своего лозунга «последней стадии» капитализма, так и оставшегося голословным.

Отмеченные недочеты и неточности ни в коем случае не снижают значения труда Д.В. Миколенко. В результате длительного и кропотливого исследовательского поиска он создал работу, одновременно аналитическую и обобщающую, основанную на богатейшей документальной основе, учитывающую огромную и разнообразную историографию проблемы. Исследование является безусловным успехом ученого, которого можно поздравить с созданием ценного научного труда.

© 2018 г. Г.И. Чернявский

Э. ДУРАЧИНСКИЙ. Сталин: создатель и диктатор сверхдержавы. М., 2015. 823 с.

DOI: 10.31857/S0869544X0000857-5

В хорошо известной историкам книжной серии издательства «РОССПЭН» «История сталинизма» при поддержке Фонда «Российско-польский центр диалога и согласия» появился русский перевод обширного проблемно-биографического исследования известного польского ученого старшего поколения Эугениуша Дурачинского. В 1999–2005 гг. он работал в Москве постоянным представителем Польской академии наук при РАН, в этот период появился и сам замысел будущей книги, и обширный материал для нее, представленный десятками томов документальных источников и трудов на сталинскую тему. Работа над книгой заняла у профессора Дурачинского 2,5 года, с начала 2006 до июля 2008 г., а польский вариант монографии увидел свет в 2012 г.

Важно отметить, что более чем 800-страничная работа изначально не ставит перед собой задачу всесторонне охватить все сюжеты, связанные с жизненным путем и наследием И.В. Сталина, но при этом автор учитывает то обстоятельство, что до него в современной польской историографии биографические труды об этой немаловажной для Польши исторической фигуре фактически отсутствовали, а лакуна заполнялась переводами работ западных и российских авторов. Дурачинский вполне резонно постарался представить польский взгляд на Сталина, отметив, что его «работа посвящена не сталинизму, а внутренней и внешней политике диктатора» (с. 801). В 19 главах книги наряду с политикой, естественно, нашлось достаточно места и сталинской биографии, при

этом польский историк постарался представить свое видение наиболее обсуждаемых сюжетов «сталинианы»: от обстоятельств появления на свет Сосо Джугашвили до смерти генсека в марте 1953 г. Автор благоразумно перестраховался, уже во вступлении поставив перед читателями вопрос, верным ли оказался избранный им «способ научно-популярного и местами журналистского подхода к столь важной для истории России проблеме» (с. 8). Историк с высоты своего научного опыта хорошо понимал, что без подобных «популярности» и «журнализма» не в состоянии обойтись ни один биограф Сталина, и заранее призвал не судить его строго за общие места и за использование в тексте выбранных мест из публицистики на сталинскую тему, столь многочисленной еще со времен перестройки в СССР.

Впрочем, для российского читателя книга Дурачинского интересна отнюдь не общими местами. Польский исследователь сумел представить характерный и весьма любопытный срез тенденций рассмотрения сталинских проблем в русскоязычной и западной традиции по состоянию на 2006–2007 гг. Этот хронологический рубеж при обращении к работе нужно обязательно учитывать, так как за прошедшее с тех пор десятилетие появилось немало новых публикаций документов и трактовок: историку показалось даже, что даже термин «сталинизм» «сегодня в России [...] используется не слишком часто» (с. 152).

Необходимо присмотреться и к тому, что для автора подспудно существуют

сразу три подхода к Сталину: 1) впитанный выпускником исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова 1955 г. еще в юношеские годы в послевоенной Польше и закреплённый в годы учебы в СССР; 2) приобретенный молодым историком в 1956 г. на волне хрущевского разоблачения «культы личности» и растянувшегося на три десятилетия фактического запрета на исследование личности Сталина в советской и польской историографии; 3) наблюдавшийся уже зрелым исследователем со второй половины 1980-х годов, когда Сталинская тема стала востребованной, а со временем обрела и широкую источниковую базу для изучения множества аспектов. В ряде случаев Дурачинский не скрывает своей симпатии к работам покойного Д.А. Волкогонова, давая тем самым понять, что некогда, в первой половине 1990-х годов, польскому историку было вполне достаточно и тех сведений о сталинской биографии и политике, что увидели свет к тому времени. Но приехав в Москву в 1999 г. автор оказался искренне поражен богатством и разнообразием новых фактов и точек зрения, и это свое удивление постарался воплотить в обширное повествование.

Разброс сюжетных предпочтений польского исследователя достаточно широк. Автор с первых страниц работы пытается вникнуть во множество деталей сталинской биографии и мировоззрения своего героя, не останавливаясь перед очевидными препятствиями типа слабой разработанности в негрузиноязычной историографии проблем, имеющих отношение к формированию Сталина как революционера в родных местах. Дурачинский, как правило, осторожен с категоричными формулировками и порой дает читателю право выбора даже в ситуациях, где прямо напрашивается очевидный ответ — как в истории с ростом революционера Джугашвили в 1904 г.: полицейские источники с шагом менее чем в полгода оценили длину тела будущего вождя сначала в 171, а затем в 164 см (дотошный автор привел и третью цифру — 170 см, содержащуюся в посмертных медицинских свидетельствах) (с. 45).

Освещая процесс превращения молодого Сталина из «подмастерья» революции в ее «слугу», историк делает меткое замечание по поводу утверждения Р.А. Медведева времен перестройки о том, что «Коба и революция не знали друг друга», оценивая это мнение как «довольно эффективное для публицистики, но весьма далекое от исторической правды» (с. 49). И чем дальше читатель погружается в текст, тем чаще ему приходится иметь дело именно с подобной двойственностью изложения, свойственной уже самому Дурачинскому. Будучи на самом деле далек как от взглядов «авторов разоблачительных книг», во множестве написанных в России и на Западе, так и от подходов своих более молодых коллег по польской исторической науке (таких, например, как С. Дембский и М. Корнат), автор обильно (и часто даже не к месту) употребляет привычные современным полякам антисталинские ярлыки — «диктатор», «император», «тиран», «политический монстр», «великий преступник», упоминает о «лживой сталинской пропаганде» и пр., но параллельно старается сформулировать точки зрения, адекватные именно «исторической правде».

Собственно, последнее обстоятельство и делает книгу полезной и в русском переводе, особенно те главы, что посвящены близким исследовательскому профилю Дурачинского темам, связанным с событиями накануне и в ходе Второй мировой войны. Так, предпосылки нового глобального военного столкновения историк логично усматривает задолго до конца 1930-х годов, отмечая высказывания «хозяина Кремля» еще середины 1920-х о неизбежности такого развития событий и необходимости подготовки к нему и сопоставляя эту точку зрения с высказываниями политических лидеров II Речи Посполитой: «В отличие от польского политика полковника Юзефа Бека, который считал, что «вторая мировая война в жизни одного поколения это многовато» и что до этого не дойдет, Сталин имел другое мнение [...] Он принадлежал к не столь многочисленному кругу европейских политиков, которые уже в двадцатые

годы не исключали возможности нового крупного вооруженного конфликта» (с. 203).

Дурачинский не склонен считать возвышение преемника Ленина в 1920-е годы случайностью: во главе советского строя встал не «неотесанный, хотя и очень амбициозный простак-провинциал с Кавказа» и не «наиболее выдающаяся посредственность», а действиями его руководила отнюдь «не приписываемая Сталину некоторыми авторами паранойя» (с. 152, 205). От персональных качеств «кремлевского горца» автор вполне последовательно абстрагируется: «Лично я не думаю, что политика будущего хозяина СССР, который с успехом превратил слабое в начале двадцатых государство в сталинскую супердержаву сороковых, можно объяснять только его чертами характера или паранойей — как хотели бы некоторые авторы. Возможно, на почве психологии такого рода анализ был бы возможен, но автор не принадлежит к сторонникам этой школы» (с. 53). Главными сталинскими качествами на пути к власти и на вершине ее историк называет «холодный прагматизм и дальновидность в сочетании со стремлением к культуре единовластия» (с. 204).

«Тиранство», по мнению польского автора, самоцелью при этом не было, оно составляло неотъемлемую часть масштабных неоимперских амбиций в новой советской упаковке: «Возвращение новой России на позицию, которую занимала Россия царская до своих поражений в Первой мировой войне, я бы назвал главной целью политики вождя большевиков. И именно это обстоятельство, а также жажда абсолютной власти лежали в основе действий Сталина в годы, когда он боролся с оппозицией и “строил социализм в одной стране”» (с. 204). Дурачинский полагает, что сталинская «революция сверху», помимо этого, предполагала и попытку ускоренными темпами «вырваться из исторической отсталости», именно поэтому были задуманы и реализованы «масштабные программы перестройки экономики и социальной структуры: коллективизация сельского

хозяйства, индустриализация и урбанизация в сочетании с всеобщим доступом к образованию всех уровней и достижениям культуры, социальное продвижение городской и сельской молодежи, повсеместная смена элит» (с. 204).

Подобные подходы, как показывает автор, Сталин применял и к послевоенной Польше — он был не только автором ее границ, сохранившихся и по сей день, но и закрепленного конституцией 1952 г. названия «Польская Народная Республика» (вместо предлагавшейся Б. Берутом «Польской Социалистической Республики»). «Государь» внес более 50 правок в проект упомянутой конституции, вписав туда среди прочего и упоминание о бесплатном здравоохранении (с. 780–781). Характерно, что помимо традиционных для стран «народной демократии» упоминаний о репрессивном аппарате и всеобщем конформизме Дурачинский называет и те черты реальности, о которых в современной Польше вспоминают все более неохотно: «Добавлю от себя, что кинозалы и театры не пустовали, что быстро расширялись ряды читателей газет и книг, общеобразовательные и другие школы трещали по швам, университеты были переполнены молодежью, значительная часть которой до 1939 года могла об этом только мечтать. Так было на родине сталинизма, а также в странах “внешней империи СССР”. Бенефициары навязанного извне строя были в основном выходцами из рабочей и крестьянской среды, не слишком процветающей интеллигенции, “трудящейся”, как ее тогда называли. Значительная их часть, возможно, даже большинство, в конце сороковых и первой половине пятидесятых годов довольно быстро и в возраставшем количестве становилась основной идейной частью правящей элиты» (с. 772–773).

Это важное замечание изрядно девальвирует привычные современным полякам авторские упоминания о восточно-европейских «обществах, поработанных диктатором из Кремля» и «навязанном извне строе». Именно на фоне отмеченных тенденций стоит воспринимать тезис историка о противниках новых властей, восхваление которых как «проклятых

солдат» приняло в современной Польше масштабы государственной идеологии: «Новая подпольная Польша не имела сотен тысяч бойцов сопротивления, как ее предшественница в 1939–1944 г., продолжателем дела которой она была, тем не менее она представляла собой значительную силу, однако обреченную на поражение» (с. 771).

Мотив «обреченности» становится ключевым при характеристике перспектив Польши в соприкосновении со «сверхдержавой» Сталина — как в 1930-е годы и в годы Второй мировой войны, так и после 1945 г. Именно поэтому автор в нескольких местах своей работы творчески развивает известный в публицистике тезис о сравнении России с сохой и атомной бомбой: «Берлинская виктория и финал дальневосточной кампании стали символами этой великой победы, которую диктатор поразительно умело и чрезвычайно эффективно использовал, создав советскую сверхдержаву и “внешнюю” империю СССР и тем самым воздвиг себе памятник властителя более успешного, чем Петр Великий и Екатерина II, не говоря уже об Иване Грозном» (с. 647–648, 813).

Эта «величальная», объявляющая Сталина самым выдающимся и притом успешным вождем всея российской истории, конечно же, предельно дискуссионна с точки зрения отечественного прошлого, но с позиций польского

взгляда на проблему она по-своему логична. Аксиоматично избрав СССР и его многолетнего руководителя обстоятельствами непреодолимой силы, профессор Дурачинский жестко пресекает тем самым весьма популярные в нынешней польской традиции и объективно антиисторические дискуссии о неких альтернативах событиям сентября 1939 г., военных лет и ялтинско-потсдамскому миропорядку вплоть до фантазий о том, как Гитлер и маршал Э. Рызд-Смиглы вместе принимают парад с трибуны захваченного этими гипотетическими союзниками Мавзолея. Очевидное преувеличение роли сына сапожника из Гори в качестве демиурга советского строя вплетено польским автором в сложную ткань повествования в том числе и затем, чтобы оттенить объективную значимость своего персонажа, которую сложно отрицать даже самым рьяным его критикам. Сталин, по мысли его польского биографа, относится «к очень узкому кругу политиков, навсегда оставивших свой след в истории XX века» (с. 813). Прочное осознание этой внешне простой истины способно придать сталинской теме в польской исторической науке новые перспективы при всех понятных издержках политического свойства. Хрущевская традиция обсуждать «культ личности» в отсутствие самой этой личности теперь не актуальна и в Варшаве.

© 2018 г. Ю.А. Борисенко

Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943—декабрь 1945. Т. 2. Ч. 1. Варшавское восстание. Июль-ноябрь 1944 г. Документы. М., 2016. 828 с.

DOI: 10.31857/S0869544X0000858-6

История восстания в Варшаве в августе-октябре 1944 г. тема для российских ученых не новая, но в отличие от многих иных она имеет специфическую документальную базу. Долгое время немногочисленные отечественные историки-полонисты, зная историю восстания по зарубежным источниками и научной литературе, не имели возможности проверить и сопоставить сведения и утверждения иностранных коллег из-за отсутствия подлинных ключевых, в первую очередь, советских, да и польских, находившихся на специальном хранении, документов. Они были вынуждены отделяться общими фразами в коллективных обобщающих работах и юбилейными статьями в широкой печати в очередное десятилетие восстания. Это давало простор для весьма одностороннего, выборочного освещения темы публицистами и другой печатающей публикой.

Лишь в 80–90-е годы XX в. положение дел с доступом ученых к соответствующим фондам российских архивов и специальным хранениям в библиотеках стало постепенно изменяться к лучшему. В различных научных журналах и журналах общественно-политического профиля публиковались и продолжают публиковаться небольшие подборки советских и польских документов или отдельные документы. Они прямо или косвенно относятся к истории героической попытки повстанцев и жителей города освободить столицу Польши от гитлеровцев. Однако в тени оставалась главная цель командова-

ния Армии Крайовой (АК), представлявшей собой разные по численности, плохо вооруженные партизанские отряды. Она состояла в том, чтобы исключительно своими силами успеть установить власть представителей польского правительства, находившегося в Лондоне. В том, что вступление в город подразделений Красной армии произойдет вот-вот, большая уверенность была уже в июле 1944 г., хотя в «узком» командовании АК на этот счет имелись и колебания, но возобладало желание, если не победить, то создать ««советам» политические трудности». Этот абсолютно нереальный замысел, как известно историкам, закончился полным поражением повстанцев, трагической гибелью сотен тысяч варшавян и разрушением гитлеровцами Варшавы.

Лишь с середины 90-х годов XX в. — начала нового века открылись возможности для документального обоснования этого тезиса. Имеется в виду, пожалуй, первое достаточно фундаментальное научное издание документов по истории Великой Отечественной войны под общим названием «Русский Архив», извлеченных из фондов Архива президента РФ и Центрального архива Министерства обороны. В двух его томах («Великая Отечественная. Документы и материалы. Т. 14 (3–1). СССР и Польша. 1941–1945. К истории военного союза». М., 1994 и «Великая Отечественная. Т. 14 (3–2). Красная Армия в странах Центральной и Северной Европы и на Балканах. Документы и ма-

териалы». М., 2000) представлен специальный блок советских военно-дипломатических и военных документов, отдельных немецких и несколько польских документов времени восстания.

Несомненно значимым был выход из печати в 2007 г. двуязычного, подготовленного отечественными и польскими архивистами, сборника документов «Варшавское восстание 1944 года в документах из архивов спецслужб // Powstanie Warszawskie 1944 w dokumentach z archiwów służb specjalnych. М.; Варшава, 2007. Пожалуй, это единственное издание, где размещены десятки допросов повстанцев, взятых в плен и немедленно допрошенных гитлеровцами, а также допросы более позднего времени польских офицеров — участников восстания, и гитлеровских генералов, находившихся в советском плену. Подборка документов весьма специфичная, но она позволяет исследователю узнать и понять атмосферу в городе в дни восстания, эволюцию настроений жителей от воодушевления к падению энтузиазма с течением времени и удаления, а не приближения к цели повстанцев, изнуренных голодом и нехваткой вооружения. Весьма ценна информация об «охвате» польского проправительственного подполья и коммунистических структур немецкой агентурой, что позволяло гитлеровцам быть в курсе намерений и действий подпольщиков.

Совершенно иной должна была стать и стала публикация «Варшавское восстание. Июль-ноябрь 1944 г.», вышедшая из печати в конце 2016 г. Это единственный тематический том (Т. 1. Ч. 1) из всего документального проекта «Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 — декабрь 1945 г.», который осуществляет Федеральное архивное агентство при участии ряда ведомственных архивов и Института славяноведения РАН. Объясняя выход первоначально этого тома публикации, составители обоснованно пишут: «Непрекращающиеся споры свидетельствуют о необходимости дальнейшего изучения проблемы и введения в научный оборот дополнительного комплекса документов. Важной задачей остается систематизация наиболее содержательных и ценных документов по исто-

рии восстания, в том числе и ранее опубликованных, в одной книге». Именно на сосредоточение в одной книге наиболее ценных документов из разных отечественных и польских архивов и были направлены главные усилия ее составителей, что удалось сделать. Книга будет на долгие годы востребованной учеными и всеми интересующимися историей читателями и, несомненно, займет свое достойное место на книжных полках.

За рубежом, включая польские издания, вышедшие в 1990-е годы, а также в современной Польше, где изданы сотни мемуаров и сборников документов, написаны тысячи статей и монографий, лейтмотивом практически всех остается тезис: повстанцы, вступившие в борьбу против гитлеровцев, были сознательно брошены Советами на разтерзание нацистов. Они не получали помощи от Красной армии, специально по приказу Сталина прекратившей наступление на Варшаву, дабы руками гитлеровцев был уничтожен цвет Армии Крайовой, поднявшей восстание, и польской интеллигенции большинство представителей которой, по свидетельству повстанцев, покинуло город в первые дни восстания и т.д.

На характере и полноте освещения событий по обе стороны границы сказывалось то обстоятельство, что не были рассекречены важные исторические документы советского происхождения, которые оставались неизвестными исследователям. Теперь, в новом издании документов «Варшавское восстание», эта лакуна во много заполнена, в том числе и рассекреченными документами из семи российских архивов (ГАРФ, АП РФ, ЦА МО РФ, РГАСПИ, РГВА, АВП РФ, Архива службы внешней разведки (СВР) РФ). Составители уверяют, что для публикации отбирались практически все значимые документы о событиях в Варшаве и вокруг нее в августе-октябре 1944 г. Используются материалы и польского Архива Акт Новых (AAN). Насыщение разными документами из российских и польских архивохранилищ — одно из существенных преимуществ нового издания.

Создатели отдельной книги документов по истории восстания в Варшаве, как и всего вышеназванного многотомного документального проекта, историки и архивисты, видели свою задачу в том, чтобы не ограничиваться лишь неизвестными ранее архивными документами, но расширить поиск полезных и с научной точки зрения необходимых материалов. Широко просмотрев целый ряд фундаментальных изданий, созданных предшественниками, они произвели отбор и включили в корпус отдельной книги по истории восстания наиболее существенные из них.

Специально надо отметить, что впервые в российской историографии в таком объеме российская публикация содержит польские материалы из IV тома многотомного, наиболее обширного издания «Армия Крайова в документах», которая публиковалась в Великобритании в 70-е годы и переиздана в Польше в 90-е годы XX в. Этот том специально посвящен времени восстания. Он состоит, в основном, из почти ежедневной шифр-переписки между штабом Главнокомандующего Польскими силами збройними, а также польским правительством в Лондоне и находившимися в Варшаве командованием АК и политическим руководством подполья.

В результате усилий большого коллектива архивистов и составителей рецензируемого тома среди 411 опубликованных в книге документов треть новые, ранее не известные исследователям. Наибольшее число впервые публикуемых документов поступило из ЦАМО и АВП РФ. Почти четверть документов (95) польского и отдельные немецкого происхождения. 48 польских документов впервые публикуются в переводе на русский язык. Полученные материалы организованы в хронологическом порядке по дням с 17 июля по 25 ноября 1944 г. и распределены по трем разделам: 1. Накануне восстания; 2. Восстание и 3. После восстания. Имеется также «Приложение» из документов более позднего по хронологии периода, но касающихся истории восстания и его участников. В результате сборник документов приобрел характер летописи восстания. Сообщая день за днем, как действовало командование

восстанием, что происходило в городе на баррикадах, на линии советско-германского фронта, как к происходящему относились жители города, в издании воспроизводится картина борьбы рядовых повстанцев против немецко-фашистских оккупантов, положение на фронте под Варшавой, отчетливо просматриваются политические цели руководителей организаторов восстания (борьба за захват власти до прихода советских войск).

Изложение ведется «сверху вниз»: от материалов международного и государственного плана, документов, авторами которых были президенты, премьер-министры, советские командующие фронтами, постепенно спускаясь до действий отдельных участников событий. Документы «Приложения» имеют аналитический или более обобщенный характер. Обращу внимание на извлечение из отчета губернатора Л. Фишера, из послевоенных собственноручных показаний находившихся в советском плену военного коменданта Варшавы, генерал-лейтенанта ВВС Германии Р. Штагеля, из показаний арестованного советской контрразведкой весной 1945 г. польского генерала Л. Окулицкого, входившего в узкое командование восстанием, и из собственноручных показаний полковника Ф. Германа, принимавшего участие с польской стороны в переговорах с немецкой стороной о капитуляции повстанцев.

Публикуемые документы в полной мере отвечают на сакральные вопросы околонучной публицистики и современной польской историографии: могла или не могла Красная армия в период восстания штурмовать Варшаву; помогал ли и в какой мере Советский Союз повстанцам? Эти вопросы нередко задают далекие от научных дискуссий граждане двух стран. Составители публикуют все 25 ежедневных, а то и дважды в сутки, записей переговоров по прямому проводу члена Военного совета 1-го Белорусского фронта генерала К.Ф. Телегина с заместителем начальника политуправления Красной армии И.В. Шикиным (до сих пор исследователям были известны записи только шести дней – 16, 22, 25 августа и

5, 6, 10 сентября). На их основе составлялись ежедневные донесения Верховному главнокомандующему И.В. Сталину, который уделял восстанию особое внимание, что подтверждается ответами на послания ему, прежде всего, главы английского кабинета У. Черчилля. С сопутствующими предварительными документами эти материалы максимально полно восстанавливают картину восстания, перемены в отношении к нему советского руководства, а также изменение характера самого восстания и расстановку политических сил в городе, перемены в тактике немецких карателей под командованием обергруппенфюрера СС Э. фон дем Баха.

Документы предваряет предисловие, практически монографическая статья авторства А.Ф. Носковой и М.И. Мельтюхова: «Варшавское восстание 1944 г.: замысел и итоги» (стр. 642). Она иллюстрирована схемой танкового сражения под Варшавой с 1 по 4 августа 1944 г. Читатель может по дням проследить изменения линии фронта в прорыве 2-й танковой армии 1-го Белорусского фронта. Советские войска, ослабленные предыдущими боями и не имевшие воздушного прикрытия, отошли к линии фронта, которую Красная армия достигла к 31 августа. По признанию начальника штаба гитлеровских сухопутных войск генерала Х. Гудериана, ликвидированный советский «клин» составлял 30–40 км.

Публикуемые документы снабжены обширными примечаниями (с. 733–771) и справочным аппаратом, которые, несомненно, конкретизируют и расширяют знания заинтересованных исследователей о событиях, происходивших в Варшаве и на международной арене вокруг вопроса о восстании в августе – начале октября 1944 г.

К большой работе составителей этого издания документов и авторам комментариев можно предъявить некоторые претензии. Непонятно, например, почему Акт о капитуляции повстанцев публикуется не по польского оригиналу, а по заимствованному из совместного российско-польского сборника документов 2007 г. о Варшавском восстании, где он отнесен к документам немецкого происхождения.

Следовало бы объяснить, почему под Актом о капитуляции стоят подписи с немецкой стороны самого командующего немецкими силами в Варшаве, а с польской – уполномоченных командующим АК польских полковника и подполковника, а не самого командующего АК, который лишь подписал информацию и переслал текст Акта о капитуляции польскому правительству в Лондон. Упоминание в примечании о подписании документа самого Коморовского, вводит читателя в заблуждение. В работе есть на этот счет верное утверждение «без вариантов» (с. 35), но оно в предисловии, и читатель может оставить его без внимания.

Надо быть аккуратнее с публикацией сведений о численности Армии Крайовой, необходимо было объяснить, на основании каких сведений командование АК определяло количество ее участников, направляло эти сведения польскому правительству в Лондон, от которого они поступали его западным союзникам. Известно, например, что первый командующий АК генерал С. Ровецкий не давал в Лондон сведений о численности солдат АК, ибо считал эту цифру переменной, не соответствующей действительному положению дел в конкретный момент. Главнокомандующий польскими «лондонскими» вооруженными силами генерал К. Соснковский сообщал союзникам численность АК в 150 тысяч человек. В двух примечаниях – 24 и 46 о попытке захватить Вильно/Вильнюс до подхода Красной армии численность сосредоточенных под городом и атаковавших город отрядов под командованием полковника А. Жижановского («Вилька») указана один раз 5,5–6 тыс., другой – 3,1 тыс. бойцов без объяснения причин этих расхождений.

Есть и другие мелкие недочеты. Можно было бы отметить, что сводный полк Русской освободительной народной армии (РОНА) в Варшаве находился 10 дней, с 10 по 20 августа 1944 г., и был выведен из города за «неблагонадежность», отметился массовым террором жителей столицы Польши и разложением личного состава. Важно было бы подчеркнуть другое: если советский суд воздал должное офицерам полка РОНА за преступления, в

том числе и в Варшаве, то немецкие каратели, оказавшиеся на территории западных зон оккупации Германии, за свои действия в этом городе к ответу привлечены не были. Только самого жестокого из них — оберфюрера СС О. Дирлевангера опознали во французской зоне освобожденные из лагерей польские военнопленные и казнили патриоты, не ожидая официального суда.

Многих недочетов, замеченных в книге, можно было бы избежать, если бы в коллективе подготовителей сборника документов было больше квалифицированных полонистов, занимающихся рассматриваемой эпохой. Это относится и к именованному указателю, хотя надо признать, что в Москве трудно «раскрыть» всех польских нелегалов, порой один и тот же псевдоним, например, командующего отрядами Армии Людовой в восставшей Варшаве Ю. Малецкого (псевдоним — «Сенк») использовали два, а то и три человека.

При выпуске следующих книг по документальному проекту «СССР и польское военно-политическое подполье» предлагаю обратить внимание на типографскую обработку тома, хотя бы частично учитывать возможности читателя по освоению напечатанного материала, подумать об изменении шрифтов и межстрочных интервалов. В опубликованном томе порой страница текста превращается в сплошное серое пятно. Может быть, с учетом доступности и удобства пользования книгой для читателей, в комментариях отмечать не только номер комментария, но и к какой странице текста он относится: опытный и профессиональный читатель начинает читать книгу с ее аппарата.

Подводя итоги, можно с уверенностью констатировать, что составители сборника документов по истории Варшавского восстания весьма обогатили отечественных и зарубежных историков знаниями о «тайнах» восстания. Это обогащение прошло по многим, особенно проблемным темам его истории.

Показано реальное положение и состояние советских войск в августе-сентябре 1944 г. в районе Варшавы. Во всяком случае в объеме, достаточном для штатского исследователя. Введен в научный оборот новый по характеру комплекс документов Военного совета 1-го Белорусского фронта. Российскому читателю представлен значительно пополненный корпус дипломатических советских, английских, американских и польских документов. Правда, публикуемыми в книге документами едва намечено формирование политического течения, альтернативного польскому правительственному подполью, которое заявило о признании власти Крайовой рады народной и Польского комитета национального освобождения. Документы ПКНО даны ограниченным числом. Но развитие во время восстания внутри польского политического процесса борьбы за будущую власть, вероятно, не входит в намеченные главные задачи как этого тематического тома, так и всего проекта «СССР и польское военно-политическое подполье» в целом.

Наконец, что непременно надо отметить, публикуя подлинные документы польского правительства в Лондоне, командования АК, военно-политического руководства подпольем, создатели книги представили планы и намерения его организаторов не из вторых, а из первых, польских, «рук», показали, что из себя представляла АК «в деле», а не в отчетах, направлявшихся из Варшавы в Лондон. Они вполне обоснованно выражают надежду, что опубликованные документы будут способствовать восстановлению исторической правды, послужат дальнейшему раскрытию истории героической борьбы повстанцев против гитлеровцев в Варшаве и ее объективному освещению. Можно повторить — научная общественность получила ценные источники, способствующие ликвидации еще одного «белого пятна» в истории советско-польских отношений времени Великой Отечественной войны.

© 2018 г. В.С. Парсаданова

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДРЕВЛЕПРАВОСЛАВИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

21 ноября 2017 г. в Варшаве состоялась международная научная конференция «Древлеправославие: история и современность». Организатором события был Институт русистики (входящий в состав Факультета прикладной лингвистики) Варшавского университета. Главной целью конференции, по словам организаторов, был обмен мнениями и обсуждение вопросов, связанных с историей, культурой и нынешней ситуацией старообрядцев как в России, так и за ее пределами.

С приветственным словом к участникам конференции обратилась директор Института русистики *М. Домбровская*, которая отметила, что данная конференция является важным научным событием, позволяющим обмениваться мнениями ученым из разных стран, не только лингвистам, но и представителям других дисциплин. Главный организатор — *А. Яскульский*, доцент Института русистики, поздравил участников с открытием конференции и подтвердил, что ввиду целого ряда факторов (им были названы, в том числе, сложная история и непростое правовое положение старообрядцев, их особая культура и менталитет, оппозиционный характер движения, а также наличие староверской диаспоры во многих странах мира) феномен древлеправославия вызывает большой интерес исследователей. Организаторами конференции были предусмотрены следующие тематические блоки: 1) история старообрядческих общин; 2) искусство и письменность; 3) фольклор, традиции, менталитет, память; 4) языковая и культурная ситуация старообрядческих общин за пределами России.

Конференция состояла из четырех секций. Первую открыла *Е.И. Дергачева-Скоп* из Новосибирского государственного университета, выступившая с докладом «Древлеправославие в Сибири: археографическое открытие 60-х годов XX в.». Были представлены книжные произведения XI–XVII вв., найденные в западных и восточных регионах Сибири. Она поделилась историей археографических экспедиций 1960-х годов, а также их результатами; обратила внимание на проблему типологии видов чтения и вопросы функционирования древнерусских произведений в старообрядческих общинах; подчеркнула также, что, пользуясь книгами, старообрядцы защищали свою веру, закрепляли догмы и моральные принципы, что книги всегда были для них предметом особого почтения.

Следующим участником первой секции конференции был *А.Ю. Бородихин* (ГПНТБ СО РАН). Им был прочитан доклад «Книжные раритеты старообрядческих библиотек (по материалам археографических экспедиций Новосибирского университета и ГПНТБ СО РАН в третьем тысячелетии)», продолживший тему сибирской археографии. Ученый обратил внимание на особый характер исследований, заключающийся в том, что в XVIII–XIX вв. было собрано большинство древнеславянских книг. Он подчеркнул также значение Новосибирского государственного университета и ГПНТБ СО РАН в Новосибирске как важных центров современных исследований по древлеправославной литературе.

Е.И. Дергачева-Скоп, Т.Н. Илюшечкина и А.Ю. Бородихин выступили с докладом «Сводный каталог рукописей, старопечатных и редких книг Сибири и Дальнего Востока в контексте археографических разысканий в общинах старообрядцев».

Ученые представили историю, характеристику и роль современного каталога рукописей древлеправославной литературы, а также рассказали о перспективах развития книжной коллекции.

Е. Потехина из Варминьско-Мазурского университета в Ольштыне, прочитавшая доклад «Язык старообрядческих текстов нового времени в свете проблемы церковнославяно-русской диглоссии», сосредоточилась на книжной коллекции, формировавшейся в XIX в. в Войновском монастыре. Опираясь на концепцию Чарлза Фергюсона, Потехина приблизила толкование термина «диглоссия», проследила три периода развития данного явления, а также представила типологию анализируемых текстов.

Последним участником второй секции была *Й. Ожеховская* из Варминьско-Мазурского университета в Ольштыне, выступившая с докладом «Старообрядческие азбуки. Традиции и новации». Она представила историю рижской азбуки, ее характеристику и традиции создания букварей.

Вторую секцию открыла *И.С. Трояк* из ГПНТБ СО РАН в Новосибирске, прочитавшая доклад «Изучение старообрядчества в России: обзор публикаций 2001–2016 гг. (по данным электронного каталога и библиографических баз данных ГПНТБ СО РАН)». И.С. Трояк проанализировала и перечислила научные публикации, особое внимание уделяя наиболее популярным авторам и издательствам, выпустившим книги о старообрядчестве.

Следующий участник – *Ст. Пастушевский* из Университета Казимира Великого в Быдгоще прочитал доклад «Окружничество и неокружничество – феномен древлеправославной дискуссии о ценности». Ученый представил историю спора, современные центры окружничества и неокружничества, а также специфику и характер этого явления.

Д. Евдокимов из Университета Адама Мицкевича в Познани и *М. Глушковский* из Университета Николая Коперника в Торуні представили свои исследования в докладе «Проект сопоставительного анализа идентичности старообрядцев в Европе и Америке». Они назвали составные элементы *идентичности* с точки зрения культуры, антропологии, религии, а также определили, в чем заключается специфика идентичности этноконфессионального меньшинства.

Последним участником второй секции был *М.М. Макарецев* из Института славяноведения РАН, прочитавший доклад «Параметры идентичности старообрядцев Польши по данным автогенерируемых описаний». Ученый приблизил толкование понятия *идентичность*, опираясь на исследования М. Бухольц и К. Холл, а также перечислил ценностные факторы, с помощью которых можно описать данную группу.

Третью секцию конференции открыл *Р.А. Майоров* из Государственного Исторического музея в Москве, прочитавший доклад «Старообрядцы-поповцы в современной Прибалтике: история становления Свято-Аввакумовского прихода в городе Екабпилс (Латвия)». Ученый рассказал об истории формирования поповских общин в Латвии, начиная с XX в., а также о жизни и деятельности современных староверческих наставников и отцов. Он также обратил внимание на сотрудничество поповских и беспоповских общин, на их отношения и функционирование.

Й. Панасюк из Института славистики ПАН в Варшаве выступила с докладом «Обычаи старообрядческой общины села Тарбагатай и его окрестностей (Восточная Сибирь)». Она описала особенности старообрядческой культуры в Тарбагатае и Большом Куналее, а также рассказала о поляках, проживающих в Восточной Сибири, также упомянула о разнообразных аспектах жизни старообрядцев, включая их культурную деятельность (создание музеев, музыкальных групп).

О.Г. Ровнова из Института русского языка РАН, прочитала доклад «Язык старообрядцев-“синьзянцев” во времени и пространстве: Казахстанский Алтай и Южная Америка». О.Г. Ровнова упомянула также о значительной этнографической экспедиции на Бухтарму, проведенной в начале XX в., а также об издании «Бухтарминские старообрядцы» (1930).

На последней секции были зачитаны доклады, посвященные языковой ситуации русских староверов в иноязычном окружении, а также конкретным диалектологическим вопросам. Докладчиками были названы некоторые особенности функционирования русских говоров старообрядцев в иноязычном окружении. *Т.С. Ганенкова*, представляющая Институт славяноведения РАН, в докладе «Социолингвистическая ситуация молодого поколения старообрядцев в Латгалии» рассмотрела социолингвистическую ситуацию, в которой растет молодое поколение старообрядцев Латгалии, вызываемые ею эффекты, а также рефлексии информантов на темы школьного образования, двуязычия, функционирование латвийского языка, литературной и диалектной форм русского языка.

Д. Пасько-Конэчняк из Торунского университета им. Николая Коперника представила доклад «Выражение временных отношений в русском говоре старообрядцев, проживающих в регионе Сувалки», в котором рассмотрела некоторые особенности выражения темпоральных отношений в говоре староверов Польши. Особое внимание было уделено разным темпоральным значениям, которые в упомянутом диалекте выражаются с помощью деепричастий.

М. Зюлковская-Мувка, сотрудник Этнографического музея в Торуне, в докладе «Фамилии польских старообрядцев, мотивированные названиями профессий» коснулась вопросов, связанных с антропонимической системой староверов Польши, сосредоточиваясь на фамилиях, образованных от названий разных видов деятельности, а также на словообразовательных средствах, с помощью которых они образуются.

Последний доклад, зачитанный *А. Павлячик* (Университет им. Николая Коперника) и *А. Яскульским*, был посвящен довольно малоизученному вопросу, каковым является функционирование в говоре староверов Польши союзов и союзных слов. Особое внимание было уделено таким употреблением союзов, которые – по мнению авторов – представляют собой результат влияния польского языка.

В заключение хотелось бы поблагодарить организаторов за их инициативу провести конференцию, посвященную древлеправославию, а также выразить надежду, что столь интересные научные встречи будут продолжены. Результаты исследований ученых, представленные во время конференции, показали, что тема старообрядчества является актуальной и важной. Сомнения, замечания и вопросы, выраженные во время дискуссий после тематических заседаний, свидетельствуют о том, что исследования данного феномена должны быть продолжены.

© 2018 г. *А. Гач*

DOI: 10.31857/S0869544X0000859-7

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АДАМ МИЦКЕВИЧ. ПОЛЬША – РОССИЯ – ВОСТОК»

28 октября 2017 г. в Музее-усадьбе «Остафьево» – «Русский Парнас» прошла Международная научная конференция «Адам Мицкевич. Польша – Россия – Восток». Организаторами мероприятия были Польский культурный центр в Москве, Посольство Республики Польша, Министерство культуры Российской Федерации, Институт русистики Варшавского университета, Государственный музей-усадьба «Остафьево» – «Русский Парнас». В конференции приняли участие ученые из Польши и России. Среди них были представители Варшавского университета, Университета им. Николая Коперника, Института российской истории и Института славяноведения РАН, Гданьского университета, МГУ им. М.В. Ломоносова, Государственного музея А.С. Пушкина.

На место проведения мероприятия не случайно выбрано именно Остафьево, которое было построено на рубеже XVIII–XIX вв. князем Андреем Ивановичем Вяземским, оно быстро стало важным литературным центром, в котором собирались представители культуры той поры. Среди них был также один из величайших поэтов польского романтизма – Адам Мицкевич, личность которого стала темой октябрьской конференции.

Мероприятие открыл чрезвычайный и полномочный посол Польши в России Влодзимеж Марчиняк. Гостей приветствовали также Анатолий Семенович Коршиков – директор Музея-усадьбы «Остафьево» – «Русский Парнас» и Дариуш Клеховский – директор Польского культурного центра в Москве.

Участники научной встречи в Остафьеве обсуждали не только вопросы творчества самого Мицкевича, но также и его отношений с Александром Пушкиным, Петром Вяземским, Фаддеем Булгариным и др. *М. Домбровская* (Варшавский ун-т) в докладе «Адам Мицкевич в трудах российских библиографов» указала множество тем, связанных с польским поэтом в трудах русских литераторов. В докладе учитывались моно- и полибиобиблиографические ресурсы. Главным предметом исследования являлись русские биобиблиографические материалы XIX в: П.П. Дубровского и С. Пономарева. В выступлении оценивалась также роль этих работ в истории русско-польских научных отношений и значение в развитии библиографии.

Подробно о связях Мицкевича с Вяземским рассказал *Д.П. Ивинский* (МГУ) в выступлении «Князь П.А. Вяземский и русские страницы парижских лекций Адама Мицкевича». Об отношениях с Ф.В. Булгариным ознакомил присутствующих *П. Глушковский* из Варшавского университета в докладе «“Дорогой Пан Тадеуш”. Взаимоотношения Адама Мицкевича и Фаддея Венедиктовича Булгарина». Доклад Глушковского открыл малоизвестные до сих пор факты о хороших отношениях А. Мицкевича и Ф.В. Булгарина. Докладчик предпринял интересную попытку дискуссии со стереотипами, относящимися к обоим персонажам. Глушковский доказывал, что хотя Мицкевича считают в Польше «нашим всем», а Булгарина «продажным журналистом», но они уважали друг друга и даже постоянно встречались и переписывались (Булгарин помог Мицкевичу получить разрешение на выезд из России). Про «Персию Адама Мицкевича» аудитория услышала во время выступления *Зб. Казмерчика* (Гданьский ун-т). Казмерчик обратил внимание слушателей на ориентальный характер некоторых произведений Мицкевича. Подчеркнул, что проблема Персии в его творчестве ведет к «Великой импровизации», которую трудно полностью понять вне контекста ориентальной поэмы Мицкевича «Ариман и Оромаз». *Л.П. Марней* и *Б.В. Носов*

(Исл РАН) обратили внимание на «Образ шляхетской Речи Посполитой XVIII в. в творчестве Адама Мицкевича». В докладе авторы осветили вопрос: насколько в творчестве великого польского поэта нашел отражение XVIII век. Докладчик интересовало как романтическое восприятие самой эпохи, так и отображение в наследии Мицкевича общественных и мировоззренческих реалий шляхетской Речи Посполитой в поэмах «Гражине», «Дзядах» и «Пане Тадеуше». Подводя итоги, ученые подчеркнули, что образ шляхетской Речи Посполитой XVIII в. в поэмах Мицкевича носил двойственный характер. С одной стороны, он предстал воплощением ушедшей в прошлое эпохи, а с другой — отражением современного Мицкевичу общественного быта и мировоззрения польского дворянства.

Д. Пневский (Ун-т Николая Коперника в Торуня) заинтересовал слушателей темой «Россия в польском варианте “славянской идеи”». Адам Мицкевич и ультрамонтаны». Докладчик обратил внимание на «Змартвыхвстанцев» — польский орден, основанный в Париже, с которым был связан Мицкевич. В выступлении анализировался, между прочим, текст «Два идолопоклонства в Польше опасны (Dwa bałwochwalstwa w Polsce niebezpieczne)» — текст-манифест, опубликованный Яном Козьмианом в журналах «Przegląd Poznański» и «Kuryer Poznański» в 1849 г.

Интерес участников конференции вызвали также темы, связанные с переводами на русский язык творчества польского поэта. Е.А. Пономарева (Государственный музей А.С. Пушкина) рассказала про неизвестные переводы стихотворений Адама Мицкевича и Антония Эдварда Одынца в детской книге пушкинского времени, а К.А. Кочегаров (Исл РАН) — про поэтические переводы поэмы Адама Мицкевича «Пан Тадеуш» на русский язык в общественно-политическом контексте России. В выступлении Кочегаров подчеркнул, что взаимная заинтересованность русских и поляков в «культурном багаже» друг друга неизменно сохранялась в течение двухсот лет, несмотря на различного рода осложнения и кризисы между Россией и Польшей. Иллюстрацией этого тезиса стал перевод «Пана Тадеуша» на русский язык С.Г. Мар, который был издан в 1949 г. Последний доклад конференции — «Образы Адама Мицкевича в произведениях медальерного искусства (из собрания Государственного музея-усадьбы “Остафьево” — “Русский Парнас”»)» представила О.П. Боровик (Государственный музей-усадьба «Остафьево» — «Русский Парнас»). В соответствии с темой конференции, музей подготовил предметы медальерного искусства, посвященные Адаму Мицкевичу. Боровик уточнила, что к портретному изображению А. Мицкевича обращались не только польские и русские медальеры, но и скульпторы других стран. Всего в докладе говорилось о 26-и памятных медальонах, медалях и плакетах, посвященных А. Мицкевичу, авторами которых были, например, Д. д’Анже, В. Гловацкий, Ф. Войтых, М. Курнатовский, Е. Горол, Н.А. Соколов, М.А. Шмаков, А.С. Забалуев.

Подводя итоги научной встреч в Остафьево, следует подчеркнуть высокий уровень конференции и факт, что ее участники — приглашенные гости, любители литературы, а также и студенты, могли выслушать множество интересных лекций, докладов и принять участие в дискуссиях. Обсуждались вопросы, связанные не только с Мицкевичем, но и с польско-русскими отношениями. Участники мероприятия были приглашены на очень интересную экскурсию по музею-усадьбе. Экскурсоводы — сотрудники Остафьевского музея рассказали присутствующим историю усадьбы — одного из центров культурной жизни России, провели по главным выставкам и экспозициям, в том числе специальной — посвященной Адаму Мицкевичу. Все желающие могли прогуляться по старой липовой аллее и почувствовать себя почти как гости Вяземских из конца XVIII — начала XIX в.

Продолжением этой темы будет организованная в Варшаве (24–25 мая 2018 г.) Институтом русистики Варшавского университета и Гданьским отделом Литературного общества им. А. Мицкевича, Международная научная конференция «Адам Мицкевич и русские», на которую организаторы пригласили всех присутствующих.

© 2018 г. И. Коза

DOI: 10.31857/S0869544X0000860-9

К ЮБИЛЕЮ ГЕННАДИЯ ФИЛИППОВИЧА МАТВЕЕВА

2 ноября 2018 г. исполняется 75 лет Геннадию Филипповичу Матвееву, выдающемуся российскому историку и преподавателю, заслуженному профессору исторического факультета Московского государственного университета.

В 1966 г. Г.Ф. Матвеев поступил на исторический факультет МГУ, с которым будет связана вся дальнейшая судьба ученого. В 1970–1971 гг. он проходил свою первую научную стажировку в Варшавском университете под руководством профессора Анджее Гарлицкого. Окончив университет в 1971 г., Матвеев начал работать в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, но уже спустя год, в 1972 г., вернулся в МГУ, поступив в очную аспирантуру. Научным руководителем Матвеева вновь стала И.М. Белявская, а научным консультантом — А. Гарлицкий.

В 1976 г. Матвеев защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Идейно-политическое и организационное развитие польского буржуазного лагеря национальной демократии в 1921 — первой половине 1927 г.».

Кроме того, на протяжении этого десятилетия Матвеев занимался изучением идеологии аграризма в общеславянском контексте. Результаты своих изысканий он представил в ряде крупных статей, а также положил в основу докторской диссертации, которую защитил в 1992 г. Тема докторской диссертации Матвеева — «“Третий путь?” Идеология аграризма в Чехословакии и Польше в межвоенный период». Диссертация легла в основу изданной в 1992 г. монографии ученого «Идеология аграризма в Чехословакии и Польше. 1918–1935», в которой исследовалось развитие идеологии аграрной партии Чехословакии и польского людовского движения между двумя мировыми войнами.

В ноябре 1991 г. коллектив кафедры истории южных и западных славян единогласно избрал Матвеева на должность заведующего кафедрой. В 1993 г. он получил ученое звание профессора. Новый заведующий столкнулся с принципиально новыми обстоятельствами. Геополитические изменения — распад Советского союза, Югославии и Чехословакии — внесли свои коррективы в учебные планы. Резко сократилось финансирование, поэтому как зарубежные практики, работа в зарубежных архивах, так и пополнение библиотечных фондов стали сопряжены со значительными трудностями. Тем не менее, в тяжелое для кафедры время Матвееву удалось сохранить ее коллектив, а также, что немаловажно, и прежние связи с коллегами в славянских странах.

В 1990-е гг., когда открылись для исследователей многие прежде секретные фонды российских архивов, Матвеев активно работал с фондами Центра хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК). Там хранилось большое количество материалов различных польских ведомств и организаций, вывезенных в 1939 году в Москву, в том числе Второго отдела Генерального штаба Войска Польского (военная разведка и контрразведка) и Института Юзефа Пилсудского, посвященного изучению новейшей истории Польши (1922–1939). В 1997–1998 годах совместно с коллегами из Лодзинского университета К. Бадзяком и П. Самусем Матвеев подготовил два больших сборника документов, посвященных диверсионной деятельности польских спецслужб в Зальцье и Подкарпатской Руси в 1938 г. соответственно.

В 2004 г. Матвеев выступил в качестве ответственного составителя сборника документов и материалов «Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг.», подготовленного коллективом российских и польских историков. Тема красноармейцев в польском плену до сих пор будоражит общественность, вызывая массу дискуссий, в том

числе подвергая сомнению выводы профессора. Однако нельзя не признать, что он является одним из наиболее подготовленных специалистов по этому вопросу.

Значительной вехой в деятельности Г.Ф. Матеева как ученого стала работа в качестве вице-председателя российской части Российско-польской комиссии по трудным вопросам, результатом деятельности которой стало издание «Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях» в 2010 г., где снова поднимался, среди прочих, вопрос численности погибших в польском плену солдат Красной армии.

Большое значение Матеев придавал изданию учебника по истории южных и западных славян, созданного коллективом кафедры. Для издания 2008 г. разделы по новой и новейшей истории Польши заведующий кафедрой переписал заново. В заметке 2015 г. сам Матеев относил к своим достижениям то, что кафедре удалось сохранить преподавание истории южных и западных славян как обязательного общего курса на истфаке МГУ, а также продолжить курс на углубление специализации студентов с региона на конкретную страну. Значительной его заслугой можно считать и начавшееся изучение на кафедре истории Украины и Белоруссии, что вылилось как в создание Центра украинистики и белорусистики под руководством М.В. Дмитриева, так и подготовку на кафедре ряда дипломных работ, а в последующие годы и кандидатских диссертаций, посвященных истории региона.

Матеев стал первым российским историком, написавшим научную биографию польского государственного и политического деятеля Юзефа Пилсудского. Он подверг критическому разбору устоявшиеся в польской и отечественной литературе представления о роли Пилсудского в создании вооруженных формирований, сражавшихся на стороне Центральных держав в период Первой мировой войны, о целях, преследовавшихся им в ходе войн 1919–1920 гг. Наконец, историк предложил новую интерпретацию сущности майского переворота 1926 г., организованного Пилсудским, и более точно определил роль маршала в разработке и принятии польской конституции 1935 г. Биография была опубликована в 2008 г. издательством «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей». По словам Матеева, написать биографию Пилсудского автора побудило то, что видный польский деятель был тесно связан с Россией и ее историей, а также то, как много вокруг него образовалось лжи. Для написания книги о Пилсудском ученый использовал ранее не публиковавшиеся архивные материалы из фондов Российского государственного военного архива, в том числе документы из трофейных польских фондов. В заключении к работе он охарактеризовал героя книги как человека энергичного, решительного, постоянно готового взять на себя ответственность и принимать решения, готового повести за собой людей, не сдававшегося после ошибок и неудач. Как российские, так и польские коллеги встретили книгу положительными отзывами.

В 2011 г. в соавторстве со своей племянницей, историком и преподавателем Ровенского института славяноведения В.С. Матеевой, историк издал книгу «Польский плен: Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах». Эту работу авторы посвятили памяти своего отца и деда, участвовавшего в Советско-польской войне. В книге были аргументированно опровергнуты утверждения ведущего польского специалиста по теме Збигнева Карпуса, что в польском плену погибли 16–18 тысяч красноармейцев, и подвергнута критике его методика подсчета. Матеевы привлекли к исследованию документы из архивов Польши, России и Швейцарии (материалы из Архива Международного комитета Красного Креста в Женеве). Российские авторы рецензий на книгу дали ей положительные оценки, отметив сдержанность историков в комментариях и выводах и скрупулезность в работе с источниками.

Последние годы Г.Ф. Матеев продолжает исследовать историю советско-польского противостояния, опубликовав ряд статей по истории советско-польской войны 1919–1921 гг., в частности, посвященных дипломатическим контактам Советской России и Польши. Матеев настаивает на том, что стороны конфликта были в равной степени виноваты в его развязывании. Он отвергает господствующий в современной польской историографии термин «Польско-большевистская война», предпочитая определение «польско-советская» или «советско-польская война». По мнению историка, акцент на «большевизме» искажает сущность конфликта, в основе которого лежала не идеологическая борьба, а территориальная.

Впервые я узнала о профессоре Матвееве весной 2000 г., будучи студенткой второго курса исторического факультета, когда Геннадий Филиппович вел спецкурс «Польша и НАТО». Личность преподавателя решает многое, и манера изложения, демократическая обстановка на спецкурсе, увлеченность автора темой, интересные рассуждения о закономерностях исторических процессов окончательно склонили мой выбор в сторону истории Польши. Г.Ф. Матвеев стал самым ярким и запоминающимся преподавателем, а в дальнейшем и научным руководителем. Подкупало то, что в работе со студентом он всегда идет от интересов последнего. Выбор темы и степень погружения в нее зависит от того, насколько сам студент заинтересован в научной работе. Мягко подсказать лучший способ разрешения затруднений, а не диктовать свое видение проблемы, позволить практически полную свободу действий и подсказать исследования, которые будут полезны, позволяют его ученикам при желании максимально овладеть научным инструментарием и стать вполне самостоятельными исследователями. Все его выпускники характеризуют его как всегда доброжелательного, готового прийти на помощь наставника. Под руководством Г.Ф. Матвеева защищено 16 кандидатских и одна докторская диссертация. Первым кандидатом наук, защитившимся под руководством историка, в 1988 г. стал М. М. Кожокин, будущий главный редактор «Известий» и вице-президент банка ВТБ-24. Среди его учеников многие посвятили себя научной и преподавательской деятельности, став в ней вполне успешными: А.В. Гушин, М.А. Булахтин, О.В. Бабенко, М.С. Павлова и др.

От всей души поздравляем Геннадия Филипповича с днем рождения, желаем ему здоровья и продолжения его плодотворной деятельности на благо российской науки и образования. Его вклад в обе эти области огромен и заслуживает высочайшей оценки.

© 2018 г. Д.А. Короткова

DOI: 10.31857/S0869544X0001444-1

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Геннадию Филипповичу здоровья и творческих успехов.

ПАМЯТИ ИВАНА ИВАНОВИЧА КОСТЮШКО (1919–2018)

3 марта 2018 г. на 99-м году жизни скончался Иван Иванович Костюшко, доктор исторических наук, профессор, специалист по широкому кругу социально-экономических и политических проблем истории Польши XIX–XX вв. и российско-польских отношений, ветеран войны. Ушел известный историк-полонист, более 60 лет проработавший в Институте славяноведения АН СССР (затем РАН). Все годы его работы в Инславе отмечены действительно полезной, плодотворной, реально значимой работой. Широки не только хронологические рамки исследований ученого, но и их территориальный охват: в поле его зрения входили проблемы исторического развития всех польских земель. Работы Костюшко отличаются тщательным анализом большого круга привлеченных источников, четким формулированием выводов.

Он прожил долгую, трудную, интересную жизнь, не дожив до 100 лет всего немногим более года. И.И. Костюшко родился 31 июля 1919 г. в окрестности Букорево Кохановского района Витебской области Белоруссии в семье «маломощного крестьянина-средняка», как он писал впоследствии в автобиографии. Родословная Костюшко подробно им реконструирована на основе архивных материалов. Родословное древо, прослеживаемое по источникам, берет начало в XV в. «Маломощные середняки» на самом деле оказались старинным шляхетским родом Великого княжества Литовского. По первому разделу Речи Посполитой предки Ивана Ивановича, с XVII в. жившие в Витебском воеводстве, оказались подданными Екатерины II. Костюшки уже в сентябре 1772 г. присягнули на верность Российской империи, но имение, бывшее в державе Романовых основанием для признания дворянского достоинства, было частично продано еще 1 февраля 1771 г. И эта разница в год стала причиной длившегося почти век разбирательства, дворяне ли Костюшки Хоболтовские.

В 1936 г. Иван Иванович окончил Минскую зубоврачебную школу, получив среднее специальное образование. С июня 1941 г. служил в Красной армии (связист-радист, военный фельдшер, офицер), с 1944 г. – в Войске польском. Воевал на Западном, 2-м Прибалтийском, 1-м Белорусском фронтах. Член ВКП(б) с января 1943 г. И.И. Костюшко был награжден орденами Отечественной войны I степени, Дружбы народов, серебряным «Крестом заслуги» (ПНР), медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией», другими государственными наградами. Летом 1946 г. Иван Иванович демобилизовался в Бобруйске в чине капитана медицинской службы и возвратился на учебу в историко-архивный институт в Москве, который и окончил в июне 1947 г.

Так начиналась замечательная научная биография патриарха отечественной славистики. В Институте славяноведения И.И. Костюшко прошел все ступени роста – от аспиранта до заведующего сектором, последние годы перед выходом на пенсию в 2009 г. работая в должности ведущего научного сотрудника-консультанта.

В начале научного пути И.И. Костюшко сосредоточился на проблемах аграрной истории Польши XIX в. Его кандидатская диссертация «Развитие капитализма и кризис феодально-крепостнических отношений в польской деревне (Царство Польское в 30-х – начале 60-х годов XIX в.)» была выполнена под руководством академика Б.Д. Грекова и успешно защищена в 1951 г. в Институте славяноведения. В 1950-е годы Костюшко входил в авторский коллектив, работавший над трехтомной «Историей Польши», публиковал в

изданиях Инслава статьи по социально-экономической истории Польши XIX в. Не ограничиваясь экономическими проблемами разложения феодальных отношений в польской деревне, утверждения в ней капитализма, он обратился и к вопросу о крестьянских движениях в Царстве Польском, в том числе их политическому аспекту. В числе первых российских исследователей И.И. Костюшко изучал также взаимоотношения сил польской демократии с освободительным движением украинского народа.

В 1962 г. вышла фундаментальная монография ученого «Крестьянская реформа 1864 г. в Царстве Польском», защищенная им в 1963 г. в качестве докторской диссертации. Изучение предпосылок аграрной реформы 1864 г. ввело в контекст его исследований польское восстание 1863–1864 гг., которому И.И. Костюшко посвятил ряд публикаций. Наиболее значительная из них – вышедший под его редакцией сборник документов «Восстание 1863 г. Крестьяне и крестьянский вопрос в восстании 1863 г. По материалам Радомской губернии» (Вроцлав; М., 1962).

В дальнейшем Иван Иванович занялся изучением состояния аграрной проблемы в польских землях, отошедших в конце XVIII в. к Пруссии и Австрии. Освоение этой тематики позволило ему на следующем этапе научной биографии обратиться к более широкомасштабным по замыслу и охвату материала исследованиям (в том числе и сравнительно-историческим) аграрных реформ в трех европейских монархиях. Его монографии «Прусская аграрная реформа: К проблеме буржуазной аграрной эволюции прусского типа» (М., 1989), «Аграрная реформа 1848 г. в Австрии» (М., 1993), «Аграрные реформы в Австрии, Пруссии и России в период перехода от феодализма к капитализму (Сравнительный очерк)» (М., 1994) получили отклик специалистов по социально-экономической истории.

Но научные интересы Костюшко не ограничивались указанными проблемами, наряду с исследовательской работой большое внимание он уделял работе научно-организационной и редакторской. Это направление занимало очень важное место в его научном творчестве, прослеживалось с самых первых его шагов в науке.

Особое место в его деятельности как публикатора и редактора занимала работа над совместным советско-польским многотомным изданием «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». Заменяя в 1974 г. И.А. Хренова на посту руководителя советской части редколлегии этой публикации, И.И. Костюшко взвалил на свои плечи не только тяжкий груз научно-организационной работы, но и огромную политическую ответственность. Несмотря на то, что членами редколлегии являлись руководители крупнейших советских архивохранилищ, комплектация томов встречала большие трудности на своем пути: многие важные документы, на включении которых настаивали поляки, были недоступны в советских архивах. В такой обстановке во время нередко весьма накаленных и нервных дискуссий от главного редактора с советской стороны требовалась большая выдержка и дипломатичность в сочетании с твердостью и принципиальностью. Костюшко обладал этими качествами. Он сумел не только добиться осуществления делового сотрудничества с польскими коллегами, но и обеспечить создание атмосферы взаимного уважения и доброжелательности. В результате возникли теплые человеческие отношения, и не случайно многие из тех польских историков, кто работал над томами публикации, до сих пор вспоминают Ивана Ивановича с дружеским чувством. Подтверждением этого явилось участие ряда польских коллег в сборнике статей, подготовленном в честь 90-летнего юбилея старейшего полониста Института славяноведения («STUDIA SLAVICA – POLONICA». К 90-летию И.И. Костюшко. М., 2009).

Заключительный 12-й том «Документов и материалов...» вышел в нашей стране в 1986 г., таким образом И.И. Костюшко руководил этой работой более десяти лет. Полученный опыт нашел отражение и в его исследовательской деятельности, дав толчок появлению новой направленности его научных интересов и повлияв на выбор тематики. Еще во время сотрудничества с польскими учеными над публикацией он принял активное участие в подготовке изданной в Польше совместной коллективной монографии в двух томах «Польша – СССР. Интернационалистическое сотрудничество – история и современность», а также возглавил в качестве ответственного редактора коллектив, подготовивший совместное издание «Очерки

истории советско-польских отношений 1917–1977» (М., 1979), которое затем вышло в переводе на польский язык. Изучению этого периода в отношениях двух стран были посвящены и последующие труды ученого. Он также часто выступал ответственным редактором книг других авторов, исследовавших историю стран Центральной и Восточной Европы в межвоенные и послевоенные годы.

В 1960–1980-е годы И.И. Костюшко многократно представлял Советский Союз на международных славистических конференциях, принимал участие в работе Международной комиссии по истории славистики при Международном комитете славистов. Доклады советских делегаций на VIII и X Международных съездах славистов (Загреб-Люблина, 1978; София, 1988) «История, культура, этнография и фольклор славянских народов» были опубликованы под его редакцией.

В конце 1980-х годов И.И. Костюшко обратился к новой для себя теме – изучению советско-польской войны 1919–1920 гг. Под его руководством как ответственного редактора было подготовлено издание документов и материалов «Польско-советская война, 1919–1920 (Ранее не опубликованные документы и материалы)» в двух частях (М., 1994). Другой важной публикацией И.И. Костюшко стали «Материалы “Особой папки” Политбюро ЦКП(б)–ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений 1923–1944 гг.». Он явился также автором и составителем сборника документов и материалов «Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР в 1919–1922 гг.» (М., 2004). Эти работы, а также статья «К вопросу о польских военнопленных 1920 года» (Славяноведение. 2000. № 3) вызвали дискуссию среди историков.

Последняя публикация вышла всего за пару лет до его 90-летия, что лишним раз подтвердило непрерывность деятельности И.И. Костюшко как редактора, издателя, организатора науки. Свидетельством служит и его многолетнее участие в работе Комиссии историков СССР (затем России) и Польши; он был ее членом с момента создания и долгое время выполнял функции заместителя председателя ее советской (русской) части.

Особо следует отметить многолетнюю работу И.И. Костюшко на посту главного редактора журнала «Советское славяноведение». В начале 1950-х годов И.И. Костюшко входил в редколлегия печатного органа Института «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР». Они выходили нерегулярно, тем не менее за 1951–1965 гг. были подготовлены 43 выпуска. Когда же на смену им в 1965 г. пришло регулярное периодическое издание «Советское славяноведение» (с 1992 г. получившее название «Славяноведение»), его первым главным редактором стал И.И. Костюшко и оставался им до 1987 г. Ему принадлежит огромная заслуга в том, что журнал сразу сделался популярным среди научной общественности. Нельзя не подчеркнуть с благодарностью его стремление способствовать обеспечению будущего науки, поддерживая научный рост молодых, расширяя круг исследуемых проблем, ставя все более высокую планку исследованиям.

А вот творческие удачи Ивана Ивановича, ведущего научного сотрудника-консультанта, относящиеся уже к XXI в., в частности: монографии «Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б)» (М., 2005); «Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е гг.)» (М., 2001); подготовка уже упоминавшихся сборников документов «Красноармейцы в польском плену» (М., 2004) и «Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР в 1919–1922 гг.» (М., 2004). Итого – на девятом десятке ведущий научный сотрудник Костюшко подготовил пять монографий и пять крупных исследований статейного плана, обращая при этом к острым, дискуссионным проблемам. Более чем достойное продолжение 60-летней научной карьеры и украшение полутысячелетней истории грамотного рода Костюшек. Его работоспособность, энергия и доброжелательность служили примером для молодого поколения ученых.

Нам всем будет Вас очень не хватать, дорогой Иван Иванович!

Коллеги

ПАМЯТИ ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ МАЙОРОВОЙ (1952–2018)

29 июня 2018 г. не стало Ольги Николаевны Майоровой, кандидата исторических наук, бессменного — с момента образования Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы — ученого секретаря этого подразделения. Смерть всегда несправедлива. В случае с Ольгой Николаевной это несправедливость помноженная на бесконечность. Спортивная, всегда позитивно настроенная, завзятая театралка, идеальная жена, мать двух прекрасных сыновей она удивительным образом сочетала эти качества с высоким профессионализмом и эффективной научной и научно-организационной работой. Ольга учила нас доброжелательности и одновременно — научной введливости и предельной дисциплине. Нам и теперь кажется, что сейчас она войдет в аудиторию и приветливо улыбнется. Как всегда...

Ольга Николаевна родилась 28 февраля 1952 г. в Москве. В 1974 г. окончила исторический факультет МГУ, в 1982 г. — аспирантуру Института славяноведения. В 1982 г. защитила кандидатскую диссертацию по советско-польским отношениям в 1950–1955 гг. В Инславе О.Н. Майорова начинала как старший научно-технический сотрудник (1974 г.), затем — младший научный, научный и старший научный сотрудник. Ольга Николаевна — известный специалист по новейшей истории Польши; ее научные интересы концентрировались на таких направлениях, как общественно-политическое развитие Польши в 1970–1980-е годы (взаимоотношения власти и общества, возникновение и деятельность оппозиционных структур, ключевые аспекты истории польской мирной революции) и период трансформации конца XX — начала XXI в. (проблемы внутри- и внешнеполитического развития Польши).

Основные ее работы посвящены польской партийно-политической системе периода трансформации, становлению в Польше гражданского общества, роли польского государства в современной Европе. Эти сюжеты получили отражение в опубликованных О.Н. Майоровой разделах и главах фундаментальных коллективных трудов, например в работах последних лет: «Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (2008); «Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя» (2011); «Инакомыслие в условиях "реального социализма". Поиски новой государственности (конец 60-х — 80-е годы XX в.)» (2014); «Выбор пути развития: Польский и российский исторический опыт конца XX столетия» (2016) и др.

О.Н. Майорова — автор ряда статей в ведущих научных периодических изданиях. Разрабатывая сложнейшие проблемы польской современной истории, Ольга Николаевна внесла существенный вклад в ликвидацию «белых пятен» в отечественной историографии.

Известен ее большой вклад в международное научное сотрудничество. О.Н. Майорова принимала участие в коллективной работе советских и польских историков по созданию многотомной публикации «Документы и материалы по истории советско-польских отношений» (1976–1983. Т. 9–11; издание выходило также в Варшаве на польском языке).

Спустя некоторое время она вернулась к публикаторской деятельности в качестве составителя, квалифицированного переводчика и автора комментариев польских разделов в сборнике документов, а также в хрестоматии для высшей школы: «Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: Документы и материалы последней трети XX века. Т. 1. (2012); Т. II. (2013); «Протестные движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец 1960-х – 1980-е годы. Хрестоматия» (2013). В этих книгах помещены документы, впервые переведенные на русский язык, характеризующие кризисные ситуации в Польше (1970, 1976, 1980–1981), а также раскрывающие факты зарождения здесь организованной внесистемной оппозиции.

О.Н. Майорова – один из авторов историко-политологических справочных изданий: «Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI веков: аспекты общественно-политического развития» (2003); «Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI в. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник» (2015). Успешно продолжая исследовательскую деятельность по истории Польши в широком тематическом и хронологическом диапазоне, Ольга Николаевна в последние годы продолжала расширять сферу своих научных интересов, разрабатывая проблемы интеграционных процессов в Польше. По этой тематике ею опубликованы разделы в коллективных трудах: «Между Москвой и Брюсселем» (2016); «Европа. Евразия. XXI век начинается» (2018)...

Дальше – многоточие. Шок от ее внезапного ухода – за шесть непонятных (в том числе и для эскулапов) дней в Склифе – не отпускает. Она с нами. Ольга остается в нашей памяти.

Друзья и коллеги

CONTENTS

ARTICLES

<i>Sirotkina E.V.</i> (Tambov). Julius Andrásy, the Eastern Question and development of the Austrian-Russian relations in the 1870s.....	3
<i>Constantiniu F.</i> (Bucharest). Ch.G. Rakovsky and Bessarabian question in the Soviet-Romanian relations (1917–1918).....	17
<i>Gai-Nyzhnik P.P.</i> (Kiev). Establishing of the Ukrainian-Georgian diplomatic relations during the Ukrainian People's Republic and Central Rada (1917–1918).....	32
<i>Korotkova D.A.</i> (Moscow). «Enlargement of the Byelorussian SSR» in 1923–1924 as a factor of the Soviet influence in Poland	48
<i>Gladysheva A.S.</i> (Moscow). Position of Romania on the issue of the non-proliferation of nuclear weapons (1955–1968).....	60
<i>Aleksandrova A.K.</i> (Moscow). Recent research on the the political crisis of 2010 in Greece.....	74
<i>Yakushkina E.I.</i> (Москва). Montenegrin dialects in the «Slavic Linguistic Atlas» (lexical aspect).....	86

ESSAYS

<i>Marjina V.V.</i> (Moscow). The book of the Czech historian Michal Macháček on the last president of the Socialist Czechoslovakia Gustáv Husák.....	95
---	----

IN MEMORIAM

<i>Silkin A.A.</i> (Moscow). A man on the Balkans: life and work of Andrey L. Shemyakin.....	109
--	-----

REVIEW ARTICLES

<i>Chernyavsky G.I.</i> Д. Миколенко. Страсті за Стамболовим: Болгарське державотворення у 1895–1920 рр.....	118
<i>Borisenok Yu.A.</i> Э. Дурачинский. Сталин: создатель и диктатор сверхдержавы.....	120
<i>Parsadanova V.S.</i> Советский союз и польское подполье. Апрель 1943 – декабрь 1945. Т. 2. Ч. 1. Варшавское восстание. Июль–ноябрь 1944 г. Документы.....	124

SCHOLARLY LIFE

<i>Gach A.</i> International scholarly conference «The Old-Pravoslav Church: history and modernity».....	129
<i>Koza I.</i> On the international scholarly conference «Adam Mickiewicz. Poland – Russia – the East».....	132

YUBILEES

<i>Korotkova D.A.</i> To the jubilee of Gennadyi Filippovich Matveev	134
--	-----

OBITUARIES

In memoriam of Ivan Ivanovich Kostyushko (1919–2018).....	137
In memoriam of Olga Nikolaevna Majorova (1952–2018).....	140